

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

**Гладун Е. Ф., Нистен-Хаарала С.,
Тулаева С. А., Захарова О. В.**

Экономика коренных народов в арктических
регионах: традиции и трансформации
(на примере России, Финляндии, США)

Аникин В. А. Социальная структура новой
России: опыт применения апостериорного
подхода

Бенанав А. Автоматизация и будущее труда

Лехциер В. Л., Шекунова Ю. О.

Генетизация с точки зрения генетиков:
направления, проблемы и перспективы
персонализированного и предиктивного
молекулярно-генетического тестирования
в России

**Экономическая
социология**
Т. 23. № 3
Май 2022

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 23. No 3.
May 2022

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Экономическая
социология
Т. 23. № 3.
Май 2022

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный
секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Лапин
Николай Иванович

Институт философии РАН (Россия)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 23. No 3.

May 2022

Electronic journal

www.ecsoc.msses.ru

www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE, Russia)

Editor:

Tatyana Sokolova (HSE, Russia)

Design and Layout:

Maria Mishina (Russia)

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)

Editorial Staff:

Natalia Conroy (HSE, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE University (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE University (Russia)

Lyudmila Khakhulina

Yuri Levada Analytical Center (Russia)

Nikolay Lapin

Institute of Philosophy of Russian Academy
of Sciences (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

HSE University (Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Новые тексты

Е. Ф. Гладун, С. Нистен-Хаарала, С. А. Тулаева, О. В. Захарова

Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации
(на примере России, Финляндии, США) 11

В. А. Аникин

Социальная структура новой России: опыт применения апостериорного подхода 42

Новые переводы

А. Бенанав

Автоматизация и будущее труда 92

Расширение границ

Л. Н. Нацун, О. Н. Калачикова

Вклад вспомогательных репродуктивных технологий
в воспроизводство населения России и социальные аспекты их применения 109

В. Л. Лехциер, Ю. О. Шекунова

Генетизация с точки зрения генетиков: направления, проблемы
и перспективы персонализированного и предиктивного молекулярно-
генетического тестирования в России 129

Новые книги

И. В. Ивлева

Экономические и социокультурные аспекты транснациональной
миграции в Россию

Рецензия на книгу: Абашин С., Бредникова О. 2021.

«Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность.

М.: НЛО. 520 с. 160

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

New Texts

Elena Gladun, Soili Nysten-Haarala, Svetlana Tulaeva, Olga Zakharova

Indigenous Economy in the Arctic Regions: Traditions, Market, State
(On the Example of the Transformation of the Economic Activity of the Indigenous
Peoples in Russia, Finland, and the USA)..... 11

Vasily Anikin

Social Structure in new Russia: Evidence from Bayesian Latent Class Analysis 42

New Translations

Aaron Benanav

Automation and the Future of Work (excerpt)..... 92

Beyond Borders

Leila Natsun, Ol'ga Kalachikova

Contribution of Assisted Reproductive Technologies to the Reproduction
of the Russian Population and Social Aspects of their Application..... 109

Vitaliy Lekhtsier, Yulia Shekunova

Geneticization from the Point of View of Geneticists: Practices, and Prospects
of Personalized and Predictive Molecular Genetic Testing in Russia 129

New Books

Irina Ivleva

Economic and Sociocultural Aspects of Transnational Migration to Russia

Book Review: Abashin S., Brednikova O. (eds) (2021) «Zhit' v dvukh mirakh»:

pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost' [“*Living in Two Worlds*”:

Rethinking Transnationalism and Translocality], Moscow: NLO Publishing House.

520 p. (in Russian)..... 160

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Геополитическое положение России и общая ситуация в мире продолжают ухудшаться. Прогнозы на будущее становятся всё более мрачными. Будем надеяться, что самые плохие из них никогда не оправдаются.

Тем временем мы продолжаем работать и представляем новый номер нашего журнала.

В рубрике «**Новые тексты**» публикуется статья канд. юрид. наук *Е. Ф. Гладун* (профессор Тюменского государственного университета), *С. Нистен-Харала* (профессор Университета Лапландии, Финляндия), канд. социол. наук *С. А. Тулаевой* (доцент СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург) и канд. филос. наук *О. В. Захаровой* (доцент Тюменского государственного университета) «Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США)». В работе рассматриваются три различные модели развития экономики коренных народов Арктики на примере России, Финляндии и США. В России сохраняется патерналистская модель, в которой значимую роль играет государство, оказывающее поддержку коренному населению и ориентированное на консервацию традиционной культуры. В Финляндии доминирует рыночная модель, подразумевающая коммерциализацию традиционного хозяйства. США представляют смешанную модель, сочетающую рыночные механизмы и патернализм. Основными методами исследования стали полуструктурированные интервью, наблюдения в местах проживания коренного населения, анализ документов.

В ту же рубрику вошла статья канд. экон. наук *В. А. Аникина* (доцент НИУ ВШЭ) «Социальная структура новой России: опыт применения апостериорного подхода». В основу работы положено веберовское понятие «жизненные шансы», операционализированное на основе 24 показателей положительной и негативной привилегированности россиян и их домохозяйств в четырёх главных жизненных сферах: экономические условия жизни, ситуация на работе, человеческий потенциал, потребление и досуг. На данных Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН 2015 и 2018 гг. предложено исследование апостериорной модели классов, выделенных с помощью байесовских методов латентного классового анализа. Использование данного подхода позволило выделить пять основных классов и оценить уровень их политической лояльности.

В рубрике «**Новые переводы**» мы знакомим читателей с фрагментом из книги *Аарона Бенанава* (научный сотрудник Берлинского университета имени Гумбольдта) «Автоматизация и будущее труда» (Benanav A. 2020. *Automation and the Future of Work*. London: Verso Books). Автор книги, критикуя новый дискурс автоматизации, излагает историю того, что произошло с мировой экономикой и её рабочей силой за последние 50 лет. А. Бенанав предполагает, что перелом ситуации в пользу более человеческого будущего зависит от отказа масс трудящихся на согласие с хроническим падением спроса на их труд и связанным с этим увеличением экономического неравенства. Мы публикуем первую главу — «Дискурс автоматизации» («The Automation Discourse»), в которой автор предлагает систематизацию аргументов нового дискурса автоматизации, чтобы в последующих главах развернуть свои объяснения низкого спроса на труд. Перевод с английского *Николая Проценко*. Публикуется с разрешения Издательства Института им. Гайдара.

В рубрике «**Расширение границ**» предлагается статья *Л. Н. Нацун* и канд. экон. наук *О. Н. Калачиковой* (обе — сотрудницы Вологодского научного центра Российской академии наук) «Вклад вспомо-

гательных репродуктивных технологий в воспроизводство населения России и социальные аспекты их применения». В работе показано, какие факторы препятствуют обращению населения к вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ), проведена оценка доли семей, которые составляют потенциал расширения масштаба охвата населения этими услугами. Наиболее значительными барьерами, ограничивающими этот рост, оказываются относительно настроенное восприятие со стороны населения и сохранение платности некоторых сопутствующих процедур для пациентов.

Далее следует статья д-ра филос. наук *В. Л. Лехциера* и *Ю. О. Шекуновой* (оба автора из Самарского НИУ им. академика С. П. Королёва) «Генетизация с точки зрения генетиков: направления, проблемы и перспективы персонализированного и предиктивного молекулярно-генетического тестирования в России». Статья предлагает результаты качественного эмпирического социологического анализа взглядов медицинских генетиков в отношении проблем, возможностей и перспектив предиктивного генетического тестирования в России как относительно новой отрасли здравоохранения. Выявляются позиции внутри профессионального сообщества, которые можно назвать консенсусными, и позиции, по поводу которых профессиональный консенсус отсутствует.

В рубрике «**Новые книги**» публикуется рецензия на книгу: Абашин С., Бредникова О. 2021. *«Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность*. М.: НЛО. Рецензию подготовила канд. социол. наук *И. В. Ивлева* (доцент факультета социологии СПбГУ). В книге собраны статьи о передвижениях мигрантов, преимущественно из стран Центральной Азии, в Россию и обратно. Рассматриваются транснациональные модели существования мигрантов, передвижение и роль вещей в миграционном контексте (обмен дарами, подарками, гостинцами и сувенирами; мигрантский автомобиль), роль денежных переводов, миграционная инфраструктура, использование мобильной связи и др. Авторы книги пытались показать, что наряду с экономическими аспектами значение приобретают социальные и культурные факторы.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

The geopolitical positions of Russia and the general situation in the world keep on deteriorating. Predictions for the future are becoming increasingly gloomy. Let us hope that worst of these predictions will never come true.

Meanwhile, we continue to work and present a new issue of our journal.

The issue starts with a paper by Prof. *Elena Gladun* (Tyumen State University), Prof. *Soili Nysten-Haarala* (University of Lapland, Finland), Dr. *Svetlana Tulaeva* (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg), and Dr. *Olga Zakharova* (Tyumen State University) ‘Indigenous Economy in the Arctic Regions: Traditions, Market, State (On the Example of the Transformation of the Economic Activity of the Indigenous Peoples in Russia, Finland, and the USA)’. The paper considers three different scenarios for the development of the Indigenous economy in the Arctic regions based on the cases of Russia, Finland and the United States. In Russia, the state plays a significant role by providing paternalistic care to the Indigenous population and focusing on the preservation of traditional culture; Finland is dominated by a market scenario for the development of Indigenous traditional economies and governmental support for indigenous culture and welfare; and the United States represents an intermediate case in which market incentives and paternalism are combined. The main research methods were semi-structured interviews, observations, and analysis of documents.

Dr. *Vasily Anikin* (Associate professor of the HSE University) presents his paper ‘Social Structure in New Russia: Evidence from Bayesian Latent Class Analysis.’ The study employs the Weberian concept of life chances which has been operationalized on the map of 24 binary items measuring positive and negative privileges of individuals and their households in four major domains of life, economic stability and security, industrial relations, human development, economic consumption, and leisure. Drawing from the Monitoring data conducted by the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2015 and 2018, the author proposed the posterior model of vertically integrated five socioeconomic classes and estimated the level of their political loyalty.

We present a Russian translation of a fragment from the book by *Aaron Benanav* (Humboldt Universität zu Berlin) ‘Automation and the Future of Work’ (L.: Verso Books, 2020). In this book, the author critiques the new wave of automation discourse, and suggests his version of history of the global economy and labor development in the last 50 years. The author believes that the majority of employed people will stop being tolerant of the chronic decline in demand for labor and resulting economic inequality, which will turn the world towards a more humanized future. The Journal of Economic Sociology publishes the first chapter “Discourse of Automation” in which the author systematizes arguments of the new automation discourse in order to provide his explanations for the declining demand for labor in the next chapters. Translated into Russian by *Nikolai Protsenko*. Published with a kind permission of the Publishing House of the Gaidar Institute.

Leila Natsun, and Dr. *Olga Kalachikova* (both from the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences) present their study ‘Contribution of Assisted Reproductive Technologies to the Reproduction of the Russian Population and Social Aspects of their Application’. The study shows what factors hinder the population’s access to ART, and offers an assessment of the proportion of families that make up the potential for expanding the scale of coverage of the population with these services. The most significant barriers that limit this growth are the relatively cautious perception on the part of the population and payment for some concomitant procedure by the patients.

Vitaliy Lekhtsier and *Yulia Shekunova* (both from the Samara National Research University) propose a study ‘Geneticization from the Point of View of Geneticists: Practices, and Prospects of Personalized and Predictive Molecular Genetic Testing in Russia’. The article offers the results of a qualitative empirical sociological analysis of medical geneticists’ views on the problems, opportunities, and prospects of predictive genetic testing in Russia as a relatively new branch of healthcare. The authors revealed positions within the professional community of medical geneticists that can be called consensual, and positions that are lacking professional consensus.

Dr. *Irina Ivleva* (Associate Professor, Faculty of Sociology of St. Petersburg State University) reviews a book: Abashin S., Brednikova O. (eds) (2021) «Zhit’ v dvukh mirakh»: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal’nost’ [“Living in Two Worlds”: Rethinking Transnationalism and Translocality], Moscow: NLO (in Russian). The book contains articles on the movements of migrants, predominantly from Central Asian countries to Russia and back. This collection deals with transnational models of existence of migrants, the role and the movement of goods in the migration context (exchange of gifts, presents and souvenirs; the migrant car), the role of remittances, migration infrastructure, the use of mobile communications, etc. The authors point to the importance of social and cultural factors in transnationalism in addition to the economic factors. Most articles in the collection deal with the analysis of the interaction between the social, cultural, and economic aspects of the migrants’ lives.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Е. Ф. Гладун, С. Нистен-Хаарала, С. А. Тулаева, О. В. Захарова

Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США)

ГЛАДУН Елена Фёдоровна — канд. юрид. наук, профессор, Тюменский государственный университет. Адрес: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

Email: e.f.gladun@utmn.ru

НИСТЕН-ХААРАЛА Соили — LL. D, профессор, Университет Лапландии. Адрес: 96101, Финляндия, Рованиemi, почтовый ящик 112.

Email: soili.nysten-haarala@ulapland.fi

Статья посвящена проблеме соотношения экономики и культуры коренных малочисленных народов Севера и рассматривает изменения в традиционном образе жизни и хозяйствования. Трансформации анализируются в рамках концепции «экономика коренных народов» (Indigenous econoty), которая была введена в академическую дискуссию во второй половине XX века. Под экономикой коренных народов понимают хозяйственную деятельность, связанную с сохранением идентичности коренных жителей. Она базируется на традиционном природопользовании, на знании природы, фольклора, владении языком, социальными нормами и представлениями. В то же время активное включение коренных сообществ в рыночные отношения ведёт к значимым социальным и экономическим трансформациям их жизни. Это вызывает дискуссии в отношении дальнейших траекторий развития, которые сводятся к вопросу о том, как сохранить уникальную культуру коренного населения в условиях рынка. В данной работе рассматриваются три различные модели развития экономики коренных народов Арктики на примере России, Финляндии и США. В России сохраняется патерналистская модель, в которой значимую роль играет государство, оказывающее поддержку коренному населению и ориентированное на консервацию традиционной культуры. В Финляндии доминирует рыночная модель, подразумевающая коммерциализацию традиционного хозяйства. США представляют смешанную модель, сочетающую рыночные механизмы и патернализм. Также в статье рассматривается, как выбранный государством путь развития повлиял на социальные и культурные аспекты жизни коренного населения. Эти аспекты связаны с изменившимся отношением к природе, развитием новых культурных паттернов, появлением новых культурно окрашенных видов хозяйственной деятельности. Исследование выполнено на основе качественной методологии. Основными методами исследования стали полуструктурированные интервью, наблюдения в местах проживания коренного населения, анализ документов.

Ключевые слова: Арктика; экономика коренных народов; культура коренных народов; права коренных народов; государственный патернализм; смешанная экономика.

Введение

Проблеме взаимосвязи культуры и экономики посвящено большое количество работ. Культура конституирует хозяйственные институты и влияет на экономическое поведение [Zukin, DiMaggio 1990; Димаджио 2004].

ТУЛАЕВА Светлана Александровна — канд. социол. наук, PhD in Legal Studies, доцент кафедры сравнительных политических исследований СЗИУ РАНХиГС. Адрес: 199178, Россия, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 57.

Email: svett07@mail.ru

ЗАХАРОВА Ольга Владимировна — канд. филос. наук, доцент, Тюменский государственный университет. Адрес: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

Email: o.v.zakharova@utmn.ru

Концепция социальной укоренённости экономического поведения рассматривается в контексте изучения К. Поланьи «моральной экономики», которая тесно связана с социально одобряемым поведением и представлениями о взаимопомощи [Поланьи 2002]. В то же время выбор экономической модели развития также напрямую влияет на социокультурные аспекты жизни общества. Так, формирование рыночных отношений трансформирует устоявшиеся социальные нормы и представления в традиционных сообществах, открывает новые направления для их развития [Scott 1977; Поланьи 2002]. Многие исследования культурно окрашенной экономики связаны с исторической ретроспективой жизни отдельных обществ. Но и современная экономика представляет немало ярких примеров культурной обусловленности хозяйственной деятельности. Одним из таких примеров является экономика коренных народов, которая связана с традиционным природопользованием и поддержанием устоявшихся обычаев и традиций.

В соответствии с Декларацией ООН о правах коренных народов, к коренному населению относятся народы, сохраняющие свою историческую преемственность с обществами, проживавшими на этих территориях до их колонизации, и считающие себя отличными от общества, преобладающего в настоящее время на этих территориях [United Nations 2007]. Проблеме сохранения традиционной хозяйственной деятельности коренных народов в мире уделяется особое внимание. В то же время встаёт вопрос о необходимости их адаптации к вызовам глобального мира. Один из ключевых вопросов — необходимость «вписать» традиционное хозяйство коренных народов в современные рыночные отношения, сохранив при этом их уникальную культуру, которая тесно связана с хозяйственной деятельностью. В связи с этим многие исследователи говорят о том, что устойчивость экономической жизни коренных народов складывается не только из их самодостаточной хозяйственной деятельности, но и из сохранения их культурной идентичности. Развитие рыночных отношений часто рассматривается как угроза для коренных малочисленных народов, поскольку сокращаются территории для ведения традиционной хозяйственной деятельности, происходит загрязнение окружающей среды, растёт социальная напряжённость. Особое внимание обращается на то, что развитие рыночных отношений ведёт к трансформации традиционных ценностей и культуры. Большое влияние на жизнедеятельность коренных народов в целом и на их экономику в частности оказывает выбранная государством политика. Речь идёт о различных видах патернализма, который так или иначе присутствует в отношениях «государство — коренные народы». Государственный патернализм можно определить как основанную на национальной традиции государственно-властную ответственную политику в отношении этнических групп, в цели которой входит обеспечение права на развитие, сохранение и дополнительные меры защиты [Гоголев 2014]. При этом сущность патернализма, как подчёркивают исследователи данной сферы, заключается в гарантиях прав, обеспечении дополнительных условий, что особенно важно для коренных народов, находящихся в силу различных обстоятельств в сложной социально-экономической ситуации.

Модели экономики коренных народов различаются в разных арктических государствах. В одних случаях хозяйственная деятельность коренных народов перестраивается на «рыночные рельсы», вызывая последующую трансформацию культуры. В других случаях коренные народы продолжают в значительной степени придерживаться традиционного образа жизни и воспроизводят многовековые культурные паттерны. При этом государственная политика в отношении коренных народов предполагает использование различных инструментов. В частности, исследователи выделяют несколько векторов политики государственного патернализма. *Экономический патернализм* направлен на обеспечение стандартов достойной жизни, поддержку традиционных видов хозяйствования, создание экономической основы и системы сбыта продукции. Государственная поддержка социально-культурного развития, языка, традиций представляет собой *социокультурный патернализм*. В этом случае в область особой государственной заботы попадают социально-культурные права коренных народов, то есть прежде всего право на этническую культуру, духовное и материальное наследие, на охрану здоровья, образование и доступность к нему, ряд иных социально-культурных прав. Инструменты патернализма, обеспечивающие развитие, политические права, а также реальные и эффективные формы партнёрства с коренными малочисленными народами, можно обозначить как *политический патернализм*.

Цель данной работы — проанализировать различные модели развития экономики коренных народов в Арктике, а также показать, как изменяющиеся экономические отношения влияют на образ жизни и культуру коренных сообществ. Особое внимание в статье уделяется роли государства в поддержке экономических и культурных особенностей коренных сообществ. Данные особенности будут рассмотрены на примере трех кейсов: Россия (Ямало-Ненецкий автономный округ — ЯНАО), Финляндия, США (Аляска). Выбор этих трех случаев обусловлен тем, что в них представлены три разные модели развития экономики коренных народов в современных условиях: на Ямале большую роль в адаптации коренных сообществ к рыночным условиям играет государство, применяя механизмы экономического и социокультурного патернализма по отношению к коренному населению; в Финляндии преобладает рыночная модель развития с элементами социально-культурного патернализма; Аляска представляет собой промежуточную модель, комбинирующую рыночные механизмы и патернализм, в основном в политической сфере. Выбранные случаи не могут покрыть всё разнообразие существующих сценариев, а ориентированы лишь на анализ некоторых тенденций.

Теория и методология исследования

Концепция «экономика коренных народов», или «аборигенная экономика» (*Indigenous economy*), активно используется в последние годы в международных экономических и социальных исследованиях применительно к изучению традиционных сообществ [Wolfe, Ellanna 1983; Huskey 2005; Kuokkanen 2011]. Под *экономикой коренных народов* понимают хозяйственную деятельность, которая связана с сохранением идентичности коренных сообществ. Эта деятельность включает не только экономическое, но также культурное и социальное измерения [Huskey 2015; Poppel 2006; Poppel, Kruse 2010]. Культура, экономика и самобытность коренных народов неразрывно связаны с их традиционной хозяйственной деятельностью и обеспечивают им ощущение преемственности с прошлым и единства с природным миром [Glomsrod, Duhaime, Aslaksen 2015].

Можно выделить несколько основных характеристик хозяйственной деятельности коренных народов.

Во-первых, экономика коренных народов связана с традиционным природопользованием [Pickering 2000; Kassam 2004]. Основная часть хозяйственной деятельности коренных народов Севера всегда была связана с оленеводством, рыбной ловлей, собирательством природных ресурсов, охотой. Это обусловило высокую степень зависимости экономики от состояния окружающей среды. Изменение климата, приход промышленных корпораций, загрязнение окружающей среды увеличивают уязвимость коренных народов и влияют на их экономическое благополучие.

Во-вторых, экономика коренных народов привязана к конкретным территориям проживания [Kyllönen et al. 2006]. Так, оленеводы кочуют по устоявшимся в течение многих веков маршрутам, а коренные сообщества, занимающиеся рыбной ловлей или охотой, используют промысловые участки своих предков. По этой причине вынужденное изменение территорий проживания также может негативно сказаться на хозяйственной деятельности.

В-третьих, существует взаимозависимость экономической деятельности, социальных норм и представлений коренных сообществ [Новикова 2013; Kofinas et al. 2016; Gladun, Zakharova 2020]. Определённые социальные нормы регулируют их хозяйственную деятельность на протяжении веков. Использование природных ресурсов в хозяйственной деятельности тесно связано с традиционными представлениями коренных народов о природе [Tuck, Huskey 1986]. Например, одним из ключевых для коренного населения является понимание меры и бережного отношения к природе [Новикова 2013]. В то же время появление рыночных механизмов может вести к трансформации прежних социальных норм. Так, возможность продавать природные ресурсы способствует размыванию понятия «мера» в процессе природопользования.

В-четвёртых, просматривается связь с определёнными формами социальной организации. Как правило, основной хозяйственной единицей у коренного населения является семья или община. Такая социальная структура зачастую сохраняется и в ситуации перехода к рыночным отношениям [Kuokkanen 2006; 2019].

В-пятых, для ведения хозяйственной деятельности коренные народы используют специфические знания [Roppel et al. 2007], такие как сведения о маршрутах миграции диких животных, понимание особенностей местного климата, навыки охоты и ловли рыбы, умения перерабатывать собранные ресурсы, адаптироваться к природным катаклизмам и проч.

В-шестых, хозяйственная деятельность коренных народов тесно переплетена с их культурой [Tulaeva, Nysten-Naarala 2019], то есть с особенностями языка, фольклора, быта, промыслов. Например, язык коренных жителей российского Севера ненцев тесно связан с их традиционным занятием оленеводством и выстроен вокруг кочевого образа жизни. Исчезновение оленеводства означает угрозу для существования ненецкого языка. Сохранение традиционной хозяйственной деятельности коренных народов напрямую связывается с сохранением их культуры. Даже в ситуации, когда речь идёт не о традиционных видах хозяйствования, а о вновь созданных занятиях, культурные аспекты продолжают играть ключевое значение. Например, экологический и этнографический туризм, который развивается на землях коренных народов, возможен только благодаря эксплуатации элементов культуры коренных народов [Nuorgam 2017]. Во многих странах коренные народы получают субсидии и льготы от государства для сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности даже в ситуации их экономической неэффективности. Например, оленеводство в российских регионах сохраняется во многом благодаря государственной поддержке. В этом случае культурная ценность этого вида деятельности оценивается выше, чем экономические выгоды от неё.

В целом хозяйственная деятельность коренных народов является одной из основ их идентичности и влияет на их связь с территорией обитания, образом жизни, сохранением языка. В то же время под воздействием процессов глобализации и интенсивной индустриализации экономика коренных народов трансформируется и становится значительно более сложным феноменом. От натуральной формы хозяйствования коренные народы перешли к более разнообразным формам экономической деятельности [Ellanna, Wheeler 1989; Stammler 2005].

При анализе хозяйственной деятельности коренных народов мы опирались на три основные экономические модели, присущие разным обществам [Поланьи 2002]:

- *натуральное хозяйство* — модель, которая базируется прежде всего на потреблении продуктов, произведённых в собственных домохозяйствах. В этом случае коренные жители, как правило, живут за счёт оленеводства, рыбной ловли, охоты. Необходимые им товары (оборудование, топливо) они могут выменивать у других жителей или работников промышленных компаний, находящихся на их территории;
- *перераспределение*: в этом случае государство берёт на себя функции, связанные с перераспределением ресурсов в обществе. Одним из последствий такой модели является развитие субсидируемой экономики. Как правило, эта модель предусматривает дотации и субсидии со стороны государства, которые позволяют коренным народам существовать в рамках своей традиционной хозяйственной деятельности;
- *рыночная модель*: основным источником дохода коренных народов в этом случае является реализация на рынке производимой ими продукции [Larsen et al 2019].

Долгое время экономика коренных народов связывалась с традиционным природопользованием и реципрокностью социальных отношений. Традиционное природопользование обеспечивает коренные малочисленные народы пропитанием, помогает им сохранять культурную идентичность, поддерживать социальные отношения [Larsen, Huskey 2015; Lonner 2000]. В то же время активное включение традиционных сообществ в рыночные отношения (зачастую при поддержке государства) приводит к развитию смешанной экономики, где сосуществуют элементы традиционного хозяйства и рынка [Dinero 2003; BurnSilver et al. 2016; 2017].

В качестве трёх основных кейсов для анализа были взяты следующие коренные сообщества: ненцы, проживающие на территории Ямала (Россия); саамы в Финляндии; избранные группы коренного населения Аляски (США). Данные сообщества объединяет то, что они продолжают заниматься традиционным природопользованием, а также сохраняют элементы традиционной культуры. В то же время во всех трёх случаях сформировались разные модели включения традиционных форм хозяйства в рыночные отношения. Случаи подбирались на основе принципа максимальных вариаций, приближенных к разным теоретическим моделям развития экономики. При этом работа не претендует на то, чтобы отразить все возможные случаи развития экономики коренных народов.

Российский опыт в работе проанализирован на примере Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), который является одним из основных районов проживания коренных малочисленных народов в России, где заметная часть населения сохранила традиционный образ жизни. Важно отметить, что в России существуют серьёзные региональные различия в политике в отношении коренных народов. Они отражаются в разной степени государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности, неравномерной включённости коренных жителей в процесс принятия решений, в разном уровне правовой защиты интересов коренных народов (прежде всего это касается сохранения территорий традиционного природопользования).

В ЯНАО насчитывается около 47,5 тыс. человек, относящихся к коренным народам, то есть 8,8% населения [Правительство ЯНАО 2021]. Наиболее многочисленной группой коренного населения являются ненцы. Их численность — 29 тыс. человек, или почти 6% от всего населения ЯНАО. При этом 55,1% ненцев владеют ненецким языком (из них 27,9% — городское население и 60,7% — сельское). Более 19 тыс. человек заняты в сфере традиционного природопользования (оленеводство, рыбная ловля, охота), что составляет 41,0% от общей численности коренного населения, или 3,6% от общей численности населения ЯНАО [Правительство ЯНАО 2021].

Аляска является самым северным штатом США. Население Аляски — 737 438 человек, из которых 109 тыс. относятся к коренным малочисленным народам (18% от всего населения Аляски). Основное коренное население Аляски составляют алеуты, атапаски, эйя, эскимосы, хайда, тлинкиты, цимшианы. Ряд исследователей предлагают более крупное деление коренных сообществ: эскимосы, индейцы и алеуты [Williams 1985]. Всего на территории Аляски проживают 229 из 566 официально признанных племен коренных народов США. Выделяются четыре основные языковые группы (эскимосско-алеутская, цимшианская, хайда, атапаско-эйтлинкитская), включающие 20 языков. На национальных языках говорит 28% коренного населения Аляски [Alaska Federation of Natives 2019]. Племена коренных народов Аляски признаны федеральным правительством США и, наряду с племенами американских индейцев, имеют право на самоуправление, заключение договоров, сохранение культурного наследия.

В Финляндии коренное население представлено саамами, численность которых составляет 10 463 человека. Согласно Конституции Финляндии (§ 7), саамы имеют право на сохранение и развитие своей культуры [Constitution of Finland 1999]. Право на свою культурную автономию саамы реализуют в северных муниципалитетах Финляндии (Энонтекиё, Инари, Утсйоки и северная часть Соданкюля), которые именуются родиной саамов [Bill of the Government to the Parliament on Sami Cultural Autonomy 1994]. На территории современной Финляндии распространено три саамских языка — инари-саамский (300–400 носителей), северносаамский (около 2000 носителей) и колтта-саамский (около 400 носителей). До начала 1970-х гг. саамы не получали образования на своих родных языках. Такое образование стало вводиться постепенно в 1970-х гг. и было законодательно признано с 1983 г. [Act on Elementary School 1983]. В настоящее время 26% финских саамов владеют саамскими языками [Raento, Kai 2001; The Sami in Finland 2019]. Основным видом хозяйственной деятельности саамов издавна было оленеводство.

Сравнение данных кейсов позволяет выделить основные факторы, влияющие на выбор экономической модели коренных народов Арктики, а также связь их хозяйственной деятельности с образом жизни, социальными и культурными особенностями.

Работа базируется на качественной методологии [Kvale 1996]. Основными методами исследования были выбраны интервью, наблюдение, правовой анализ. Интервью проводились с представителями коренных народов России, Финляндии, Аляски. Все интервью были транскрибированы и проанализированы методом осевого кодирования. Всего было взято 27 интервью, из них 20 — с ненцами Ямала (Россия), пять — с представителями коренного населения Аляски, два — с саамами Финляндии. Основные вопросы касались особенностей ведения хозяйственной деятельности, сложностей включения коренных сообществ в рыночные отношения, специфики традиционного образа жизни. Данные, собранные в ходе интервью, были дополнены информацией, полученной из документов и материалов наблюдения. Для анализа были использованы следующие нормативные и правовые документы: национальные нормативные правовые акты, регулирующие отношения с коренными малочисленными народами; государственные программы, направленные на поддержку коренных сообществ. Наблюдение осуществлялось в посёлках, где проживали представители коренного населения (на Ямале и Аляске). Обращение к разным источникам позволило провести триангуляцию данных. Исследование проходило в 2017–2020 гг. На основе собранных данных были реконструированы модели экономической жизни коренных народов в арктических регионах, а также их влияние на традиционный образ жизни и традиционную культуру.

Модели развития экономики коренных народов

Особенности правового регулирования

Одно из принципиальных различий изучаемых кейсов связано с особенностями правового регулирования отношений государства и коренных народов в трёх странах. В частности, различными являются

нормы об определении статуса коренных народов, объём их прав и гарантий, а также наличие или отсутствие институтов самоуправления [Кряжков 2016].

В соответствии с российским законодательством ненцы относятся к категории коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС). В эту категорию попадают народы численностью менее 50 тыс. человек, проживающие в северных районах России, в Сибири и на российском Дальнем Востоке на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы и осознающие себя самостоятельными (см. [Об общих принципах организации... 2000])¹. Российское законодательство гарантирует коренным народам дополнительные права, позволяющие им заниматься традиционными видами хозяйственной деятельности, то есть оленеводством, рыбной ловлей, охотой, собирательством. Также предусмотрено выделение и сохранение за коренными народами территорий традиционного природопользования, на которых они могут вести традиционный образ жизни [О гарантиях прав... 1999; Об общих принципах организации... 2000; О территориях традиционного природопользования... 2001]. В случае изъятия части таких территорий под промышленные или иные нужды коренные народы получают компенсации. Однако на практике реализация федерального законодательства в регионах затруднена. Так, в ЯНАО юридически закреплены за коренными народами только земли оленеводческих совхозов, в то время как частники кочуют «по обычаю», что значительно уменьшает возможности их правовой защиты. Как отмечал один из наших респондентов²:

Частники, за ними земли нигде не закреплены. Они между небом и землёй (глава оленеводческой общины, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

Аляска — это беспрецедентный пример передачи земли государством в собственность коренным народам. Ключевым документом, определившим дальнейшее экономическое развитие коренного населения Аляски, является Закон о земельных требованиях (Alaska Native Claims Settlement Act — ANCSA), который был принят в 1971 г. [Alaska Native Claims Settlement Act]. Законом признаются требования коренного населения на территории их проживания. Сообщества коренных народов получили в собственность 12% территории штата в границах исторических мест проживания, компенсации в размере более 900 млн дол., а также особые права на участие в местном самоуправлении. На основе законодательства были созданы 12 корпораций коренных народов. Каждая из них располагалась в конкретном районе Аляски и включала население, которое традиционно там проживало. Идея реформы заключалась в том, чтобы коренные народы могли, во-первых, сохранить за собой территории своего проживания, а во-вторых, включиться в рыночную экономику [Langdon 1986; Wolfe, Walker 1987]. Кроме того, предполагалось, что возможность остаться на своих территориях позволит сохранить местную культуру и традиции.

В Финляндии вопрос о правах саамов на землю и землепользование на традиционно саамских территориях до сих пор остаётся нерешённым [Guttorm 2017]. Среди саамов Финляндии распространено мнение о несправедливости действующего законодательства, поскольку оно не предусматривает для них исключительного права распоряжаться своими историческими землями и находящимися на них природными ресурсами, связанными с их традиционными промыслами [Nystén-Haarala, Joonas, Novila 2021]. Заниматься оленеводством, рыболовством и охотой могут все местные жители, но на практике возникает много сложностей при приобретении оленей (например, таких как маркировка,

¹ Данный термин используется только в РФ, в международной практике применяется термин «коренные народы» (Indigenous People), которым будем пользоваться и мы, поскольку речь идёт о сравнительном исследовании в международном контексте.

² Перечень интервью и характеристики респондентов см. в приложении, таблица П.1.

или клеймение). Часть саамов выступает за то, чтобы преференциями по занятию оленеводством обладали именно они (как в Швеции). В настоящее время большая часть земель находится в собственности государства. Согласно законодательству, оленеводство является приоритетным видом землепользования и осуществляется на государственных землях, занимающих почти половину всей Финляндии. Это позволяет вести оленеводческую деятельность без каких-либо серьёзных ограничений. Частные собственники также вынуждены мириться с присутствием оленей на своей территории, но они имеют право на компенсацию ущерба от оленеводческого кооператива, если олени повредят их леса или посевы. Споры о возмещении такого ущерба часто становятся причиной конфликтов между оленеводами и другими группами населения [Gladun et al 2021]. Земли, являющиеся собственностью государства, могут быть переданы под реализацию различных промышленных проектов. Саамы часто выступают против разнообразных инфраструктурных проектов, таких как строительство шахт, ветряных станций, линий электропередач и проч. В последние годы наибольшую критику со стороны саамов вызвал проект постройки железной дороги до Северного Ледовитого океана через территории проживания саамов. С точки зрения коренного населения, строительство дороги угрожает традиционному образу жизни саамов и оленеводству [Nysten-Haarala 2018]. Законодательство Финляндии гарантирует саамам право на культурное самоопределение и регламентирует работу Саамского парламента, решающего основные вопросы организации культурной и социальной жизни саамов.

Таким образом, данные кейсы демонстрируют разные способы регулирования коренных малочисленных народов и разный уровень правовой защиты интересов коренного населения.

Основные виды хозяйственной деятельности коренных народов

Одним из основных традиционных занятий ямальских ненцев является оленеводство. В настоящее время оленеводство на Ямале существует в двух формах: (1) оленеводческие хозяйства, образованные на основе советских оленеводческих колхозов; (2) семейно-родовые общины. При этом вторая форма является более распространённой. В 2010 г. поголовье оленей на Ямале составляло 600 тыс.; из них 66% поголовья оленей принадлежит семейно-родовым общинам [Детгер 2017а]. Помимо оленеводства ненцы занимаются рыбной ловлей и охотой. В предпринимательскую деятельность коренное население вовлекается слабо. В основном органы государственного управления и местного самоуправления проводят мероприятия, направленные на обучение предпринимателей, производящих традиционную продукцию, продвижение этой продукции, бизнес-тренинги; финансирует научные исследования в сфере традиционных отраслей и возможных перспектив их развития [Кибенко, Сухова, Зуев 2017]. Значительная часть ненецкого населения, переехавшего в города и посёлки, имеет постоянную работу в компаниях или государственных учреждениях и уже мало связана с традиционным природопользованием.

Основной двигатель экономического развития на Аляске — нефть. Бюджет штата на 85% пополняется за счёт доходов от добычи нефти. Основным типом хозяйственной деятельности коренных жителей является смешанная экономика, включающая элементы и натурального хозяйства, и рынка [Wolfe, Ellanna 1983; Wolfe, Walker 1987; Larsen et al. 2019]. Рыночный сектор экономики коренного населения представляет собой доходы от добычи нефти, инвестиций, туризма, добычи полезных ископаемых. Экономическая деятельность корпораций обуславливает прибыль коренных жителей, которые получают дивиденды от её акций. Наиболее успешными стали те компании, которые имели на своих землях запасы полезных ископаемых и могли получать доход от их добычи [Mitchell 2001]. Однако существуют корпорации, чья прибыль зависит не только от эксплуатации природных ресурсов. Например, 45% годового дохода (около 14 млн дол. в год) Bering Straits Native Corporation получает от заключённых федеральных и государственных контрактов в сфере обеспечения безопасности, технического обслуживания авиабаз. Корпорация Sealaska имеет дочерние предприятия в пяти других штатах США и

Мексике; продукция данной корпорации экспортируется во многие страны мира. В результате в 2006 г. прибыль корпорации превысила 41 млн дол. Успех названных организаций объясняется эффективной инвестиционной политикой и использованием инструментов государственно-частного партнёрства [Regional Alaska Native Corporations... 2012]. Часть коренного населения вовлечена в традиционную хозяйственную деятельность (охота, рыболовство, китобойный промысел), что позволяет поддерживать и традиционный образ жизни. Кроме того, активно развивается туризм, основанный в том числе на коммерциализации культуры коренных жителей [Goldsmith, Hull, Reeder 1984; Knapp 2012].

Основной хозяйственной деятельности саамов долгое время было оленеводство. В настоящее время только 10% саамов вовлечены в эту деятельность. Особенностью развития оленеводства в Финляндии являются короткие кочевые маршруты, которые сложились исторически. Это даёт возможность оленеводам не кочевать вместе с оленями, а выпасать оленей свободно. В некоторых случаях перемещение оленей фиксируется оленеводами с помощью GPR-приёмников. Большую часть года олени находят пропитание себе сами, но зимой их подкармливают оленеводы. Данная необходимость проявляется особенно остро в связи с климатическими изменениями, приведшими к тому, что оленям стало сложнее добывать себе еду самостоятельно.

Традиционное саамское оленеводческое хозяйство называлось «сиида» и состояло из одной или нескольких родственных семей. В настоящее время в Финляндии оленеводство ведётся в основном на базе оленеводческих кооперативов, созданных государством. Сиида продолжает функционировать внутри кооперативов. В Финляндии есть 54 оленеводческих кооператива, которые вместе образуют ассоциацию оленеводческих кооперативов, являющуюся структурным подразделением Министерства сельского хозяйства [The Sami in Finland 2019]. Часть своей продукции финские оленеводы поставляют в Европу, но основной их доход обусловлен развитием туризма в Финляндии (они поставляют мясо в местные рестораны, продают традиционные саамские товары, организуют развлечения для туристов, связанные с бытом и культурой саамов). Однако оленеводство — не единственный вид экономической деятельности, которой занимаются саамы. Большинство саамов вовлечены в такие виды деятельности, как горнодобывающая промышленность, сельское или лесное хозяйство, производство ремесленной продукции [Reindeer Herder Association 2019].

Роль внешних акторов в развитии экономики коренных народов

В современном мире экономика коренных народов, основанная на традиционном природопользовании, зачастую нуждается в дополнительной поддержке со стороны внешних акторов. В России важную роль в развитии оленеводства играет государственная поддержка. Это связано с тем, что оленеводство обеспечивает материальное благополучие части коренного населения и является основой сохранения традиционной культуры. При этом традиционная культура рассматривается как не менее, чем экономика, важный аспект благополучия коренных народов. Это подчёркивалось в интервью представителями органов власти:

Главное нам — сохранить традиционный образ жизни (представитель районной администрации, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

Государство обеспечивает больше половины расходов предприятия ОАО «Ямальские олени» — единственного, занимающегося переработкой оленеводческой продукции в округе. На государственные средства в тундре создаются фактории, в которых оленеводы могут купить необходимые товары. Оленеводческие совхозы получают ежегодные субсидии на занятие оленеводством. Так, в 2018 г. на 1 тонну заготовленной продукции оленеводческие хозяйства могли получать субсидию в размере 100 тыс. рублей. Семьи оленеводов также получают ежемесячные субсидии в размере 2000–6000 рублей на

каждого члена семьи [Северное оленеводство 2019]. В округе действует государственная программа по поддержке коренного населения [Об утверждении комплексной программы... 2018]. Особое внимание в ней обращается на сохранение традиционной хозяйственной деятельности коренных народов. В рамках программы выделяются средства на закупку необходимого оборудования (спутниковые телефоны, электрогенераторы, бураны, моторные лодки, ГСМ и проч.), обучение и отдых детей. Некоторую поддержку коренному населению оказывают также добывающие компании, работающие в округе [Новикова 2013]. Однако напрямую компании практически не взаимодействуют с коренными народами. В роли медиатора здесь также выступает государство. Средства, направляемые компаниями, распределяются государством. Представители органов власти отмечают в интервью:

Напрямую с оленеводами не заключают соглашения. Только через власти. Отстраивают посёлки, строят школы, детские садики, спортзалы. Через власти дают деньги на покупку бензина, электростанций, тента на чумы (представитель окружных органов власти, Салехард, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

В США государство не так активно участвует в жизни коренного населения, однако оно обеспечило коренным малочисленным народам определенные гарантии, закреплённые законодательно, в частности право на земли и недра в границах данных земель. Такой «патернализм на расстоянии» позволил создать основу для хозяйственной деятельности коренных народов на Аляске.

В Финляндии саамы имеют ряд дополнительных прав. Однако иногда это выливается в недовольство части населения Финляндии, которая опасается, что приоритет при принятии экономических программ развития территорий будет отдаваться саамам. Кроме того, оленеводство в Финляндии поддерживается и за счёт государственных субсидий (вне зависимости от того, занимаются им саамы или финны). Около 14% доходов оленеводов составляют государственные субсидии или субсидии Европейского союза. Но по сравнению с размерами государственной поддержки сельского хозяйства в странах ЕС, которые составляют около 40% доходов фермеров, поддержка оленеводческой отрасли в Финляндии не представляется значительной [Finland Pays... 2018].

Таким образом, выбранные случаи демонстрируют различную степень и формы государственной поддержки аборигенной экономики. В арктических странах находятся как сторонники, так и противники патерналистских отношений. Больше всего критики направлено на экономический аспект патернализма: считается, что излишняя государственная опека порождает материальную зависимость, этносоциальное иждивенчество, пассивность в принятии собственных решений о развитии [Хазанов 2017]. Иные виды патернализма, в свою очередь, порождают политическую инертность и духовно-культурную несамостоятельность [Dworkin 1972]. В некоторых работах предлагается отойти от политики государственного патернализма [Юдин 2012]. Тем не менее многие учёные поддерживают патернализм, в частности разумную политику государственного регулирования через прямую поддержку бедных групп аборигенного населения, протекционизм и партнёрство наиболее «продвинутых» в рыночной экономике [Гоголев 2014].

А. М. Хазанов, автор одной из последних научных работ, посвящённых патерналистским отношениям и моделям государственной поддержки коренных малочисленных народов в РФ, отмечает, что экономический патернализм зачастую порождает отсутствие инициативы и пассивное отношение к труду [Хазанов 2017]. Основываясь на социологических исследованиях, проведённых в отношении северных регионов России, а также Скандинавских стран, А. М. Хазанов обоснованно ставит вопрос о целесообразности выделения значительных государственных субсидий для поддержки очевидно убыточных муниципальных предприятий в сфере оленеводства. Это мнение созвучно с выводами исследований, проведённых в Ямало-Ненецком автономном округе. Так, Г. Ф. Деттер считает, что региональная си-

стема управления в регионе, на протяжении длительного времени использовавшая стратегии и механизмы государственной экономической поддержки оленеводства, привела к экологическим и социальным проблемам (истощение пастбищ, угрозы традиционному укладу жизни коренных малочисленных народов Севера) [Деттер 2021]. Причина, по мнению исследователя, в том, что патерналистские методы управления не были согласованы как с возможностями природных ресурсов региона, так и с особенностями технологических и культурных укладов коренных народов, поэтому экономический патернализм должен стать менее приоритетным в развитии коренных народов по сравнению с мерами социальной поддержки.

Значимый аргумент в пользу экономической поддержки коренных народов со стороны государства приводит Л. Баскин, указывая, что современное оленеводство и в России, и во всех других странах, где оно существует (Норвегия, Швеция, Финляндия, США, Канада), невозможно без патернализма государства. Автор исходит из того, что оленеводство гарантирует сохранение не только национальной культуры, но и самих этносов. Данная точка зрения разделяется и коренными народами Севера, понимающими, что оленеводство, даже если оно не является коммерчески прибыльным, позволяет им сохранить самобытность. Следовательно, можно сделать вывод о необходимости не столько экономических форм патернализма, сколько патернализма социального [Баскин 2016].

Особенности социально-экономического развития коренных народов

Разные модели развития хозяйственной деятельности коренных народов Арктики определяют и разный уровень их материального благополучия, а также те проблемы и вызовы, с которыми они сталкиваются. В ЯНАО уровень жизни ненцев-олeneводоов остаётся очень низким. Совокупный доход членов оленеводческих семей в среднем ниже прожиточного минимума в России на 33%. Только около 25% семей кочевников имеют какое-то жильё в посёлках [Деттер 2017b]. Согласно исследованиям, проводимым в Научном центре изучения Арктики (Салехард), среднестатистическая оленеводческая семья, состоящая из двух взрослых и трёх несовершеннолетних детей, живёт на 814 тыс. рублей в год. Её доходы складываются из нескольких источников: продажа оленины (45%), продажа пантов (25%), социальные выплаты и субсидии (30%) [Деттер 2017a]. В настоящее время дальнейшее развитие оленеводства в ЯНАО сталкивается с рядом серьёзных трудностей. Одна из основных проблем — нехватка земли [Филант 2016; 2017]. Это связано с изъятием части земель под промышленные нужды, а также с постоянным увеличением поголовья оленей. Государство пытается использовать экономические стимулы для того, чтобы заставить оленеводов сокращать количество поголовья в условиях нехватки земель. Например, предполагается, что замена государственных субсидий за поголовье оленей на субсидии за сданную оленину может способствовать уменьшению поголовья оленей. Однако рыночные стимулы иногда входят в противоречие с традиционными представлениями оленеводов-кочевников [Филант 2016; 2017]. Количество оленей исторически считалось показателем высокого социального статуса оленеводов и служило маркером благополучия семьи. Кроме того, эти стимулы не подкреплены соответствующей рыночной инфраструктурой, которая позволяла бы оленеводам продавать свою продукцию по рыночным ценам [Зуев 2015]. В округе работает единственное крупное предприятие по переработке оленеводческой продукции, которое занимает монопольное положение и, соответственно, может навязывать свои условия оленеводам. Значимый барьер представляют труднодоступность территорий и сложности с транспортировкой продукции. Оленеводам не хватает денежных средств для того, чтобы перевести своё хозяйство, нацеленное прежде всего на обеспечение потребностей своей семьи, на рыночную основу (закупка холодильных камер, технологии для переработки оленины и проч.).

На Аляске существует сильное расслоение в уровне жизни аборигенного населения. Получение земель и ресурсов в собственность коренных народов стало мощным стимулом для их включения в

рыночную экономику. Однако принятие Закона о земельных требованиях (ANCSA) воспринимается самими коренными сообществами Аляски противоречиво [Stuckenberg 2007]. Создание корпораций не означает, что каждый коренной житель получает дивиденды от их деятельности. Во-первых, не все корпорации являются прибыльными, часть корпораций обанкротились. Во-вторых, акционерами в большинстве случаев стали лица, родившиеся не позднее 18 декабря 1971 г., то есть до момента принятия упомянутого закона, что ведёт к большому количеству конфликтов между старшим и младшим поколениями коренных народов. В целом в штате сохраняется значительное количество социальных проблем, связанных с недостаточно высоким уровнем жизни коренного населения. Так, 21% коренных жителей Аляски находятся за чертой бедности. Это ощутимо ниже аналогичной цифры для индейцев США (27%), но значительно выше среднего значения по стране (14,3%) [Alaska Federation of Natives 2019]. Несмотря на государственные программы в сфере здравоохранения, смертность коренного населения Аляски в 2000 г. была заметно выше, чем у других групп населения. В настоящее время среди коренных малочисленных народов наблюдается высокий уровень самоубийств: 50,9 случая на 100 тыс. человек, что превышает среднюю цифру по стране в четыре раза [Alaska Federation of Natives 2019].

Финляндия представляет собой пример рыночной модели, при которой оленеводство, традиционный вид хозяйственной деятельности саамов, было успешно вписано в рыночные отношения [Stammler 2005]. Более того, оленеводство получило распространение и среди несаамского населения Финляндии. Уровень благосостояния саамов не отличается от уровня благосостояния других жителей Финляндии. Оленеводство, имея экономическую значимость, является также основой саамской идентичности и позволяет сохранить культурные традиции этого народа. Кроме того, северный олень стал символом Лапландии и тесно связан с дальнейшим развитием этого региона [Guttorm 2017]. Однако успешное развитие оленеводства в Финляндии привело к перевыпасу оленей, деградации пастбищ и возникновению экологических проблем. Оленеводы не всегда соблюдают установленный государством максимальный объём поголовья оленей, что вызывает конфликты с экологическими организациями Финляндии.

Трансформация экономики коренных народов: рынок vs культура?

Исследования экономики коренных народов представляют собой яркий пример взаимовлияния рыночных процессов и культурных особенностей общества. С одной стороны, экономика коренных народов связана с сохранением их национальной и культурной идентичности и обусловлена социокультурными особенностями их жизни. С другой стороны, включение коренных малочисленных народов в рыночные отношения привело к противоречивым тенденциям в их образе жизни, что особенно ярко обнаружилось в арктических регионах [Stammler 2005; Tulaeva, Nysten-Haarala 2019]. При анализе данных трансформаций мы отталкивались от конституирующих элементов экономики коренных народов, рассмотренных в начале работы (тесная связь с окружающей природой; опора на традиционные знания и представления; обращение к элементам традиционной культуры; особенности социальных отношений). Произошедшие трансформации были рассмотрены на примере двух основных направлений хозяйственной деятельности коренных народов: традиционного природопользования (охота, рыболовство, оленеводство) и культурного предпринимательства, основанного на использовании элементов традиционной культуры.

Традиционное природопользование базируется на представлениях о тесной связи с землёй, на которой живут коренные народы, о сакральном отношении к своей земле, о понятии «мера» и на бережном использовании природных ресурсов. Многие коренные сообщества демонстрируют тесную связь с традициями своих предков:

Мы занимаемся собирательством, охотой, рыбной ловлей и хотим сохранить существующий образ жизни (местный житель, инуит, Анкоридж, Аляска, США, 2019 г.)³.

Желание моих народов — вернуться к местным традициям и жить полноценной жизнью, как это делали наши предки. Мы бережно использовали земли и ресурсы, и у нас было всё (местный житель, инуит, Анкоридж, Аляска, США, 2019 г.)⁴.

При ведении хозяйственной деятельности используются традиционные знания о природе: где лучше охотиться или рыбачить, как обеспечить безопасность стада, как выстраивать маршруты для передвижения по тундре, как уменьшить негативное воздействие на природу и проч. Зачастую эти традиционные знания представлены в виде религиозных табу, запрещающих охотиться на определенные виды животных или определяющие размеры изъятия природных ресурсов.

Когда мы кочуем, то мы стараемся приходить на то место, на котором уже были, чтобы не наносить вред природе. Каждый год в основном тот же маршрут. Если ты нашёл гнездо гуся и решил собрать яйца, то обязательно должен оставить два яйца, чтобы потомство у этой птицы осталось (местный житель, Тазовский район, ЯНАО, Россия, 2020 г.).

В настоящее время традиционные знания активно сочетаются с использованием современных технологий, которые облегчают жизнь коренных народов и делают ее более безопасной [Новикова 2021]. На Ямале оленеводы-кочевники используют спутниковые телефоны, позволяющие поддерживать связь с посёлками, стиральные машины, компьютеры и многое другое. Образ жизни коренных жителей в Финляндии, на Аляске мало отличается от образа жизни остального населения.

Важной конституирующей основой экономики коренных народов являются реципрокность, взаимопомощь, дарообмен [Новикова 2021]. В условиях зависимости от суровой арктической природы и недостатка рыночной и социальной инфраструктуры реципрокные отношения выступают в качестве социальной страховки и позволяют преодолеть случающиеся кризисные ситуации. Реципрокные отношения поддерживаются ритуалами, связанными с распределением ресурсов между членами сообщества. Так, на Аляске, несмотря на современный формат жизни, сохраняются традиции коллективных трапез после удачного улова, когда любой житель посёлка может получить часть добычи. В ЯНАО коренные жители могут рассчитывать на поддержку своих родственников в случае падежа оленей или необходимости временного проживания в посёлке и проч.

В то же время многие местные жители говорят о том, что происходит значительная трансформация традиционных представлений и практик. Возможность продавать оленину, панты, добытые шкуры животных, рыбу в большом количестве может постепенно приводить к отказу от понятия «мера», характерного для традиционной культуры. Ситуация усугубляется приходом в тундру компаний, несущих иное отношение к природе. Наблюдая за исчезновением прежде нетронутых природных территорий, коренные жители тоже меняют свои представления о природе. В интервью респонденты говорят следующее:

Раньше как бы было проще, знаете, жить на своей земле. И при этом, когда живут только свои, там проще. А когда появляются люди, которые слегка уже меняют жизнь, тогда сложнее, конечно (оленовод, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

³ *We do gathering, hunting, fishing and want to maintain the subsistent way of life (Inuit local resident, Anchorage, AK, 2019).*

⁴ *It's my peoples' desire to return to the local traditional and to live subsistent life as our ancestors did, we used lands and resources carefully and we had everything (Inuit local resident, Anchorage, AK, 2019).*

Вместе с новым образом жизни местные жители усваивают иное отношение к природе, которая начинает рассматриваться как источник обеспечения материальными благами. Представители более старшего поколения отмечают отсутствие необходимых норм, связанных с бережным отношением к природе у более молодого поколения:

Старые оленеводы жалуются, что молодёжь уже не соблюдает прежние правила, после себя много мусора оставляет. Тем более что сейчас много пластиковых упаковок всяких, которые очень медленно разлагаются. Там памперсы всякие оставляют. А куда их там, в тундре, потом девать? (местная жительница, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

По мнению части общества, распространение современных технологий препятствует передаче традиционных знаний от поколения к поколению и отвлекает от традиционных занятий. Как подчёркивали в своих интервью респонденты:

Сейчас уже не рассказывают старые легенды детям, так как в чумах есть телевизоры, компьютеры. Они мультфильмы смотрят. Современные технологии даже во вред идут оленеводам, так как они меньше времени оленям начинают уделять, больше телевизор смотрят и всё такое (местная жительница, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

Технологии губят традиционную культуру (представитель районной администрации, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

Многие коренные жители отмечают, что старые традиционные методы охоты и собирательства были вытеснены современными технологиями. Повсеместно культурные паттерны коренных народов заменяются современной массовой культурой. Об этом говорили в своих интервью коренные жители Аляски:

Национальные танцы вытеснены выпивкой и телевизором (местный житель, юпик, г. Бетел, Аляска, США, 2019 г.).⁵

Они ценят тёплые дома, обилие еды, возможности доступного медицинского обслуживания (местный житель, инуит, г. Анкоридж, Аляска, США, 2019 г.).⁶

Отчасти такая негативная оценка роли современных технологий в жизни коренных народов характерна для внешних акторов, ориентирующихся на существующие культурные стереотипы. Как отмечают исследователи, в этом проявляется желание доминирующей культуры формировать представления о «других» в соответствии с существующими уже образами других [Давыдов 2006].

Ещё одна важная составляющая экономики коренных народов — обращение к элементам традиционной культуры, которое происходит через развитие этнотуризма и производство сувениров и носит название *аборигенного предпринимательства* [Гоголев 2014; Кряжков 2016]. Аборигенное предпринимательство основывается на сочетании традиционных навыков и знаний с современными методами ведения бизнеса, а также позволяет репрезентовать культуру коренных народов внешним акторам [Мартынова 2021; Новикова 2021]. Например, в Финляндии успешность развития экономики саамов

⁵ *Native dancing have been replaced by drinking and watching TV (Interview with a representative of Yup'ik Eskimos, the city of Bethel, AK, USA, 2019).*

⁶ *They appreciate warm houses, plenty of food, the opportunities of available health care (Interview with a representative of Inuit, Anchorage, AK, USA, 2019).*

тесно связана с развитием туристического рынка, благодаря которому они реализуют часть своей продукции. Культура саамов часто используется в туристических целях. Можно говорить о том, что именно туризм определяет рыночный формат экономики саамов. Это положительно влияет на увеличение привлекательности территории, обеспечивая ежегодный приток туристов и возможности заработка и предпринимательства для саамов. Попытка вписать элементы традиционной культуры в рыночные отношения позволяет сохранить то, что уже становится частью истории. Подобные процессы происходят и в других регионах. Так, коренные жители Аляски в интервью признают, что традиционные сообщества нуждаются в поиске новых возможностей:

Возвращение к старым обычаям невозможно, а традиционная культура и язык могут быть сохранены только в романтических целях (местный житель, юпик, г. Бетел, Аляска, 2019 г.)⁷.

В то же время использование элементов культуры коренных народов при производстве сувенирной продукции поднимает проблемы, связанные с ее коммерциализацией, а также с вопросами культурной экспроприации. Под коммерциализацией культуры понимается ситуация, когда какие-то элементы традиционной культуры начинают воспроизводиться не столько для внутренних потребностей членов сообщества, сколько под заказ для внешних акторов [Давыдов 2006]. Как отмечают представители коренных народов, зачастую существует разграничение при производстве каких-то предметов или организации мероприятий между потреблением для себя и для внешних акторов. Например, есть праздники для сообщества, а есть праздники «для внешних людей». Производство некоторых устаревших предметов из саамского быта ориентировано исключительно на туристов, так как сами саамы ими уже не пользуются. В ряде случаев производство каких-то предметов корректируется исходя из потребности сделать их более зрелищными для туристов [Жидкова, Тулаева 2020]. Зачастую компании или органы власти, которые выделяют финансовые средства на проведение культурных мероприятий, навязывают местным жителям свои стереотипные представления и ожидания о культуре коренных народов. Это вызывает критику как некоторых представителей коренных жителей, так и внешних акторов, указывающих на развитие «сувенирной культуры» [Давыдов 2006]. Кроме того, в некоторых случаях элементы культуры коренных народов активно эксплуатируются остальными группами общества. Так, в Финляндии элементы саамской культуры активно используются туристическими фирмами, предлагающими культурно ориентированные программы, например, «Отдыхай, как саам». Тем не менее сами саамы выступают против использования элементов своей культуры внешними акторами [Nuorgam 2017]. Это рождает активные дискуссии, которые разворачиваются вокруг культурного наследия саамов, а также, того, как и кем оно может использоваться.

Таким образом, включение традиционных сообществ в рыночные отношения привело, с одной стороны, к значительным трансформациям их образа жизни; с другой стороны, создало новые возможности для дальнейшего развития.

Выводы

В данной работе мы рассмотрели особенности экономики коренных народов, связанной не только с определёнными видами хозяйственной деятельности, но и обладающей специфическими социально-культурными характеристиками. В нашем исследовании были отмечены следующие особенности:

- влияние социальных норм на ведение традиционной хозяйственной деятельности. Так, социальные нормы коренных народов, связанные с бережным отношением к природе и привя-

⁷ *A retreat to the old ways is impossible, and traditional culture and language can be preserved just for 'romantic' purposes* (Interview with a representative of Yup'ik Eskimos, the city of Bethel, AK, USA, 2019).

занностью к своим землям, лежат в основе традиционных видов природопользования. В то же время развитие рыночных отношений ведёт к трансформации существующих представлений;

- сохранение элементов материальной и духовной культуры коренных народов в результате поддержки традиционной хозяйственной деятельности. Так, сохранение языка, фольклора, одежды, предметов быта коренных народов поддерживается за счёт ведения традиционного хозяйства (оленоводство, китобойный промысел, рыболовство, охота);
- создание новых видов экономической деятельности, связанных с коммерциализацией элементов традиционной культуры. Примером может служить этнотуризм или продажа сувенирной продукции. Таким образом, культурно окрашенная экономика создаёт не только определённые возможности, но и вызовы для коренных сообществ.

В настоящее время экономика коренных народов представляет собой смешанную модель хозяйственной деятельности, в которой присутствуют элементы натурального хозяйства, государственной поддержки и рыночных отношений. Мы рассмотрели три кейса, демонстрирующих различные модели хозяйствования коренных малочисленных народов, а также их влияние на традиционный образ жизни.

Российский кейс представляет собой пример государственного патернализма по отношению к коренным малочисленным народам и попытку консервации их традиционной культуры. В России значительную роль в поддержании традиционного образа жизни коренных малочисленных народов играет государство, которое субсидирует развитие оленеводства и оказывает поддержку коренным сообществам. Патерналистская политика в отношении коренного населения была заложена в Советском Союзе и продолжает существовать в современной России. Она включает не только поддержку экономической деятельности, но и процесс принятия решений в отношении дальнейших направлений их развития. При этом наблюдается тенденция к консервации традиционного (кочевого) образа жизни. Усилия по консервации традиционной культуры коренных народов в российской Арктике можно считать вполне успешными: значительная часть коренного населения на Ямале продолжает вести кочевой образ жизни, а также сохранила национальный язык. Из трёх приведённых нами кейсов именно Ямал выделяется как территория, где наибольший процент коренного населения говорит на своём родном языке, что является значимым маркером сохранения культуры коренных народов. В то же время с точки зрения экономического благосостояния Ямал — наиболее проблемный регион, что подтверждается низким уровнем жизни коренного населения и препятствиями на пути дальнейшего развития оленеводства в округе.

Финляндия наиболее близка к рыночной модели экономики коренных народов. Здесь оленеводство является экономически прибыльным видом хозяйственной деятельности, успешно интегрированным в рыночные отношения. Хорошо развитый туризм обеспечивает рынок сбыта для продукции саамов и, таким образом, создаёт условия для успешного функционирования саамской экономики в рыночном формате. В то же время чрезмерно успешная коммерциализация элементов саамской культуры ставит вопрос об её апроприации внешними акторами.

Развитие арктических коренных народов США представляет собой промежуточную модель, имеющую элементы, характерные и для России, и для Финляндии. Коренные народы Аляски активно вовлечены в коммерческую деятельность и рыночные отношения, это произошло во многом благодаря закону 1971 г. и созданию национальных корпораций. Корпорации получают доходы от добычи полезных ископаемых, находящихся на территориях проживания коренных народов, а также от инвестиционной деятельности. В то же время традиционное природопользование на Аляске не является экономически выгодным для коренных жителей, но позволяет сохранить некоторые традиции. На Аляске, как и в Финляндии, происходит значительная коммерциализация традиционной культуры.

Можно выделить несколько ключевых факторов, влияющих на дальнейшее развитие хозяйственной и культурной жизни коренных народов. Поскольку экономика коренных народов привязана к местам их традиционного проживания, важную роль играет порядок пользования землёй. На Аляске гарантированные права на земли коренных жителей позволили им развить предпринимательскую активность на своих территориях и создавать корпорации, получающие доход от использования природных ресурсов. В то же время права на землю и владение акциями корпораций коренных жителей стали причиной конфликтов внутри местных сообществ. В Финляндии саамы не обладают такими исключительными правами на земли, как коренное население Аляски, что делает их положение более уязвимым и зависимым от других акторов (государства и бизнеса). В России ситуация с правами коренных жителей на землю ещё сложнее, поскольку существует формализованный режим пользования землёй, в рамках которого работают компании и государственные оленеводческие совхозы и традиционный режим, базирующийся на обычаях, в рамках которого живут оленеводы-частники. Поскольку на Ямале оленеводы-частники не имеют юридически закреплённых за ними земель для ведения традиционной хозяйственной деятельности, в большинстве случаев при занятии традиционной хозяйственной деятельностью представители коренных народов руководствуются обычаями, что часто противоречит действующему законодательству. Такие противоречия провоцируют конфликты с другими акторами и затрудняют дальнейшее развитие экономической деятельности коренных народов.

Ещё одним важным фактором является процесс принятия решений, затрагивающих интересы коренного населения. В Финляндии саамы имеют парламент, который занимается решением вопросов, связанных с их культурной автономией. Однако во всех остальных вопросах саамы руководствуются решениями финского парламента. Финляндия предоставила саамам ограниченные возможности для участия в принятии значимых для них решений через закрепление на законодательном уровне международного принципа свободного предварительного и осознанного согласия (Free Prior and Informed Consent) [Guttorm 2017]. На Аляске и в России действуют организации, представляющие интересы коренного населения (Межобщинный совет Аляски, «Ямал потомкам» и др.), однако они обладают ещё меньшими полномочиями и возможностями, чем саамский парламент. Тем не менее представители коренных народов часто говорят о своей заинтересованности не столько в компенсациях и поддержке их жизнедеятельности, сколько в возможности участия в процессах принятия решений и управления своими территориями и ресурсами. Кроме того, они готовы сотрудничать с государством по вопросам использования и охраны арктических ресурсов в соответствии со своими традиционными ценностями и знаниями [Gladun, Chebotarev 2015]. В этом случае культура коренного населения поддерживается не только через сохранение традиционных видов хозяйственной деятельности, но и через институты самоуправления.

Важную роль в переходе коренных народов к рынку играет государственная политика в отношении коренных народов. Так, разные виды патернализма характерны для всех трёх стран, поскольку они частично поддерживают натуральное хозяйство коренных народов через государственные программы и обязательства компаний. Коренные народы получают субсидии и льготы от государства для сохранения традиционной хозяйственной деятельности даже в условиях её экономической неэффективности (как в России). При этом значимость оленеводства и других традиционных занятий рассматривается не только с экономической точки зрения, но и с позиции сохранения аборигенной культуры [Tuck, Nuskey 1986], то есть социально-культурный патернализм ярче проявляется в России и в Финляндии. Иногда государство выбирает стратегию стимулирования производства местных товаров и услуг. Другими подходами могут быть расширение местных рынков и инфраструктурная поддержка (транспорт, дороги, перерабатывающие предприятия в США) и предоставление сообществам коренных народов значительных политических прав (политический патернализм в США).

В целом в настоящее время преобладает смешанная модель экономики коренных народов. Сочетание различных типов хозяйственной деятельности (натуральное хозяйство, рыночные отношения, государ-

ственная поддержка) предопределяет разные формы трансформации экономики коренных народов, то есть рыночной модели, предполагающей взаимодействие с внешними акторами; традиционной модели, более ориентированной на взаимодействия внутри своего сообщества; патерналистской модели, обеспечиваемой со стороны государства. В процессе адаптации к новым условиям происходит также и трансформация культурных кодов и паттернов поведения, которые позволяют поддерживать множественность различных режимов взаимодействия как внутри коренных сообществ, так и с внешними акторами.

Вполне возможно, что зарубежный опыт поддержки культуры и языка (Финляндия) и коммерциализации традиционных видов хозяйственной деятельности (США) может сформировать в России направления для нового патернализма — конституционно обусловленной и ответственной государственной политики сохранения, развития, участия, но не консервации социально-экономического и культурного состояния коренных народов.

Приложение

Таблица П.1

Характеристики респондентов

№ интервью	Респондент	Год интервьюирования	Место проживания респондента
1.	Глава оленеводческой общины	2017	Ямальский район, ЯНАО, Россия
2.	Местный житель	2020	Тазовский район, ЯНАО, Россия
3.	Местный житель, инуит	2019	г. Анкоридж, Аляска, США
4.	Местный житель, оленевод	2017	Ямальский район, ЯНАО, Россия
5.	Местный житель, юпик	2019	г. Бетел, Аляска, США
6.	Представитель окружных органов власти	2017	г. Салехард, ЯНАО, Россия
7.	Представитель районной администрации	2017	Ямальский район, ЯНАО, Россия

Литература

- Баскин Л. М. 2016. Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства. *Этнографическое обозрение*. 2: 28–43.
- Гоголев П. В. 2014. Конституционно-правовые основы патернализма и партнёрства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. *Диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.02*. Москва.
- Голомидова П. С., Сабуров А. А. 2016. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы. *Арктика и Север*. 25: 61–77.
- Давыдов В. 2006. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 9 (3): 93–109.
- Деттер Г. Ф. 2017а. Экономика северного оленеводства Ямала: проблемы и возможности. *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. 4 (97): 4–16.
- Деттер Г. Ф. 2017б. Модели освоения ресурсов и территорий Ямало-Ненецкого автономного округа. *Арктика и Север*. 26: 98–116.

- Деттер Г. Ф. 2021. Влияние институциональных особенностей северного оленеводства Ямала на формирование проблем, противоречий и вызовов для управления и социума. *Научный Вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. 2 (111): 6–26.
- Димаджио П. 2004. Культура и хозяйство. *Экономическая социология*. 5 (3): 45–65. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2004-5-3/26593924.html>
- Зуев С. М. 2015. Оленеводство в Ямало-Ненецком автономном округе: перспективы и проблемы. *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. 3 (88): 62–70.
- Жидкова Н. Г., Тулаева С. А. 2020. Культурная политика в российских регионах: коренные народы, государство и корпорации. *Журнал исследований социальной политики*, 18 (3): 429–444.
- Кибенко В. А., Сухова Е. А., Зуев С. М. 2017. Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямало-Ненецкого автономного округа. *Вестник ТюмГУ: Социально-экономические и правовые исследования*. 3 (3): 33–44.
- Кряжков В. А. 2016. Право коренных малочисленных народов на традиционное природопользование (на примере охоты). *Государство и право*. 11: 32–42
- Мартынова Е. П. 2021. Аборигенное предпринимательство в Северном Приобье. *Вестник антропологии*. 2 (46): 72–85.
- Новикова Н. И. 2013. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков. *Арктика: экология и экономика*. 3 (11): 102–111.
- Новикова Н. И. 2021. Аборигенное предпринимательство в России: ресурсы, технологии и социальные институты. *Вестник антропологии*. 2 (46): 5–18.
- О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации (№ 82-ФЗ). 1999. *Федеральный закон от 30 апреля 1999 г.* URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>
- О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (№ 49-ФЗ). 2001. *Федеральный закон от 7 мая 2001 г.* URL: <http://base.garant.ru/12122856/>
- Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) (№ 104-ФЗ). 2000. *Федеральный закон от 20 июля 2000 г.* URL: <http://base.garant.ru/182356/>
- Об утверждении комплексной программы «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе на 2018–2022 годы. 2018. *Постановление Правительства ЯНАО от 12 декабря 2018 г. № 1271-П.* URL: <https://docs.cntd.ru/document/550269204>
- Пика А. И. (1996) Неотрадиционализм на российском Севере. *Социологические исследования*. 11: 47–53.
- Поланья К. 2002. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени.* СПб.: Алетейя.

- Правительство ЯНАО. 2021. Ямало-Ненецкий автономный округ. О регионе. *Официальный сайт правительства ЯНАО*. URL: <https://www.yanao.ru/>
- Северное оленеводство. 2019. *Департамент агропромышленного комплекса ЯНАО*. URL: <https://dapk.yanao.ru/activity/1843/>
- Филант К. 2016. Об образовании территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе. *Проблемы современной науки и образования*. 39 (81): 83–92.
- Филант К. 2017. Особенности правового регулирования северного оленеводства. *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. 4 (97): 17–27.
- Хазанов А. М. 2017. После социализма: Судьбы скотоводства в Центральной Азии, Монголии и России. *Вестник антропологии*. 2 (38): 45–85.
- Юдин В. И. 2012. Государственная политика России в отношении коренных малочисленных народов Севера: социально-политический анализ. *Власть*. 2: 40–44.
- Act on Elementary School. 1983. *Now Act on Elementary Education 21.8.1998/628*. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1998/19980628?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=peruskoululaki>
- Alaska Federation of Natives. 2019. *Alaska, USA. Official Website*. URL: <https://www.nativefederation.org/alaska-native-peoples/>
- Alaska Native Claims Settlement Act, 43 USC 1601-1624, 85 Stat. 688. 1971. *Public Law 92–203, approved December 18, 1971*. URL: <https://arcticgovernance.custompublish.com/alaska-native-claims-settlement-act-ancsa.4881116-137746.html>
- Bill of the Government to the Parliament on Sami Cultural Autonomy. 1994. *HE 248/1994 vp*. Finland. URL: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/1994/19940248?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=248%2F1994>
- BurnSilver S., et al. 2016. Are Mixed Economies Persistent or Transitional? Evidence Using Social Networks from Arctic Alaska. *American Anthropologist*. 118 (1): 121–129.
- BurnSilver S. et al. 2017. Modeling Tradeoffs in a Rural Alaska Mixed Economy: Hunting, Working, and Sharing in the Face of Economic and Ecological Change. In: Hegmon M. (ed.) *The Give and Take of Sustainability: Archaeological and Anthropological Perspectives on Tradeoffs*. Cambridge: Cambridge University Press; 52–83.
- Constitution of Finland*. 1999. (731/1999, amendments up to 817/2018 included.) Helsinki: Ministry of Justice. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf>
- Dinero S. C. 2003. Analysis of a ‘Mixed Economy’ in an Alaskan Native Settlement: The Case of Arctic Village. *Canadian Journal of Native Studies*. 23 (1): 135–164.
- Dworkin G. 1972. Paternalism. *Monist*. 56 (1): 64–84.

- Ellanna L. J., Wheeler P. C. 1989. Wetlands and Subsistence-Based Economies in Alaska, U.S.A. *Arctic and Alpine Research*. 21 (4): 329–340
- Finland Pays Billionaire 400,000 Euros in Agricultural Subsidies. 2018. *News*. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/news/finland_pays_billionaire_400000_euros_in_agricultural_subsidies/10126993
- Gladun E., Chebotarev G. 2015. Participation of the Northern Indigenous Peoples in the Management of the Russian Arctic Territories and Its Legal Protection. *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*. 8 (1): 111-133.
- Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S. 2021. Indigenous Economies in the Arctic: To Thrive or to Survive? *Elementa*. 9 (1): 00088. DOI: <https://doi.org/10.1525/elementa.2019.00088>
- Gladun E., Zakharova O. 2020. Environmental Perceptions and Values of the Russian Northern Indigenous Peoples. In: Bunikowski D., Hemmings A. D. (eds) *Philosophies of polar law*. New York: Routledge; 172–186.
- Glomsrod S., Duhaime G., Aslaksen I. 2015. *The Economy of the North*. Oslo; Kongsvinger: Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway).
- Goldsmith S., Hull T., Reeder B. 1984. Alaska's Economy Since Statehood: The ISER MAP Economic Data Base. *Alaska Review of Social and Economic Conditions*. 21 (1): 1–36.
- Guttorm J. 2017. *Sami Autonomy in Finland*. Rovaniemi: University of Lapland.
- Hosmer B. C. 1999. *American Indians in the Marketplace: Persistence and Innovation among the Menominees and Metlakatlans, 1870–1920*. Lawrence: The University Press of Kansas.
- Huskey L. 2005. Challenges to Economic Development: Dimensions of “Remoteness” in the North. *Polar Geography*. 29 (2): 119–125.
- Kassam K. A. 2004. Hunting, Subsistence. In: Nuttall M. (ed.) *Encyclopedia of the Arctic*. New York: Routledge; 65–80.
- Knapp G. 2012. *An Introduction to the Economy of Alaska*. URL: iseralaska.org/static/legacy_publication_links/presentations/2012_02-Introduction_to_Economy_of_Alaska.pdf
- Kofinas G. et al. 2016. *Subsistence Sharing Networks and Cooperation: Kaktovik, Wainwright, and Venetie*. Alaska: BOEM Report 2015–023.
- Kuokkanen R. J. 2006. The Logic of the Gift: Reclaiming Indigenous Peoples' Philosophies. In: Botz-Bornstein Th., Hengelbrock J. (eds) *Re-Ethnicizing the Minds?* Amsterdam: RODOPI; 251–271.
- Kuokkanen R. J. 2011. Indigenous Economies, Theories of Subsistence, and Women: Exploring the Social Economy Model for Indigenous Governance. *American Indian Quarterly*. 35 (2): 215–240.
- Kuokkanen R. J. 2019. *Restructuring Relations: Indigenous Self-Determination, Governance and Gender*. Oxford, UK: Oxford University Press.

- Kvale S. 1996. *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks: SAGE.
- Kyllönen S. et al. 2006. Conflict Management as a Means to Sustainable Use of Natural Resources. *Silva Fennica*. 40 (4): 687–728. URL: <https://jukuri.luke.fi/bitstream/handle/10024/532619/conflict.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- Langdon S. J. 1986. Contradictions in Alaskan Native Economy and Society. In Langdon S. (ed). *Contemporary Alaskan Native Economies*. Lanham, MD: University Press of America; 29–46.
- Larsen J. N., Huskey L. 2015. The Arctic Economy in a Global Context. In: Evengård B., Larsen J. N., Paasche Ø. (eds) *The New Arctic*. Cham: Springer; 159–174.
- Larsen S. V. et al. 2019. A Conceptual Framework of Arctic Economies for Policy-Making, Research, and Practice. *Global Policy*. 10 (4): 686–696. DOI: [10.1111/1758-5899.12720](https://doi.org/10.1111/1758-5899.12720)
- Lonner T. D. 2000. *Subsistence as an Economic System in Alaska: Theoretical and Policy Implications*. Anchorage: Alaska Department of Fish and Game.
- Mitchell D. G. 2001. *Take My Land, Take My Life. The Story of Congress's Historic Settlement of Alaska Native Claims, 1960–1971*. Fairbanks: University of Alaska Press.
- Nuorgam P. 2017. Wider Use of Traditional Sámi Dress in Finland: Discrimination against the Sámi? In: Xanthaki A. et al. (eds) *Indigenous Peoples' Cultural Heritage: Rights, Debates and Challenges*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff; 229–252.
- Nysten-Haarala S. 2018. Arctic Railway Threatening Reindeer Herding. *Retfærd*. 41 (2): 66–69.
- Nystén-Haarala S., Joonas T., Hovila I. 2021. Wind Energy Projects and Reindeer Herders' Rights in Finnish Lapland: A Legal Framework. *Elementa*. 9 (1): 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1525/elementa.202120.00037>
- Pickering K. A. 2000. *Lakota Culture, World Economy*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Poppel B. 2006. Interdependency of Subsistence and Market Economies in the Arctic. In: Glomsrod S., Duhaime G., IAslaksen Iu. (eds) *The Economy of the North*. Oslo; Kongsvinger: Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway); 65–80.
- Poppel B., Kruse J. 2010. The Importance of a Mixed Cash- and Harvest Herding Based Economy to Living in the Arctic — An Analysis Based on Survey of Living Conditions in the Arctic (SLiCA). In: Møller V., Huscka D. (eds) *Quality of Life in the New Millennium: Advances in Quality-of-Life Studies, Theory and Research*. New York: Springer Verlag (Social Indicators Research Series); 27–42.
- Poppel B. et al. 2007. *Survey of Living Conditions in the Arctic: Results*. Anchorage: Institute of Social and Economic Research, University of Alaska Anchorage.
- Raento P., Kai H. 2001. Cultural Diversity in Finland. *Fennia*. 180 (1–2): 151–164.
- Regional Alaska Native Corporations Status. 40 Years after Establishment, and Future Considerations. 2012. Highlights of GAO-13-121, A Report to Congressional Requesters. URL: www.gao.gov/assets/660/650857.pdf

- Reindeer Herders' Association. 2019. *Reindeer Info. Official Website*. URL: paliskunnat.fi/reindeer-herders-association/
- The Sami in Finland. 2019. URL: <https://www.samediggi.fi/sami-info/?lang=en>
- Scott J. C. 1977. *The Moral Economy of the Peasant*. New Haven: Yale University Press.
- Stammler F. 2005. *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land*. Muenster: Litverlag.
- Stuckenberger N. 2007. *Thin Ice: Inuit Traditions within a Changing Environment*. Hanover, NH: Hood Museum of Art.
- The Sami Parliament, Inari. 2007. *The Current Situation of Traditional Sami Livelihoods in Finland — Background for Indicators of the Biodiversity Agreement*. URL: <https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2019/01/Perinteiset-saamelaiset-elinkeinot-2.pdf>
- Tuck B. H., Huskey L. 1986. Economic Growth and Development Strategies for Rural Alaska: A Time to Reconsider. In: Langdon S. J. (ed.) *Contemporary Alaska Native Economies*. Lanham, MD: University Press of America; 1–14.
- Tulaeva S., Nysten-Haarala S. 2019. Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements. *Resources*. 8 (2): 86. URL: <https://doi.org/10.3390/resources8020086>
- United Nations. 2007. *United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. URL: <https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/declaration-on-the-rights-of-indigenous-peoples.html>
- Williams G. 1985. Population Growth and Migration in Alaska. *Alaska Economic Trends*. 5 (10): 1–10.
- Wolfe R. J., Ellanna L. J. 1983. *Resource Use and Socio-economic Systems: Case Studies of Fishing and of Fishing and Hunting in Alaskan Communities*. Technical Report No. 61. Juneau: Department of Fish and Game, Division of Subsistence.
- Wolfe R. J., Walker R. J. 1987. Subsistence Economies in Alaska: Productivity, Geography, and Development Impacts. *Arctic Anthropology*. 24 (2): 56–81.
- Zukin S., DiMaggio P. 1990. Introduction. In: Zukin S., DiMaggio P. (eds) *Structures of Capital: The Social Organization of the Economy*. New York: Cambridge University Press; 1–56.

NEW TEXTS

Elena Gladun, Soili Nysten-Haarala, Svetlana Tulaeva, Olga Zakharova

Indigenous economy in the Arctic regions: traditions, market, state (on the example of the transformation of the economic activity of the Indigenous peoples in Russia, Finland, and the USA)

GLADUN, Elena — PhD in Law, Professor, Tyumen State University. Address: Volodarsky street, 6, 625003, Tyumen, Russian Federation.

Email: e.f.gladun@utmn.ru

NYSTEN-HAARALA, Soili — LL.D., Professor, University of Lapland. Address: Yliopistonkatu 8, Box 112, FI-961010, Rovaniemi, Finland.

Email: soili.nysten-haarala@ulapland.fi

TULAEVA, Svetlana — PhD in sociology, PhD in Legal Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute, Associate professor. Address: Vasilevskiy Island, 57 Sredny prospect, 199178, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: svett07@mail.ru

ZAKHAROVA, Olga — PhD in Philosophy, Associate Professor, Tyumen State University. Address: Volodarsky street, 6, 625003, Tyumen, Russian Federation.

Email: o.v.zakharova@utmn.ru

Abstract

The article describes the interaction of the economy and culture, in the frameworks of Indigenous economic development. It implies strong embeddedness of the economic activities of Indigenous peoples in their social and cultural life. The Indigenous economy is based on traditional nature management and it is closely linked to their knowledge of nature, folklore, language, social norms and expectations. At the same time, the active inclusion of Indigenous communities into market relations leads to significant social and economic transformations of their lives. This implies the question of how to preserve the unique Indigenous culture in the market context. The paper considers three different scenarios for the development of the Indigenous economy in the Arctic regions using the examples of Russia, Finland and the United States. In Russia, the state plays a significant role by providing paternalistic care to the Indigenous population and focusing on the preservation of traditional culture; Finland is dominated by a market scenario for the development of Indigenous traditional economies and governmental support for indigenous culture and welfare; and the United States represents an intermediate case in which market incentives and paternalism are combined. The article also examines how the chosen scenario affected the social and cultural aspects of the life of the Indigenous people. The latter are associated with a new attitude to nature, the development of new cultural patterns, and the emergence of new culturally colored types of economic activity. The study is based on qualitative methodology. The main research methods were semi-structured interviews, observations, and analysis of documents.

Keywords: Arctic; Indigenous economy, Indigenous culture; Indigenous rights; mixed economy; state paternalism.

References

Act on Elementary School (1983) *Now Act on Elementary Education 21.8.1998/628*. Available at: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1998/19980628?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=perusko-ululaki> (accessed 30 November 2019).

- Alaska Federation of Natives (2019) *Alaska, USA. Official Website*. Available at: <https://www.nativefederation.org/alaska-native-peoples/> (accessed 10 October 2019).
- Alaska Native Claims Settlement Act, 43 U.S.C. 1601-1624 (85 Stat. 688) (1971). Available at: https://www.ssa.gov/OP_Home/comp2/F092-203.html (accessed 10 October 2019).
- Baskin L. M. (2016) Sovremennoe olenevodstvo v Rossii: sostoyanie, mobil'nost', prava sobstvennosti, paternalizm gosudarstva [Modern Reindeer Husbandry in Russia: State, Mobility, Property Rights, Paternalism of the State]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 2, pp. 28–43 (in Russian).
- Bill of the Government to the Parliament on Sami Cultural Autonomy (HE 248/1994). (1994) Finland. Available at: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/1994/19940248?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=248%2F1994> (accessed 30 November 2019).
- BurnSilver S., Boone R. B., Kofina G. P., Brinkman T. J. (2017) Modeling Tradeoffs in a Rural Alaska Mixed Economy: Hunting, Working, and Sharing in the Face of Economic and Ecological Change. *The Give and Take of Sustainability: Archaeological and Anthropological Perspectives on Tradeoffs* (ed. M. Hegmon), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 52–83.
- BurnSilver S., Magdanz J., Stotts R., Berman M., Kofinas G. (2016) Are Mixed Economies Persistent or Transitional? Evidence Using Social Networks from Arctic Alaska. *American Anthropologist*, vol. 118, pp. 121–129.
- Constitution of Finland* (1999) (731/1999, amendments up to 817/2018 included) Available at: <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf> (accessed 30 November 2019).
- Davydov V. (2006) Kul'turnaya autentichnost' i korennyye narody: institutsional'nye protsessy i politika identichnosti [Cultural Authenticity and Indigenous Peoples: Institutional Processes and Identity Politics]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 9, no 3, pp. 93–109 (in Russian).
- Detter G. F. (2017a) Ekonomika severnogo olenevodstva Yamala: problemy i vozmozhnosti [The Economy of Reindeer Herding in Yamal: Problems and Opportunities]. *Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug = Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, no 4 (97), pp. 4–16 (in Russian).
- Detter G. F. (2017b) Modeli osvoeniya resursov i territoriy Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Models of Development of Resources and Territories of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Arctic and North = Arktika i Sever*, no 26, pp. 98–116 (in Russian).
- DiMaggio P. (2004) *Kul'tura i khozyaystvo* [Culture and Economy]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 5, no 3, pp. 45–65. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204958/ecsoc_t5_n3.pdf#page=45 (accessed 30 November 2019) (in Russian).
- Dinero S. C. (2003) Analysis of a 'Mixed Economy' in an Alaskan Native Settlement: The Case of Arctic Village. *Canadian Journal of Native Studies*, vol. 23, no 1, pp. 135–164.
- Dworkin G. (1972) Paternalism. *Monist*, vol. 56, no 1, pp. 64–84.

- Ellanna L. J., Wheeler P. C. (1989) Wetlands and Subsistence-Based Economies in Alaska, U.S.A. *Arctic and Alpine Research*, vol. 21, no 4, pp. 329–340.
- Finland Pays Billionaire 400,000 Euros in Agricultural Subsidies. (2018) *News*. Available at: https://yle.fi/uutiset/osasto/news/finland_pays_billionaire_400000_euros_in_agricultural_subsidies/10126993 (accessed 30 November 2019).
- Zhidkova N., Tulaeva S. (2020) Kul'turnaya politika v rossiyskikh regionakh: korennyye narody, gosudarstvo i korporatsii [Cultural Policy in Russia's Regions: The State, Corporations and Indigenous People]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 18, no 3, pp. 429–444 (in Russian).
- Gladun E., Chebotarev G. (2015) Participation of the Northern Indigenous Peoples in the Management of the Russian Arctic Territories and Its Legal Protection. *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, vol. 8, no 1, pp. 111–133.
- Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S. (2021) Indigenous Economies in the Arctic: To Thrive or to Survive? *Elementa*, vol. 9, no 1, pp. 1–21. Available at: <https://doi.org/10.1525/elementa.2019.00088> (accessed 30 March 2022).
- Gladun E., Zakharova O. (2020) Environmental Perceptions and Values of the Russian Northern Indigenous Peoples. *Philosophies of Polar Law* (eds. D. Bunikowski, A. D. Hemmings), New York, NY: Routledge, pp. 172–187.
- Glomsrod S., Duhaime G., Aslaksen I. (2015) *The Economy of the North*, Oslo; Kongsvinger: Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway).
- Gogolev P. V. (2014) Konstitutsionno-pravovye osnovy paternalizma i partnerstva v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii [Constitutional and Legal Foundations of Paternalism and Partnership in Relation to the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Russian Far East]. *Dissertatsiya ... doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.02* [Dissertation ... Doctors of Law: 12.00.02], Moscow (in Russian).
- Goldsmith S., Hull T., Reeder B. (1984) Alaska's Economy Since Statehood: The ISER MAP Economic Data Base. *Alaska Review of Social and Economic Conditions*, vol. 21, no 1, pp. 1–36.
- Golomidova P. S., Saburov A. A. (2016). Gosudarstvennaya politika v otnoshenii korennykh narodov Alyaski: istoricheskiy obzor i sovremennyye problemy [State Policy Towards Indigenous Peoples of Alaska: Historical Review and Contemporary Issues]. *Arctic and North = Arktika i Sever*, no 25, pp. 61–77 (in Russian).
- Government of the Yamal-Nenets Autonomous District. (2021) Yamalo-nenetskiy avtonomnyy okrug. O regione [Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. About the Region]. *The Official Website of the Government of the Yamal-Nenets Autonomous District*. Available at: <https://www.yanao.ru> (accessed 10 May 2021) (in Russian).
- Guttorm J. (2017) *Sami Autonomy in Finland*, Rovaniemi: University of Lapland (in Finnish).
- Hazanov A. M. (2017) Posle sotsializma: Sud'by skotovodstva v Tsentral'noy Azii, Mongolii i Rossii [The Fate of Cattle Breeding in Central Asia, Mongolia and Russia]. *Herald of Anthropology = Vestnik Antropologii*, no 2 (38), pp. 45–85 (in Russian).

- Hosmer B. C. (1999) *American Indians in the Marketplace: Persistence and Innovation among the Menominees and Metlakatlangs, 1870–1920*, Lawrence: The University Press of Kansas.
- Huggan G. (2001) *The Postcolonial Exotic: Marketing the Margins*, London; New York: Routledge.
- Huskey L. (2005) Challenges to Economic Development: Dimensions of “Remoteness” in the North. *Polar Geography*, vol. 29, no 2, pp. 119–125.
- Kassam K. A. (2004) Hunting, Subsistence. *Encyclopedia of the Arctic* (ed. M. Nuttall), New York: Routledge, pp. 65–80.
- Kibenko V. A., Sukhova E. A., Zuev S. M. (2017) Social’no-ekonomicheskie faktory zhiznedeyatel’nosti kochevogo naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Socio-Economic Factors of the Nomadic Population of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research = Vestnik TyumGU: Sotsial’no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, vol. 3, no 3, pp. 33–44 (in Russian).
- Kryazhkov V. A. (2016) Pravo korennykh malochislennykh narodov na traditsionnoe prirodopol’zovanie (na primere okhoty) [The Right of Indigenous Peoples to Traditional Lands (For Example Hunting)]. *State and Law = Gosudarstvo i pravo*, no 11, pp. 32–42 (in Russian).
- Knapp G. (2012) *An Introduction to the Economy of Alaska*. Available at: iseralaska.org/static/legacy_publication_links/presentations/2012_02-Introduction_to_Economy_of_Alaska.pdf (accessed 10 May 2021).
- Kofinas G., BurnSilver Sh. B., Magdanz J., Stotts R., Okada M. (2016) *Subsistence Sharing Networks and Cooperation: Kaktovik, Wainwright, and Venetie, Alaska*: BOEM Report 2015–023.
- Kuokkanen R. J. (2006) The Logic of the Gift: Reclaiming Indigenous Peoples’ Philosophies. *Re-Ethnicizing the Minds?* (eds. Th. Botz-Bornstein, J. Hengelbrock), Amsterdam: RODOPI, pp. 251–271.
- Kuokkanen R. J. (2011) Indigenous Economies, Theories of Subsistence, and Women: Exploring the Social Economy Model for Indigenous Governance. *American Indian Quarterly*, vol. 35, no 2, pp. 215–240.
- Kuokkanen R. J. (2019) *Restructuring Relations: Indigenous Self-Determination, Governance and Gender*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Kvale S. (1996) *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*, Thousand Oaks: SAGE.
- Kyllönen S., Colpaert A., Heikkinen H., Jokinen M., Kumpula J., Marttunen M., Muje K., Raitio K. (2006) Conflict Management as a Means to Sustainable Use of Natural Resources. *Silva Fennica*, vol. 40, no 4, pp. 687–728. Available at: <https://silvafennica.fi/article/323> (accessed 30 November 2019).
- Langdon S. J. (1986) Contradictions in Alaskan Native Economy and Society. *Contemporary Alaskan Native Economies* (ed. S. Langdon), Lanham, MD: University Press of America, pp. 29–46.
- Larsen J. N., Huskey L. (2015) The Arctic Economy in A Global Context. *The New Arctic* (eds. B. Evengård, J. N. Larsen, Ø. Paasche), Cham: Springer, pp. 159–174.

- Larsen S. V., Bors E. K., Johannsdottir L., Gladun E., Gritsenko D., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Sformo T. (2019) A Conceptual Framework of Arctic Economies for Policy-Making, Research, and Practice. *Global Policy*, vol. 10, no 4, pp. 686–696.. DOI: 10.1111/1758-5899.12720. Available at: <https://www.global-policyjournal.com/articles/global-governance/conceptual-framework-arctic-economies-policy-making-research-and> (accessed 30 November 2019).
- Lonner T. D. (2000) *Subsistence as an Economic System in Alaska: Theoretical and Policy Implications*, Anchorage: Alaska Department of Fish and Game.
- Martynova E. P. (2019) Aborigennoe predprinimatel'stvo v Severnom Priob'e [Aboriginal Entrepreneurship in the Northern Ob Region]. *Herald of Anthropology = Vestnik Antropologii*, vol. 2, no 46, pp. 72–85 (in Russian).
- Mitchell D. G. (2001) *Take My Land, Take My Life. The Story of Congress's Historic Settlement of Alaska Native Claims, 1960–1971*, Fairbanks: University of Alaska Press.
- Novikova N. I. (2013) Korennye narody rossiyskogo Severa i neftegazovye kompanii: preodolenie riskov [Indigenous Peoples of the Russian North and Oil and Gas Companies: Overcoming Risks]. *Arctic: Ecology and Economy = Arktika: ekologiya i ekonomika*, vol. 11, no 3, pp. 102–111 (in Russian).
- Novikova N. I. (2021) Aborigennoe predprinimatel'stvo v Rossii: resursy, tekhnologii i social'nye instituty [Indigenous Entrepreneurship in Russia: Resources, Technologies, Social Institutions]. *Herald of Anthropology = Vestnik Antropologii*, vol. 2, no 46, pp. 5–18 (in Russian).
- Nuorgam P. (2017) Wider Use of Traditional Sámi Dress in Finland: Discrimination against the Sámi? *Indigenous Peoples' Cultural Heritage: Rights, Debates and Challenges* (eds. A. Xanthaki, S. Valkonen, L. Heinämäki, P. Nuorgam), Leiden; Boston: Brill Nijhoff, pp. 229–252.
- Nysten-Haarala S. (2018) Arctic Railway Threatening Reindeer Herding. *Retfærd*, vol. 41, no 2, pp. 66–69.
- Nystén-Haarala S., Joonas T., Hovila I. (2021) Wind Energy Projects and Reindeer Herders' Rights in Finnish Lapland: A Legal Framework. *Elementa*, vol. 9, no 1, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1525/elementa.202120.00037>
- O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii (№ 82-FZ) [On Guarantees of Rights of Small Indigenous Peoples of the Russian Federation. (No. 82-FZ)] (1999) *Federal Law from April 30, 1999*. Available at: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).
- O territoriakh traditsionnogo prirodopolzovania korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiiskoy Federatsii (№ 49-FZ) [On Territories of Traditional Nature Use of Indigenous Numerically Small Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation (No. 49-FZ)] (2001) *Federal Law from May 7, 2001*. Available at: <http://base.garant.ru/12122856/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).
- Ob obshchikh printsipakh organizatsii obshchin korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiiskoy Federatsii (№ 104-FZ) [On General Principles of Organization of Communities of Indigenous Numerically Small Peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation (No. 104-FZ)] (2000) *Federal Law from July 20, 2000*. Available at: <http://base.garant.ru/182356/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).

- Ob utverzhdenii kompleksnoy programmy “Ustojchivoe razvitie korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge na 2018-2022 gody” [On approval of the comprehensive program “Sustainable development of Indigenous Numerically Small Peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug for 2018-2022] (No 1271-II). (2018) *Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of December 12, 2018*. Available at: <https://www.garant.ru/hotlaw/yamalonenetsky/1234977/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).
- Philant K. (2016) Ob obrazovanii territoriy traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge [On the Formation of Territories of Traditional Nature Use of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Problems of Modern Science and Education = Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya*, vol. 39, no 81, pp. 83–92 (in Russian).
- Philant K. (2017) Osobennosti pravovogo regulirovaniya Severnogo olenevodstva [Features of the Legal Regulation of Reindeer Husbandry]. *Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug = Nauchnyj vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, vol 4, no 97, pp. 17–27 (in Russian).
- Pickering K. A. (2000) Alternative Economic Activities. *Lakota Culture, World Economy* (ed. K. A. Pickering), Lincoln: University of Nebraska Press, pp. 36–54.
- Pika A. I. (1996) Neotraditsionalizm na rossiyskom Severe [Neotraditionalism in the Russian North]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 11, pp. 47–53 (in Russian).
- Polanyi K. (2002) Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni [A Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Alethea (in Russian).
- Poppel B. (2006) Interdependency of subsistence and market economies in the Arctic. *The Economy of the North* (eds. S. Glomsrod, G. Duhaime, Iu. Aslaksen), Oslo; Kongsvinger: Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway), pp. 65–80.
- Poppel B., Kruse J. (2010) The Importance of a Mixed Cash- and Harvest Herding Based Economy to Living in the Arctic — An Analysis Based on Survey of Living Conditions in the Arctic (SLiCA). *Quality of Life in the New Millenium: Advances in Quality-of-Life Studies, Theory and Research* (eds. V. Møller, D. Huscka), New York: Springer Verlag (Social Indicators Research Series), pp. 27–29.
- Poppel B., Kruse J., Duhaime G., Abryutina L. (2007) *Survey of Living Conditions in the Arctic: Results*. Anchorage: Institute of Social and Economic Research, University of Alaska Anchorage.
- Raento P., Kai H. (2001) Cultural Diversity in Finland. *Fennia*, vol. 180, no 1–2, pp. 151–164.
- Regional Alaska Native Corporations Status. 40 Years after Establishment, and Future Considerations*. (2012) Highlights of GAO-13-121, A Report to Congressional Requesters. Available at: www.gao.gov/assets/660/650857.pdf (accessed 10 October 2019).
- Reindeer Herders' Association. (2019) *Reindeer Info. Official Website*. Available at: <https://paliskunnat.fi/reindeer-herders-association/reindeer-info/> (accessed 10 October 2019).
- Sami in Finland*. (2019) Available at: <https://www.samediggi.fi/sami-info/?lang=en> (accessed 12 May 2020).

- The Sami Language. (2019) *Official Website*. Available at: <https://www.samediggi.fi/sami-info/?lang=en> (accessed 10 May 2020).
- The Sami Parliament, Inari. (2007) *The Current Situation of traditional Sami livelihoods in Finland — Background for indicators of the Biodiversity Agreement*. Available at: <https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2019/01/Perinteiset-saamelaiset-elinkeinot-2.pdf> (accessed 10 October 2019).
- Scott J. C. (1977) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven and London: Yale University Press.
- Severnoe olenevodstvo [Northern Reindeer Husbandry] (2019) *Departament agropromyshlennogo kompleksa YANAO* [Department of the Agro-Industrial Complex of the Yamalo-Nenets Autonomous District]. Available at: <https://dapk.yanao.ru/activity/1843/> (accessed 10 April 2021) (in Russian).
- Stammler F. (2005) *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land*, Muenster: Litverlag.
- Stuckenberger N. (2007) *Thin Ice: Inuit Traditions within a Changing Environment*, Hanover, NH: Hood Museum of Art.
- Tuck B. H., Huskey L. (1986) Economic Growth and Development Strategies for Rural Alaska: A Time to Reconsider. *Contemporary Alaska Native Economies*. Lanham (ed. S. J. Langdon), Lanham, MD: University Press of America, pp. 1–14.
- Tulaeva S., Nysten-Haarala S. (2019) Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements. *Resources*, vol. 8, no 2, art. 86. Available at: URL: <https://www.mdpi.com/2079-9276/8/2/86> (accessed 15 April 2022).
- United Nations. (2007) *United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. Available at: <https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/declaration-on-the-rights-of-indigenous-peoples.html> (accessed 3 October 2019).
- Williams G. (1985) Population Growth and Migration in Alaska. *Alaska Economic Trends*, vol. 5, no 10, pp. 1–10.
- Wolfe R. J., Ellanna L. J. (1983) *Resource Use and Socio-economic Systems: Case Studies of Fishing and of Fishing and Hunting in Alaskan Communities*. Technical Report No. 61, Juneau: Department of Fish and Game, Division of Subsistence.
- Wolfe R. J., Walker R. J. (1987) Subsistence Economies in Alaska: Productivity, Geography, and Development Impacts. *Arctic Anthropology*, vol. 24, no 2, pp. 56–81.
- Yudin V. (2012) Gosudarstvennaya politika Rossii v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa: sotsial'no-politicheskiy analiz [The State Policy of Russia in Relation to the Indigenous Peoples of the North: Socio-Political Analysis]. *The Authority = Vlast'*, no 2, pp. 40–44 (in Russian).
- Zuev S. (2015) Olenevodstvo v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge: perspektivy i problemy [Reindeer husbandry in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: prospects and problems]. *Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug = Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, no 3 (88), pp. 62–70 (in Russian).

Zukin S., Dimaggio P. (eds) 1990. *Structures of Capital: The Social Organization of the Economy*, Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.

Received: November 05, 2021

Citation: Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Zakharova O. (2022) Ekonomika korennykh narodov v arkticheskikh regionakh: traditsii i transformatsii (na primere Rossii, Finljandii, SShA) [Indigenous Economy in the Arctic Regions: Traditions, Market, State (On the Example of the Transformation of the Economic Activity of the Indigenous Peoples in Russia, Finland, and the USA)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 3, pp. 11–41, doi: [10.17323/1726-3247-2022-3-11-41](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-11-41) (in Russian).

В. А. Аникин

Социальная структура новой России: опыт применения апостериорного подхода¹

АНИКИН Василий Александрович — Ph. D., канд. экон. наук, доцент, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, Россия, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: vanikin@hse.ru

В работе представлены результаты комплексного анализа социальной структуры современного российского общества через призму многомерного подхода, в основу которого положено веберовское понятие «жизненные шансы», операционализированное на основе 24 показателей положительной и негативной привилегированности россиян и их домохозяйств в четырёх главных жизненных сферах: экономические условия жизни; ситуация на работе; человеческий потенциал; потребление и досуг. На данных Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН 2015 и 2018 гг. исследуется апостериорная модель классов, выделенных с помощью байесовских методов латентного классового анализа. Использование данного подхода позволило заключить, что современная Россия представляет собой общество из пяти классов: непривилегированный (низший) класс «вне экономики» (23 и 21,8% в 2015 и 2018 гг. соответственно), представленный пенсионерами, безработными и неквалифицированной рабочей силой; непривилегированный «экономический» (нижний) класс (19,4 и 17,3% в 2015 и 2018 гг. соответственно), представленный эксплуатируемым низкооплачиваемым рутинным трудом; классы средней привилегированности — «низший» средний класс (29,4 и 34,1% в 2015 и 2018 гг. соответственно) и «средний» средний класс (15,8 и 13,4% в 2015 и 2018 гг. соответственно), а также «привилегированный» («верхний» средний) класс (12,4 и 13,4% в 2015 и 2018 гг. соответственно), представленный высококвалифицированной рабочей силой, обладающей широкими возможностями не только в экономических, но и во внеэкономических сферах. Полученные результаты также показали, что нижний экономический класс демонстрирует наивысшую степень протестного голосования. Наиболее политически лояльным оказался «привилегированный» средний класс, что идёт вразрез со сложившимися стереотипами о закономерностях политического поведения граждан в новой России.

Ключевые слова: классы; апостериорный подход; латентный классовый анализ; жизненные шансы; риски; социальное неравенство; политическое поведение.

Введение

Анализ социальной структуры является, пожалуй, одной из самых традиционных и значимых задач для социологии. Интерес к социальной структуре не угасает в мировой социологии уже более 150 лет. Отечественная наука

¹ Статья подготовлена за счёт средств РФ № 17-78-20125. Автор также выражает признательность Н. Е. Тихоновой, М. Ф. Чернышу, Ю. В. Латову, участникам Ядовского семинара Института социологии ФНИСЦ РАН, участникам научного семинара, а также анонимным рецензентам за их неоценимый вклад на стадии подготовки и обсуждения данного текста.

традиционно предъявляет повышенный интерес к вопросам социальной структуры. В дореволюционной России проблематика классов и сословий составляла ядро общесоциологического развития [Голенкова, Игитханян 1999], однако после вынужденной эмиграции части гуманитарной интеллигенции и установления в 1920-х гг. фактического запрета на социологические исследования вертикального расслоения советского общества масштабные исследования социальной структуры и социальной мобильности в отечественной науке были прерваны на многие десятилетия [Черныш 2001]. В то время как в Великобритании, континентальной Европе и США активно развивались подходы к комплексному изучению социальной структуры (как классовые, так и неклассовые — стратификационные²), советские учёные фокусировались, скорее, на положении отдельных социальных и профессиональных групп, а к вопросам комплексного изучения социальной структуры отечественная наука вернулась лишь в 1980–1990-х гг.

Ключевая линия дискуссий в работах постсоветской России была связана с поиском и анализом новых оснований социальной стратификации, пониманием того, укоренены ли эти основания в рыночных отношениях и какой профиль социальной структуры может быть очерчен на их базе. Обсуждение вопросов социальной структуры постсоветской России зачастую упиралось (и упирается до сих пор) в дискуссии о модели стратификационной системы [Радаев, Шкаратан 1996; Grusky 2001; Тихонова 2014]. Во многом эти дискуссии проверяли на прочность меритократические основы стратификационного подхода к анализу постсоветского общества, наиболее последовательно нашедшего отражение в работах Н. Е. Тихоновой и её коллег [Тихонова, Мареева 2009; Лежнина 2011; Тихонова 2011; 2014; 2018], а также в многочисленных исследованиях среднего класса, выполненных в рамках стратификационной логики под руководством Е. А. Авраамовой, Л. А. Беляевой, Т. М. Малевой, Л. Н. Овчаровой, А. И. Пишняк и др. Альтернативу меритократической линии стратификационного анализа составили работы, в которых акцент делался на нерыночных основаниях стратификации, приводящих к благополучию либо тех, кто имел влияние в рамках политической, должностной или силовой иерархии [Volkov 2000; Шкаратан, Ильин 2006; Шкаратан, Ястребов 2008], либо тех, кто имел отношение к титулованному слою и разрешённой деятельности [Kordonsky 2016]. При этом собственно классовый анализ практически не развивался. Данная статья призвана внести скромный вклад в исследования социальной структуры современного российского общества в контексте классового анализа.

Подходы к анализу социальной структуры

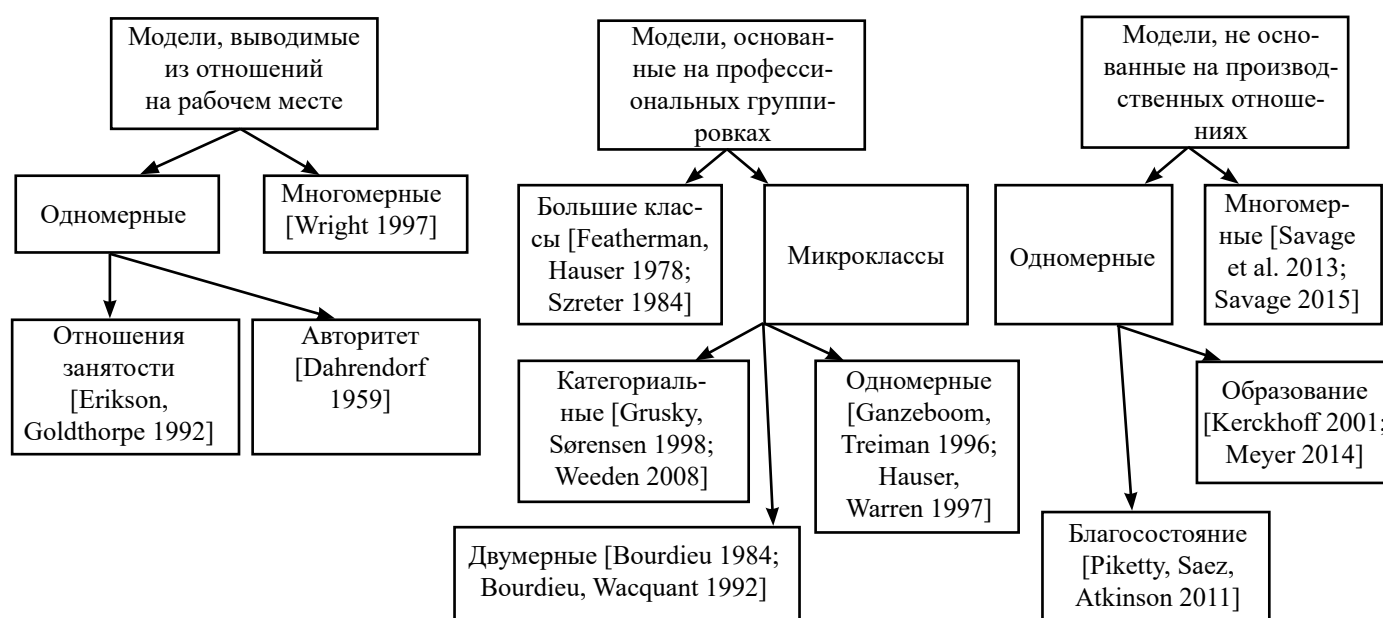
Несмотря на различия в оценках природы социального неравенства, его профиля, количества и состава социальных групп, приверженность российских учёных стратификационному подходу едва ли способствовала развитию собственно классового подхода в отечественной науке. Этому также не способствовали содержательные и методологические ограничения популярных на Западе схем классового анализа, что сдерживало их широкое применение в условиях России 1990–2000-х гг. [Тихонова 2014]. Это касается и знаменитой неовеберинской классовой таксономии Дж. Голдторпа в версии EGP-схемы [Erikson, Goldthorpe 1992], в основу которой были положены специфика отношений занятости и тип трудового контракта, а также неомарксистской схемы Э. Райта, опирающейся в её поздней версии на уникальность квалификации работника и степень контроля им над своим и чужим трудом [Wright 1989]. Традиционные проблемы применимости EGP-схемы были связаны с тем, что в России в 1990–2000-х гг. наличие письменного трудового соглашения являлось скорее привилегией, чем нормой, наблюдалась слабая дифференция контрактных отношений между работниками внутри организаций, а дополнительные блага на рабочем месте были, скорее, не отражением ценности работника, а

² Например, применение стратификационного подхода к анализу советского общества 1950–1960-х гг. нашло отражение в работе зарубежного учёного А. Инкелеса. Автор разделил советское общество на восемь страт, нижняя из которых была «лагерной», то есть к ней были отнесены рядовые крестьяне и заключённые, отбывающие срок в исправительно-трудовых лагерях [Inkeles 1966].

следствием экономического успеха компаний и их «корпоративной ответственности» по отношению к своим сотрудникам. При пересчёте схемы Э. Райта на российских данных исследователи получали существенную переоценку численности рабочего класса в России, что сильно ограничивало использование данной схемы в России.

Пессимизм в отношении применимости классового подхода добавляла развернувшаяся в международной академической прессе дискуссия о релевантности сложившихся традиций классового анализа [Pakulski, Waters 1996]. Эта дискуссия была связана с усилением горизонтальной дифференциации в западных обществах, возрастающей ролью культурных аспектов социального неравенства, дезинтеграции классов и политического поведения, а также с переоценкой объясняющей силы конструктивистского направления социологии.

Свидетельствуют ли озвученные проблемы о патологической неприменимости классового подхода в России, или это является, скорее, отражением методологических ограничений сложившихся традиций классового анализа? Классовые схемы Дж. Голдторпа и Э. Райта представляют собой умозрительные построения классов «на бумаге» [Bourdieu 1966: 212–221; 1984]. Номинализм в выделении классов позволяет учёным контролировать точное количество и экономические характеристики выделяемых социальных групп. Выделение классов «на бумаге» лежит в русле т.н. априорного подхода. При построении априорных моделей классов (англ. *measurement models*) исследователь умозрительно задаёт (а) констатирующие признаки групп, (б) конечные сочетания этих признаков (конstellации), (с) точное количество групп, (д) диспозиции групп по отношению друг к другу, то есть полностью контролирует процесс построения модели социальной структуры — от теоретической схемы до конечных элементов социальной структуры. Для эмпирической оценки классов остаётся лишь посчитать их процентные доли на массивах данных. Первые сто лет классового анализа развивались именно априорные модели классов — макромоделю с небольшим количеством классов (см. рис. 1).

Примечание: Адаптировано по: [Grusky, Galescu 2005]. Также стоит отметить, что П. Бурдьё строит свою классовую модель, основанную на профессиональных группировках, преимущественно на двух измерениях — экономическом и культурном капитале. Третье измерение — социальный капитал — учёный рассматривает как второстепенное при анализе капиталистических обществ; однако значимость этого измерения существенно выше при анализе социалистических обществ [Bourdieu 1998: 14–16].

Рис. 1. Классификация классовых моделей неравенств индустриально развитых обществ

Начиная с конца 1990-х гг. в американской литературе стала появляться критика макромоделей классов [Weeden, Grusky 2005; Jonsson et al. 2009], вызванная популяризацией стараниями Д. Груски и его коллег неодюркгеймианского подхода к выделению классов. Разворот в сторону так называемых микроклассов стал возможным благодаря развитию математических методов вероятностной классификации, в частности методов латентного классового анализа (*latent class analysis* — LCA), которые к тому времени использовались для целей стратификации [Birkelund, Goodman, Rose 1996] и проверки валидности макроклассовых схем [Evans, Mills 1998]. Применение этих методов позволило Д. Груски и К. Уиден выделить 126 микроклассов, организованных вокруг профессиональной структуры. Это стало существенным вкладом в развитие анализа классовой структуры американского общества, которое к тому времени в основном анализировалось с позиций неомарксистской 12-классовой схемы, разработанной Э. Райтом.

Применение методов LCA для изучения социальной структуры британского общества в 2010-х гг. позволило М. Севиджу и его коллегам прийти к семиклассовой схеме [Savage et al. 2013; Savage 2015]. В отличие от Д. Груски, М. Севидж и его коллеги использовали так называемую ресурсную теорию классов (см. правую ветвь на рис. 1), которая выводилась не из отношений в производственной сфере (как в моделях Дж. Голдторпа и Э. Райта) или профессиональных группировок (как было у Д. Груски), а преимущественно из социально-культурных различий групп. Матрица исходных признаков, состоящая всего из шести переменных, ограничивалась тремя формами капитала — социальным (количество профессиональных контактов, средние значения статусов профессиональных контактов³), культурным («элитарный» досуг, новые и массовые формы досуга) и экономическим (доход домохозяйства, сбережения и стоимость недвижимости).

С методологической точки зрения, подход, который применили М. Севидж, Д. Груски и их коллеги, условно можно назвать апостериорным. При построении апостериорных моделей классов исследователь умозрительно задаёт лишь конституирующие признаки групп. Остальные параметры анализа, которые контролируются «на входе» в рамках априорного подхода, при апостериорном подходе остаются неизвестными, а именно: (а) устойчивые сочетания этих признаков; (б) точное количество групп; (с) диспозиции групп по отношению друг к другу. В реальности сочетаний конституирующих признаков групп может быть множество (особенно когда таких признаков больше десятка), и какие из них «формируют» наиболее гомогенные группы, имеющие чётко выделенные и в наибольшей степени воспроизводящие особенности этих групп ядра, исследователь в начале своей работы обычно до конца не знает. По этой причине методы, используемые в рамках этого подхода, называют ещё безгипотезными.

В рамках апостериорного подхода поиск оптимальной модели социальной структуры, наиболее точно отражающей положение индивидов в социальном пространстве, упирается в вопросы о том, образуют ли определённые комбинации конституирующих признаков (сочетания, или «конstellации» условий — *constellations* [Weeden, Grusky 2005]) устойчивые социальные группы, что представляют собой эти группы, насколько они гомогенны и «реальны» и, наконец, можно ли их называть классами? Касательно «реализма» групп, то апостериорный подход обладает определённым преимуществом перед априорным подходом. В рамках последнего исследователи обычно задают очень жёсткие рамки классификации, которые, как правило, рассыпаются, когда пространство конституирующих признаков имеет большую размерность. Предсказать умозрительно все возможные конstellации при многомерном подходе заранее практически невозможно, поэтому «видовое разнообразие» групп внутри макро-

³ Второй компонент социального капитала рассчитывался на данных статусной шкалы CAMSIS (Cambridge Social Interaction and Stratification). Забегая вперёд, отметим, что расчёт «статусной компоненты» социального капитала на основе CAMSIS для российского общества может быть проблематичным, в том числе потому, что последний раз значения CAMSIS для России рассчитывались А. Бессудновым на волнах РМЭЗ НИУ ВШЭ 1992 и 1995 гг.; см. подробно: URL: <https://www.camsis.stir.ac.uk/Data/Russia92.html>

группировок приносится в жертву адептами априорного подхода. Не случайно в рамках этого подхода остро стоит задача доказать, что выделенные на его основе классы существуют не только «на бумаге», но и являются реальными группами, члены которых имеют сходные положение, поведение и мировоззренческие особенности.

В рамках апостериорного подхода проблема во многом решается «по построению», поскольку выделяемые в рамках него группы являются гомогенными уже по методу их выделения. Полученные таким образом группы можно рассматривать как эмпирические классы. Эмпирическая обусловленность гомогенности выводимых групп является безусловным достоинством безгипотезных методов поиска модели социальной структуры. Ещё одним важным достоинством апостериорного подхода является возможность нахождения эмпирически обусловленных устойчивых сочетаний признаков классификации, которые не были предсказаны теорией. По этой причине апостериорный подход хорошо себя показывает в поисковых задачах в области социальной стратификации и классового анализа. Данная статья призвана продемонстрировать эвристическую силу апостериорного подхода к анализу социальной структуры современного российского общества.

Социальные классы: определение признакового пространства

Как справедливо отмечают Д. Грусски и К. Уиден, механизм разнесения людей по социальным классам базируется на строго определённых срезах, которые, вероятно, должны учитываться одновременно. Речь идёт и о положении человека в отношениях занятости и условиях труда (для занятого населения), и об обладании им материальными и нематериальными ресурсами, и о его жизненных возможностях в экономических и неэкономических сферах. Макротеорией, объединяющей эти срезы, является классовая теория М. Вебера, в центре которой находится концепция «жизненных шансов» (нем. *Lebenschancen*). М. Вебер ввёл это понятие для того, чтобы выделить классы в более широком понимании, чем предполагала марксистская трактовка [Scott 2007]. Под классом он подразумевал совокупность людей, находящихся в схожей классовой ситуации, которую М. Вебер определял как «типичные шансы по производству благ, внешних жизненных условий и накопленного жизненного опыта» [Weber 1994: 114], а также как «общие возможности потребления благ, достижения определённой социальной позиции и обретения внутренней удовлетворённости» [Weber 1978: 302]. Получается, классовая ситуация формируется на основе распределения ресурсов, значимых для места в отношениях власти, при условии того, что эти ресурсы включены в отношения собственности в рамках существующего экономического порядка. Схематично эта логика показана на рисунке 2.

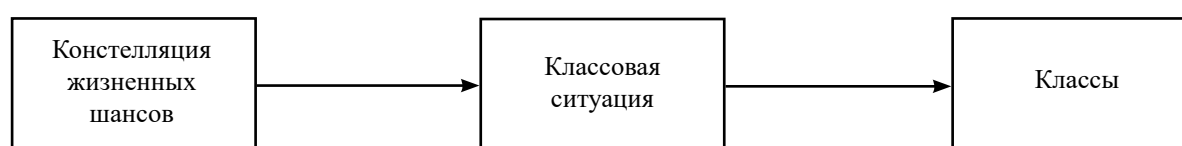

Рис. 2. Схематичное изображение генезиса понятия «класс» в теории М. Вебера

Как видно, общность жизненных шансов (а) относится к возможностям обладать разного рода благами, в том числе и неэкономическими, а также получать определённый доход, и (б) обуславливается и регулируется условиями на товарных рынках и рынке труда [Weber 1994]. Другими словами, жизненные шансы, по мнению М. Вебера, определяются прежде всего наличием, объёмом и характером власти, необходимой для преобразования в доход имеющегося имущества или накопленных навыков и компетенций⁴. Таким образом, концепция жизненных шансов позволяет выделять однородные группы, члены которых

⁴ Более подробно об операционализации классовой теории М. Вебера для целей анализа социальной структуры см.: [Аникин 2018а].

находятся в схожих жизненных ситуациях, определив их как «классы», в тех случаях, когда в основе этой схожести лежат их опосредованные рынком позиции в отношениях власти и собственности, генерирующие общность их жизненных шансов в системе монетарных и немонетарных неравенств, характеризующих различные стороны их повседневной жизни, включая социальное самочувствие. Несмотря на то что любая классовая теория (и веберовская теория классов, как видно, не является исключением) характеризуется экономизмом при определении оснований классификации [Pakulski, Waters 1996], использование концепции жизненных шансов позволило М. Веберу не только включить в анализ незанятое население, но также учесть характеристики возможностей и рисков на уровне домохозяйств.

Идея возможностей и рисков следует из методологического ядра веберовского подхода к анализу жизненных шансов, который состоит в дифференциации социального пространства через призму *позитивной и негативной привилегированности* классовых ситуаций, в которых находятся конкретные индивиды и их домохозяйства в рамках вертикального структурирования этих позиций по отношению к типичным ситуациям для определённого общества. Несмотря на то что данный терминологический оборот не совсем привычен для отечественного обществоведческого дискурса, фокус на привилегированности по отношению к возможностям в разных сферах является центральным для раскрытия концепции жизненных шансов М. Вебера и его классовой теории в целом. Хотя приводимые М. Вебером примеры положительно и негативно привилегированных классов в известной степени уже устарели, методологическая сторона его подхода оказывается крайне плодотворной для анализа социальной структуры современных обществ, поскольку позволяет выделить группы, имеющие относительно большие и относительно меньшие, чем типичные для данного общества, жизненные шансы в разных областях. Более того, концепция жизненных шансов М. Вебера оптимально подходит для целей многомерного моделирования положения человека в социальном пространстве.

Поствеберовский опыт операционализации концепции жизненных шансов позволяет структурировать индикаторы неравенства по ключевым доменам (областям), захватывающим экономические и неэкономические сферы жизни общества. Как уже было показано выше, к экономическим доменам можно отнести (1) сферу «экономических условий жизни», замыкающуюся на экономическую безопасность [Erikson, Goldthorpe 1992; Chan, Goldthorpe 2007], то есть отношение к собственности и финансовые возможности, (2) производственную сферу, характеризующую ситуацию на работе, то есть возможности в сфере труда и занятости, а также (3) сферу потребления, связанную с уровнем и качеством жизни, включая возможности в сфере досуга. Ключевым неэкономическим доменом для современного общества является сфера образования и здоровья, связанная с возможностями сохранения и наращивания своего человеческого потенциала. Ниже представлена беглая операционализация признакового пространства указанных доменов. (Более подробное обоснование доменов и индикаторов читатель может найти в следующих работах авторского коллектива: [Аникин 2018b; Тихонова 2018b; 2022]).

Экономические условия жизни

Операционализация сферы экономической безопасности фактически конкретизирует и уточняет показатели, предложенные М. Вебером для «экономического класса». Положительная привилегированность индивида в данной сфере определяется наличием дополнительной ликвидной недвижимости и другой собственности, которая может быть использована на рынке для получения дохода, а также крупных банковских вкладов, сбережений и различных форм инвестиций, позволяющих прожить на них длительное время (например, не менее полугода-года) при утрате обычных источников дохода. К показателям негативной привилегированности относятся множественные или крупные долговые обязательства (включая ипотеку, а также высокую долговую нагрузку по отношению к уровню доходов) и нетипичных для большинства населения неэластичных расходов (например, по аренде жилья, по обеспечению инвалидов или лиц с плохим здоровьем медпомощью и лекарствами и т. п.), которые

снижают контроль над доходом и увеличивают риск обеднения [Kempen 1994], а также нестабильность самих доходов [Kalleberg, Reskin, Hudson 2000] и другие проблемы экономической безопасности.

Ситуация на работе

С теоретико-методологической точки зрения рассмотрение жизненных шансов индивида в производственной сфере в контексте поляризации (на положительные и негативные) в целом соответствует современным тенденциям в литературе о сегментации и «дуализации» рынков труда в современных обществах [Yoon, Chung 2016; Brülle et al. 2019; Rose, Stier 2019; Seo 2021]. Как было отмечено выше, показатели жизненных шансов в производственной сфере получили фундаментальную проработку у представителей «отношенческого» направления классового анализа, причём как у неовеберианцев [Goldthorpe, Llewellyn, Payne 1987; Erikson, Goldthorpe 1992; Goldthorpe, McKnight 2006], так и у неомарксистов [Dahrendorf 1979; Wright 1989; Scott 2002], которые нельзя рассматривать как взаимоисключающие, а, скорее, как взаимодополняющие друг друга подходы. Позитивную привилегированность в этом домене образует отсутствие или минимизация эффекта отчуждения в труде по месту работы, предполагающие автономность труда, а также возможности влияния на принятие решений (то есть наличие власти как влияния и как авторитета) на рабочем месте [Erikson, Goldthorpe 1992; Kalleberg 2011; Gallie et al. 2014]. Исследования показывают, что наличие влияния на работе может выступать дифференцирующим признаком даже для людей, находящихся на временных позициях или занятых неполный рабочий день [Tilly 1996; Warren, Lyonette 2018]. В современном обществе наличие постоянной и стандартной занятости уже не может «гарантировать интересную работу и безопасность дохода» [Seo 2021: 13], что стало особенно заметно во время пандемии COVID-19. По этой причине положительная привилегированность в производственной сфере всё больше оказывается связанной с «качественными» аспектами рабочих мест [Mira 2021], которые соответствуют притязаниям работников в профессиональном и карьерном плане [Porter, Steers 1973; Wanous et al. 1992; Staff et al. 2010] и отвечают субъективным оценкам общественно полезной и желанной обществом работы [Vrasti 2021]. К возможностям также можно отнести наличие дополнительных экономических и неэкономических благ по месту занятости [Simon 1991; Erikson, Goldthorpe 1992; Williamson 1996; Goldthorpe 2007; McGovern et al. 2007; Kochan, Dyer 2020], что стало особенно актуально в России после кризиса 2014 г., когда «хороших» рабочих мест стало меньше и они концентрировались преимущественно в бюджетной сфере, традиционно связанной с большим объёмом неэкономических благ [Algan, Cahuc, Zylberberg 2002].

В качестве одного из главных компонентов негативной привилегированности в производственной сфере можно рассматривать опыт нахождения в ситуации длительной безработицы [Chan, Goldthorpe 2007]. Другие индикаторы рисков связаны с занятостью на «плохих» рабочих местах — прежде всего с базовой незащищённостью работника на рабочем месте и неблагоприятными условиями занятости [Rodrik, Stantcheva 2021]. Базовая незащищённость работника проявляется в несоблюдении на работе базовых прав, предусмотренных законодательством (отсутствие официального оформления, множественные нарушения трудовых прав, в частности — неоплачиваемый больничный лист, серая зарплата и т. п.). Неблагоприятные условия занятости могут интерпретироваться достаточно широко, но главным образом — в контексте нестандартных форм трудовой деятельности и различных форм прекаризации [Standing 2011; Alberti et al. 2018; Kalleberg 2018; 2021; LaBriola, Schneider 2020], которые в доковидную эпоху рассматривались с критических позиций, так как несли в себе ряд рисков для работников (в особенности использующих платформенную занятость) в виде нестабильной оплаты труда, отсутствия защиты на рабочем месте и пенсионного покрытия, социальной изоляции, переработок без оплаты сверхурочных, затруднённости профессионального развития и карьерного продвижения [Ashford, Caza, Reid 2018; Wood et al. 2019; Kost, Fieseler, Wong 2020].

Возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала

К показателям позитивной привилегированности класса собственников М. Вебер среди прочих показателей относил «возможность монополизации социально привлекательных, финансово затратных и престижных видов образования» [Weber 1978: 303], что в современных реалиях означает доступ к необходимому платному образованию [Johnson, Robertson, Cooper 2018], возможности инвестировать в раннее развитие детей, что при отсутствии необходимой инфраструктуры также предполагает дополнительные финансовые затраты [Heckman 2000; 2006; Cunha, Heckman, Schennach 2010], а также возможности формирования навыков существования в цифровой среде [Deursen, Dijk 2014; Robinson et al. 2015]. Опыт пандемии показал, насколько важна интеграция в информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Те группы населения, которые были готовы к переходу в онлайн, выиграли, в то время как те слои населения, которые не имели такой возможности (преимущественно старшее поколение), довольно сильно пострадали, особенно в первую волну, когда пришлось резко адаптироваться к ситуации локдауна [García et al. 2021]. Очевидно, стратифицирующая роль интеграции в ИКТ в постковидную эпоху будет только возрастать [Watts 2020; Sá et al., 2021]. Другим показателем позитивной привилегированности (и это также стало очевидно во время COVID-19) является возможность использовать относительно лучшие, чем гарантируются государством, формы заботы о здоровье, то есть наличие доступа к наиболее качественным медицинским и оздоровительным услугам, за которые индивид способен платить.

Негативная привилегированность в сфере здоровья складывается даже не столько из наличия заболеваний и инвалидности, сколько из невозможности поддерживать типичный для членов определенного общества образ жизни, а также недоступности необходимой медицинской помощи при наличии заболеваний, что особенно актуально для России. Негативная же привилегированность в сфере образования связана с недоступностью необходимого образования из числа массовых его форм (для России это третичное образование). Опыт пандемии показал, что менее образованное население пострадало сравнительно в большей степени, например — с точки зрения роста рисков безработицы [Lee, Park, Shin 2021]. И хотя это влияние пандемии носило краткосрочный эффект, низкий уровень образования, равно как и отсутствие доступа к ИКТ в повседневной жизни, в постиндустриальном обществе должны однозначно учитываться как риски.

Потребление и досуг

Положительная привилегированность в сфере потребления подразумевает наличие того, что исследователи называют опытом материального достатка [Erikson, Goldthorpe 1992] и перспективами продолжительного материального благополучия, в том числе в старости [Erikson, Goldthorpe 1992; Chan, Goldthorpe 2007], отражает динамический аспект проблемы, а также текущие возможности расширенного стилевого товарного потребления [Tumin 1973], связанные с накоплением и использованием предоставляемых товаров и услуг [Dahrendorf 1979] и особую комфортность жилищных условий [Popova, Pishniak 2016]. Возможности расширенного стилевого товарного потребления и комфортного проживания тесно переплетены с возможностями качественного досуга, так как он позволяет придерживаться определенного стиля жизни и поддерживать тем самым свой социальный статус [Scott 2007]. В то же время в современном обществе досуг рассматривается как один из важнейших компонентов формирования человеческого и социального капитала, а также ряда личностных особенностей людей, значимых для успешного выполнения ими своих производственных функций [Gershuny 2003; Vittersø 2011; Roy, Orazem 2021]. Усиление контроля за «типовой», «родовой» [Castells 2000] рабочей силой и нарастание конкуренции её представителей друг с другом приводят к тому, что досуг (и особенно полноценный отпуск) становится дефицитным благом. По этой причине хорошие возможности проведения досуга (и прежде всего оплачиваемого отпуска вне дома) стали в последнее время рассматриваться в качестве

бесспорного показателя качества жизни, значимых жизненных шансов человека в этой области и, следовательно, положительной привилегированности в ней [Stebbins 2017; Fana et al. 2020].

Негативная привилегированность в сфере потребления предполагает пищевые депривации [Давыдова 2003; Alkire, Seth 2013], суженный, по меркам большинства населения, стандарт потребления товаров длительного пользования, а также низкий стандарт жилищных условий в месте проживания [Тихонова 2011; 2014; Горшков, Тихонова 2014]. При этом возможно включение в операционализацию рассматриваемой сферы субъективных критериев, которые подчёркивают классовые различия [Lipps, Oesch 2018].

Представленный выше анализ литературы позволяет показать признаковое пространство жизненных шансов и рисков так, как это сделано в таблице 1.

Таблица 1

Домены и признаки, использованные для апостериорного моделирования социальной структуры

Показатели позитивной привилегированности (возможности)	Показатели негативной привилегированности (риски)
<i>1. Экономические условия жизни</i>	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Обладание любой иной жилой недвижимостью помимо основного жилья (возможно, при условии наличия автомобиля)	Наличие неэластичных текущих расходов помимо долговых обязательств
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них длительное время при утрате обычных источников дохода	Нестабильность доходов (сезонная, временная работа или разовые приработки при отсутствии постоянной занятости; задержки зарплаты; неоплачиваемые отпуска)
<i>2. Ситуация на работе</i>	
Отсутствие или минимизация эффекта отчуждения в труде по месту работы (автономия на рабочем месте: возможности принятия самостоятельных решений по ключевым аспектам своей деятельности; наличие ресурса влияния на работе)	Риски длительной безработицы
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства представителей данного социума, то есть интересной, престижной, дающей возможности самореализации и построения карьеры, и т. п.	Несоблюдение на работе базовых трудовых прав, предусмотренных законодательством
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (сопакет: жилье, транспорт, медицинская помощь, питание, ссуды и т. п.)	Неблагоприятные условия занятости (неоплачиваемые сверхурочные при условии перегрузок, задержки заработной платы, вынужденная работа на сокращённом рабочем дне или неделе и т. п.)
<i>3. Возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала</i>	
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	Недоступность необходимого образования (крайне низкая самооценка возможностей его получения; реальный уровень образования ниже полного общего среднего)
Возможность использовать относительно лучшие, чем гарантируется государством, формы заботы о здоровье	Риск значимого ухудшения здоровья из-за недоступности необходимой медицинской помощи
Наличие навыков существования в цифровой среде	Отсутствие доступа к ИКТ в повседневной жизни (нет средств доступа — компьютеров, смартфонов — и (или) навыков использования ИКТ)

Таблица 1. Окончание

Показатели позитивной привилегированности (возможности)	Показатели негативной привилегированности (риски)
<i>4. Потребление и досуг</i>	
Возможность расширенного стилевого товарного потребления (повышенное число товаров длительного пользования в домохозяйстве и присутствие в их наборе престижных и редких товаров, нехарактерных для большинства членов социума)	Суженный стандарт предметного потребления (отсутствие базового набора товаров длительного пользования в домохозяйстве)
Особая комфортность жилищных условий (сверхнормативная обеспеченность квадратурой и количеством комнат при наличии коммунальных удобств и с учётом состава домохозяйств)	Плохие жилищные условия
Хорошие возможности проведения досуга (отпуск хотя бы раз в год вне дома, приобретение путёвок, турпоездки и т. п.)	Наличие пищевых деприваций (крайне негативная характеристика своего питания, включение плохого питания в число основных проблем)

Данные и методы

Источником эмпирических данных выступили третья и восьмая волны Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН (далее — Мониторинг), проведённые осенью 2015 и 2018 гг. по репрезентативной общероссийской выборке. Каждая волна включала 4000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений. Эти две волны выбраны неслучайно. Данные 2015 г. захватывают пик изоляционного кризиса, в который Россия вошла после событий на Украине 2013–2014 гг. В то же время 2018 г. — это год относительного доковидного благополучия, пришедшегося на период восстановления после кризиса 2014–2015 гг. Несмотря на это, опубликованные работы свидетельствуют, что социальная структура российского общества не сильно изменилась за это время. Если это так, то наши построения в 2015 и 2017 гг. должны быть конгруэнтны.

В данной работе приводятся основные выводы статистической модели классов, построенной на базе изложенной выше и систематизированной в таблице 1 операционализации многомерной матрицы индикаторов, показывающих наличие и отсутствие у россиян возможностей и рисков в ключевых экономических и неэкономических доменах. Более подробная операционализация положительной и негативной привилегированности индикаторов жизненных шансов россиян и их расчёт на описанных данных представлены в приложении 1.

Как видно из таблицы 1 и приложения 1, пространство конституирующих признаков состояло из 24 индикаторов матрицы — по 12 индикаторов на положительную привилегированность (возможности) и 12 на негативную привилегированность (риски). Все индикаторы оценивались по бинарной системе, принимая значение 1, если соответствующий признак наблюдался у респондента, и 0 в случае его отсутствия. Итак, всего было 24 признака, принимающих значение 0 и значение 1.

Для поиска устойчивых констелляций между этими признаками (классовые ситуации), а также группировками, которые существуют вокруг этих констелляций (классы), были применены байесовские методы LCA (Bayesian latent class analysis — BLCА), специально адаптированные для работы с бинарными признаками (см.: [White, Murphy 2014]): в классических версиях LCA признаки должны измеряться не по бинарной, а по непрерывной шкале, что сильно ограничивает использование классических версий LCA в эмпирических исследованиях. Байесовские методы оценки относятся к апостериорным методам статистики, поскольку их использование не предполагает изначальных гипотез о форме распределения

параметров, которые нас интересуют (а этих параметров всего два: вероятность связи признака и класса (конstellация шансов и рисков) и классовая принадлежность индивида).

В группе методов VLCA можно выделить три основных метода: EM-алгоритм (Expectation—maximization-алгоритм; далее — EM) [Dempster, Laird, Rubin 1977]; метод Монте-Карло по схеме марковских цепей (Markov chain Monte Carlo; далее — MCMC), а именно по схеме Гиббса [Geman, Geman 1984]; метод вариативной байесовской аппроксимации (Variational Bayes approximation; далее — VB), являющейся аппроксимирующей комбинацией предыдущих двух методов. Мы использовали все три метода, хотя А. Уайт и Т. Мёрфи рекомендуют использовать метод MCMC как дающий наиболее валидные результаты [White, Murphy 2014].

Наше исследование в целом подтвердило этот тезис. Отметим, что метод VB выдает трудно интерпретируемые результаты классификации, а метод MCMC является, как уже было отмечено, наиболее предпочтительным по сравнению с EM-алгоритмом (ср. показатели качества моделей, оценённых методами EM и MCMC, в приложении 3). Поскольку метод MCMC является апостериорным, его реализация требует стартовых значений. Априорные значения задавались универсальным образом, длина марковской цепи составила 50 тыс. симуляций. В качестве оценки качества моделей использовались критерии BIC и AIC для EM-алгоритма, а также DIC для схемы Гиббса.

Результаты VLCA

Применение VLCA на матрице из 24 бинарных переменных, измеряющих возможности и депривации индивидов и их семей в ключевых для современного общества сферах, позволило получить модели с разным количеством группировок. Сравнение показателей качества моделей с разным числом групп приведено в приложениях 3, 4. Оптимальная модель состоит из пяти эмпирически выделенных групп россиян, объединённых общностью сочетаний (конstellацией) их жизненных шансов и рисков в 24-мерном пространстве.

Общность сочетаний жизненных шансов задаётся вероятностью связи 24 признаков с выделенными классами. В байесовском анализе эти оценки получаются из максимальных апостериорных вероятностей (*maximum a posteriori probability probabilities* — MAP). Значения MAP показывают силу связи между конституирующими признаками и классами и интерпретируются наподобие обычных коэффициентов корреляции (чем ближе к 1, тем выше вероятность, то есть сильнее связь). Стоит отметить, что использование метода MCMC даёт очень плотные оценки; так, стандартное отклонение для MAP-оценок не превышает 0,05. При этом проверка точности предсказаний с помощью методов машинного обучения (кросс-валидация) показала, что средняя величина корректной классификации построенных на основе метода MCMC классов в среднем очень высокая. Например, для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов, среднее значение ошибочных классификаций не превышает 3,8% (см. приложение 4). В приложении 5 указаны значения MAP-оценок для модели из пяти групп.

На основе анализа оценок MAP можно сделать три ключевых вывода. Во-первых, в оценках MAP нет принципиальных расхождений и они в высокой степени согласуются между собой по годам, что является несомненным аргументом в пользу используемой методики апостериорного анализа и выбранной модели эмпирических классов. Наблюдаются лишь локальные расхождения значений вероятностей в пределах 0,1–0,2, что определяется апостериорным характером MCMC оценок VLCA-моделей. Вероятно, эти расхождения были бы меньше при использовании более длинных рядов марковских цепей. Свой вклад в эти расхождения мог внести кризис, пик которого пришёлся как раз на 2015 г., в то время как к весне 2018 г. ситуация во многом была стабилизирована.

В-вторых, видно, что есть домены, более значимые и менее значимые с точки зрения их вклада в формирование социальной структуры. При этом значимые индикаторы позволяют хорошо «отловить» полярные группы общества. Так, наиболее значимые признаки, — с точки зрения их вклада в формирование полярных групп социальной структуры современной России, — представлены списком, приведённым ниже.

Возможности:

- отсутствие или минимизация эффекта отчуждения в труде по месту работы (МАР-оценка 0,874);
- наличие навыков существования в цифровой среде (0,814);
- наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (0,658);
- возможность расширенного стилевого товарного потребления (0,685);
- особая комфортность жилищных условий (более 0,485).

Риски:

- несоблюдение законодательства на работе (0,820);
- отсутствие доступа к информационным технологиям в повседневной жизни (0,789);
- проблемы доступа к необходимому образованию (0,569).

Вопреки нашим ожиданиям, продиктованным результатами проводимых в России стратификационных исследований 1990–2000-х гг., а также ряда классических зарубежных исследований, вклад сферы экономических условий жизни в вероятность классовой принадлежности оказался намного менее выраженным, чем у производственной сферы, сферы человеческого потенциала, а также потребления и досуга. Таким образом, при учёте сочетаний признаков наличия позитивной и негативной привилегированности, а не только их общего числа, невозможным оказывается игнорировать тот факт, что в современной России существуют целые социальные анклавов, чьё положение всецело определяется их местом в неэкономических неравенствах. Что же касается экономически активного населения, то положение его представителей в полученной модели социальной структуры определяется, как видно, во многом именно отношениями занятости и спецификой места на рынке труда. Это соответствует рассмотренным выше классовым теориям, разработанным для индустриально развитых обществ.

В-третьих, данные распределения оценок МАР позволяют с уверенностью утверждать, что ряд зарубежных концептов классового анализа применительно к российскому обществу действительно слабо релевантен. Это касается прежде всего концепции Дж. Голдторпа о важной роли дополнительных социальных благ по месту занятости, которые рассматривались им как значимый индикатор особых отношений занятости, возникающих как следствие востребованности работника на рынке труда. Подтверждается аргументация критических оценок концепции Дж. Голдторпа, которую приводит Н. Е. Тихонова в своей монографии [Тихонова 2014]. Помимо этого показателя, ещё три показателя из 24 также оказались нерелевантными для пятиклассовой модели социальной структуры в силу их крайне слабой корреляции с выделенными классами (слишком малое значение МАР):

- наличие значительных неэластичных текущих расходов;
- невозможность использовать необходимые формы заботы о здоровье;
- хорошие возможности проведения отпуска.

Эти возможности и риски не играют стратифицирующей роли, поскольку встречаются у россиян, видимо, вне зависимости от их места в социальной иерархии.

Эмпирические классы в России: 2015–2018 гг.

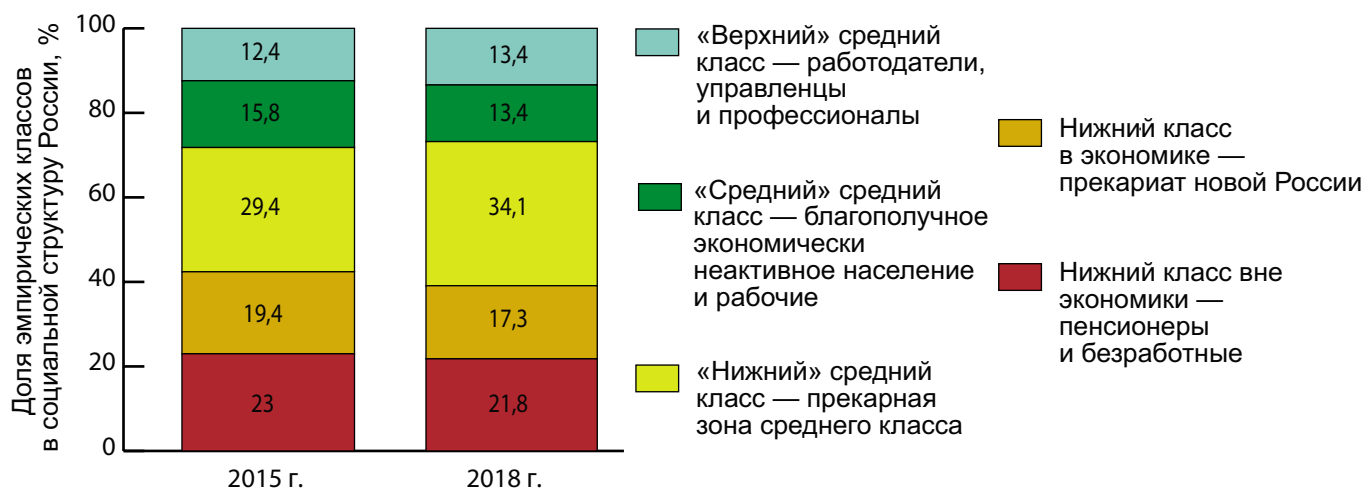
Представленные выше результаты VLCA позволяют утверждать, что российское общество характеризуется, скорее, вертикальным срезом социальной дифференциации, чем горизонтальным (см. рис. 3). При этом положение внизу социальной иерархии обуславливается в основном наличием нетипичных для среднего россиянина рисков, а не просто отсутствием дополнительных по отношению к имеющемуся у него набору возможностей. В российском обществе легко просматриваются полярные зоны пяти выделенных социальных групп — два нижних класса, охватывающих в общей сложности 42,2% населения в 2015 г. и 39,1% в 2018 г., и один верхний массовый класс.

Ключевым для апостериорного подхода к выделению групп является понимание, что за группы мы получили и как их назвать⁵. Один из нижних классов является группой, представители которой практически полностью не работают, что позволяет условно назвать его в соответствии с веберовской терминологией «непривилегированным (нижним) классом вне экономики» (далее — НКВН). Его численность составляла 23% в 2015 г. и 21,8% в 2018 г. Другой — нижний — класс, в массе своей вовлечённый в производственные и трудовые отношения (см. таблицы 3 и 4 приложения 4 и табл. 2), что позволяет для краткости условно⁶ назвать его «непривилегированный экономический (нижний) класс», или «нижний класс в экономике» (далее — НКЭ). Он насчитывал 19,4% населения в 2015 г. и 17,3% в 2018 г. Это говорит о его небольшом сокращении после выхода страны из экономического кризиса 2014–2016 гг. и связанного с этим улучшения положения некоторой части работающего населения. В то же время верхний массовый класс, который на самом деле является привилегированным «верхним» средним классом⁷, включает 13,4% населения, занимающего наиболее привилегированное положение в массовых слоях российского общества.

⁵ Обычно названия группам присваиваются, когда исследователь уже провёл анализ сочетаний на внутреннюю гомогенность. Предлагаемые ниже названия были сформулированы на базе такого анализа и в соответствии с веберовской теорией, которая была положена в основу конструирования этих групп, а также в результате неоднократной апробации полученных результатов классификации на выступлениях перед разной аудиторией. Мы приводим эти названия перед дескриптивным анализом, чтобы было проще интерпретировать данные. Это стандартная практика представления результатов LCA [Savage et al. 2013].

⁶ Мы подчёркиваем условность этого названия, так как в те или иные формы экономических отношений вовлечены, разумеется, и представители класса, который мы условно назвали нижним классом вне экономики. Тем не менее для краткости использован именно термин «экономика», хотя на самом деле речь при характеристике различий этих классов идёт только хотя бы о частичной вовлечённости их в производственно-трудовые отношения или же о полном отсутствии занятости.

⁷ Отсутствие высшего класса в данной классификации объясняется тем, что высший класс не попадает в выборки массовых опросов.

Источник: Адаптировано по: [Аникин 2020].

Рис. 3. Динамика социальной структуры в России. 2015–2018 гг.

Данные VLCA для варианта социальной структуры, состоящей из пяти эмпирических классов, %

Численная оценка средних классов составляла на 2018 г. 47,5% представителей массовых слоёв населения страны, если считать как «средний» средний, так и «нижний» средний класс в совокупности. Оба составляющих совокупный средний класс эмпирических класса очень гетерогенны по своему составу, что вполне естественно для средних классов современных обществ. Однако, несмотря на то что россияне из этих слоёв очень разные, применение байесовских методов статистической классификации позволяет объединить их, как уже отмечалось выше, в две довольно однородные по их возможностям в разных областях жизни группы — «средний» средний и «нижний» средний классы. «Нижний» средний класс характеризуется более противоречивым положением. Источник этих противоречий укоренён в производственных отношениях (см. ниже). Численность «нижнего» среднего класса в 2015–2018 гг. увеличилась с 29,4 до 34,1%. Другая группа — это «средний» средний класс; его численность, напротив, практически не изменилась (15,8% в 2015 г. и 13,4% в 2018 г.).

Учитывая, что применительно к «нижнему» среднему классу речь идёт в основном о работающем населении (92,2% в нём в 2018 г. на момент опроса работали), и в контексте сокращения нижнего среднего класса в экономике понятно, что два эти класса выступили своего рода «сообщающимися сосудами». Рост одного произошёл за счёт сокращения другого благодаря постепенной стабилизации ситуации в экономике. При этом численность верхнего среднего, «среднего» среднего и нижнего (вне экономики) классов не изменилась. Это позволяет говорить об очень высокой устойчивости сложившейся модели стратификации массовых слоёв российского общества, построенной на основе констелляции признаков позитивной и негативной привилегированности, а также о том, что изменения в экономической ситуации в стране сказывались в доковидные годы лишь на численности структурных позиций, относящихся к границе нижнего и нижнего среднего классов. Отметим, что вывод о наибольшей чувствительности именно этой границы к фазам экономического цикла был получен и при анализе динамики модели доходной стратификации российского общества [Тихонова 2018а].

В таблице 2 показаны изменения в структуре занятости рассматриваемых классов за 2015–2018 гг. Видно, что экономически неактивное население страны попадает либо в «средний» средний, либо в нижний (вне экономики) класс. При этом за рассматриваемые три года наибольшие изменения коснулись «среднего» среднего класса: он стал более однородным по своему составу; в нём с четверти до почти половины увеличилась относительная доля работающих россиян — в основном за счёт незначительного сокращения доли неработающих пенсионеров и более существенного сокращения

доли студентов и неработающих трудоспособных в составе класса. Однако, несмотря на процессы внутренней трансформации в пользу наращивания работающей части населения, «средний» средний класс остаётся «якорным» социальным классом для студентов. Что же касается пенсионеров, то, хотя их представительство в этом классе довольно велико (свыше четверти всей его численности), всё же большая часть неработающих пенсионеров не попадает в этот класс.

Таблица 2

Динамика структуры занятости представителей пяти эмпирических классов в России: 2015 и 2018 гг., %

Категории населения	Классы				
	Нижний класс вне экономики	Нижний класс в экономике	«Нижний» средний класс	«Средний» средний класс	«Верхний» средний класс
<i>2015 г.</i>					
Работающие	20,5	95,0	98,8	24,5	99,6
Неработающие пенсионеры	57	1,5	0,7	28,2	0
Студенты	2,8	0,5	0,1	36,9	0,4
Безработные	19,2	3	0,1	8,8	0
Находящиеся в декретном отпуске	0,5	0	0,3	1,6	0
<i>2018 г.</i>					
Работающие	26,6	93,7	91,7	46,9	96,1
Неработающие пенсионеры	59,4	1,3	2,8	22,3	1,1
Студенты	3,7	1	3,8	27,6	2,1
Безработные	8,7	3,6	1,2	3,2	0,7
Находящиеся в декретном отпуске	1,6	0,4	0,5	0	0

«Якорным» классом для пенсионеров является сейчас в России нижний класс вне экономики. Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что именно пенсионеры устойчиво составляют в этом классе большинство (три пятых по состоянию на 2018 г.). А это значит, что он единственный из выделенных эмпирических классов, который заведомо не может рассматриваться как класс при традиционном классовом анализе. Специфика его места в системе неравенств жизненных шансов и рисков основана на неравенствах неклассового типа и связана как с возрастными особенностями, так и со спецификой социальной политики в России. Также стоит отметить, что если в 2015 г. трудоспособные неработающие россияне концентрировались в основном в этом классе, то в 2018 г. их доля в его составе сократилась более чем в два раза. Это говорит о том, что у безработных, в отличие от неработающих пенсионеров, гораздо больше инструментов для влияния на свою классовую принадлежность, и возможности эти во многом зависят от общей ситуации в стране и доступности инфраструктуры. Вместе с тем тот факт, что неработающие пенсионеры массово оказываются на «дне» общества и характеризуются многомерностью своих деприваций и рисков, ставит вопрос о необходимости пересмотра существующих подходов в социальной политике.

Три других класса представлены в основном работающими россиянами, чьи особенности классового положения определяются востребованностью на рынке труда, сложностью выполняемой работы, а также содержанием и характером их труда. Таблица 3 даёт очень выпуклую картину специфики содержания и характера труда работающих представителей разных классов в сравнении со средними показателями по России. Связь классовой принадлежности и профессиональной деятельности носит практически линейный характер. Другими словами, классификация работающего населения страны

опосредуется отношениями занятости и спецификой положения представителей разных классов на рынке труда, что соответствует классическому представлению о классах, заложенному в классовом анализе индустриально развитых обществ (например, в EGP-схеме, или схеме Э. Райта).

Таблица 3

Профессиональная и доходная дифференциация пяти эмпирических классов в России: 2018 г., %

Категории населения	Классы				
	Нижний класс вне экономики	Нижний класс в экономике	«Нижний» средний класс	«Средний» средний класс	«Верхний» средний класс
<i>Профессиональная структура</i>					
Предприниматели с наёмным трудом, управленцы всех уровней, самозанятые	2,1	6	13,4	5,3	29,8
Специалисты	10	6,3	31,3	15,4	41,7
Служащие, занятые рутинным трудом	15,1	9,9	17,2	11,3	11,8
Рядовые работники сферы торговли и бытового обслуживания	8,7	22,5	12,8	10,9	6
Рабочие	64,1	55,3	25,3	57,1	10,7
<i>Доходные группы</i>					
Низкодоходные (до 0,75 Ме*)	35,1	45,9	27	14	11,2
Медианная группа (0,75–1,25 Ме)	46,6	30,8	34,2	36,2	23,7
Среднедоходные (1,25–2 Ме)	17,1	20	30,7	37	40
Высокодоходные (свыше 2 Ме)	1,2	3,3	8,1	12,8	25,1

* Ме — доходная медиана, рассчитанная по типам поселений.

Почему мы назвали полученные группировки классами? Необходимым условием для того, чтобы называть выделенные группы занятого населения классами в социологическом, а не техническом смысле слова, является дифференцированное участие этих групп в экономической жизни. Другими словами, предполагается, что разбивка экономически активного населения по классам должна отражать их разные позиции в производственных отношениях. Для проверки этого необходимо провести анализ связи классовой принадлежности с характером занятости и экономическим положением индивидов (см. данные таблиц 2, 3)⁸. Достаточным условием выступает связь выделенных классов с поведением в политической сфере [Pakulski, Waters 1996] (данные таблиц 2–4 свидетельствуют о наличии таких связей).

⁸ В качестве индикатора экономического положения используется позиция респондента в доходной стратификации. Разумеется, анализ классовых эффектов не исчерпывается оценкой экономического положения классов, тем более в такой его интерпретации. С методологической точки зрения классовые эффекты должны быть отличны от индивидуальных эффектов и структурных составляющих самих классов [Grusky, Weeden 2008], однако раскрытие данной задачи в полной мере требует отдельной работы.

Таблица 4

Поведение пяти эмпирических классов в политической сфере в России: 2015 и 2018 гг., %

Формы политического участия	Классы				
	Нижний класс вне экономики	Нижний класс в экономике	«Нижний» средний класс	«Средний» средний класс	«Верхний» средний класс
<i>2015 г.: поддержка президента</i>					
Полностью поддерживали	59,6	46,6	59,0	65,2	64,5
Частично поддерживали	30,4	38,3	33,9	29,8	30,9
Не поддерживали	10,0	15,1	7,1	5,0	4,5
<i>2018 г.: выборы президента</i>					
Голосовали за действующего президента	61,0	44,3	58,5	56,4	70,5
Голосовали за альтернативного кандидата	22,6	25,0	17,1	20,7	11,6
Не принимали участия в выборах либо испортили бюллетень	16,4	30,7	24,4	22,9	17,9

Рассмотрим теперь более подробно, что представляют собой выделенные классы с точки зрения этих связей.

Непривилегированный (нижний) класс вне экономики

Ключевые риски этого класса связаны с отсутствием доступа к информационным технологиям в повседневной жизни, а также недоступностью необходимого образования и медицинской помощи (см. таблицы 5 и 6 приложения 4). Нижний класс вне экономики представлен при этом в основном малообеспеченными россиянами. Кроме того, эти россияне испытывают определённые трудности с поддержанием потребления на уровне, который считается большинством населения приемлемым. Всё это оправдывает характеристику данного класса как «нижнего».

В данном классе концентрируются в основном те граждане нашей страны, дальнейшая судьба которых будет зависеть исключительно от внешних факторов и практически не связана с индивидуальными усилиями. Единственная возможность помочь этим людям состоит в опережающем создании программ по их интеграции и реинтеграции в социум и в расширении спектра возможностей неэкономического характера. Ключевыми являются возможности расширения доступа к информационным технологиям и образованию.

С точки зрения политического поведения этот класс не выделялся на фоне остальных поддержкой действующего президента в 2015 г., однако характеризовался самой низкой долей политического абсентеизма во время президентских выборов 2018 г. По сути, это один из самых политически ответственных классов в современной России с точки зрения участия в выборах и голосования за альтернативных кандидатов.

Непривилегированный (нижний) экономический класс

Ключевые риски непривилегированного экономического класса связаны с несоблюдением законодательства на работе, а также с отсутствием доступа к необходимому образованию и информационным технологиям в повседневной жизни (см. таблицы 3, 4, П4.6, П4.7). В нижнем экономическом классе преобладают рабочие (преимущественно средне- и низкоквалифицированные), работники сферы бы-

тового обслуживания и торговли; практически отсутствуют предприниматели и специалисты. Другими словами, работающие из низшего класса в экономике представлены в основном слабозащищённым, легкозаменяемым, низкооплачиваемым рутинным трудом. Учитывая особенность рисков в производственной сфере, всех представителей нижнего класса можно назвать прекариатом новой России, в состав которого попадает, таким образом, как минимум каждый шестой россиянин.

Стоит отметить, что Ж. Т. Тощенко оценивает численность прекариата на уровне 30–50% трудового населения [Тощенко 2018], в то время как Н. Е. Тихонова и А. В. Каравай говорят о формировании предпосылок для попадания в него примерно у половины населения России, не давая при этом точных оценок его численности [Тихонова, Каравай 2017]. Расхождение в оценках может быть вызвано «неоднозначностью оснований выделения <...> прекариата и неопределённостью его границ», что, помимо прочего, ещё и «затрудняет точное позиционирование <...> места в социальной структуре» [Тихонова 2019: 169]. Выделенный на методологии VLCA экономический нижний класс больше соответствует описанию класса, «представители которого не имеют не только устойчивой занятости, но и гарантий социальной защищённости даже в периоды, когда они входят в число занятых» [Тихонова 2019: 170]. В полной мере это относится и к работающим представителям нижнего класса вне экономики.

Непривилегированный экономический класс в массе своей представлен бедными россиянами, доходы которых составляют менее 75% медианных доходов для их типов поселений (доля низкодоходных групп в их составе составляет 45,9%). Большая часть этих россиян — выходцы из малых городов и сёл, где медианы и так занижены относительно общероссийского уровня. По этой причине объективный уровень жизни входящих в состав нижний класс в экономике россиян является реальным «дном» российского общества из-за прекарного характера их труда; этот уровень даже ниже, чем у нижнего класса вне экономики, который представлен в основном неработающими пенсионерами.

Таким образом, в новой России прекарный труд и сопутствующие лишения в экономических и неэкономических сферах куда хуже по последствиям для благосостояния населения, чем выход на пенсию. В то же время очевидно, что одного факта массового попадания пенсионеров в нижнюю часть социальной иерархии уже достаточно, чтобы поставить вопрос о легитимности сложившегося в России социального неравенства. Не случайно запрос на социальную справедливость уже много лет является лидирующим и самым острым среди прочих запросов на перемены в российском обществе [Горшков, Петухов 2018].

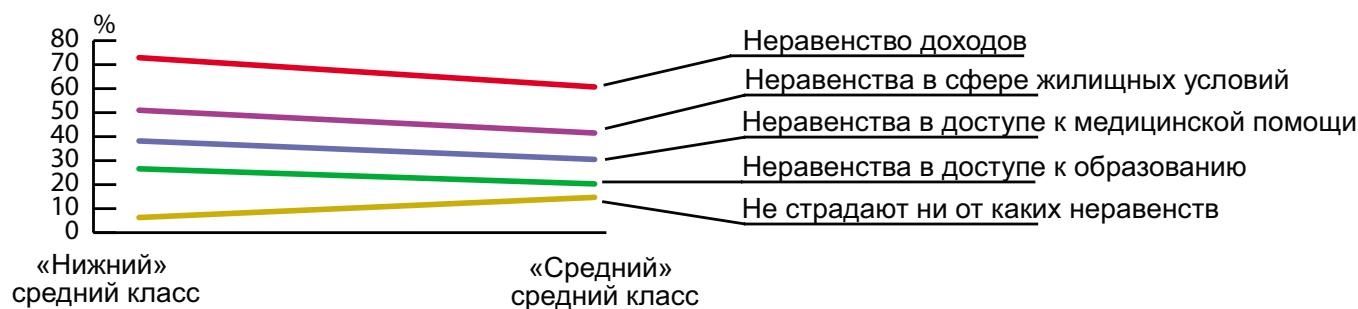
Политическое поведение непривилегированного (нижнего) экономического класса в 2015 г. отличалось существенно более низким уровнем поддержки В. Путина на посту президента РФ (46,6% на фоне 62,1% в среднем по другим классам), а в 2018 г. характеризовалось самым низким уровнем голосования за действующего президента (44,3%) на фоне самого высокого уровня голосования за альтернативных кандидатов (25,0 при 18,0% в среднем по другим классам) и политического абсентеизма (30,7 при 20,4% в других классах). Эти данные говорят о том, что, вопреки расхожему мнению, именно нижний экономический класс, а не средние и верхний классы накануне коронакризиса и текущего кризиса был социальной базой политического протеста, пусть и выраженного в специфической форме (см. подробнее ниже). Локализация протестного потенциала в нижнем экономическом классе связана с фундаментально неблагополучным положением этой группы по сравнению с другими классами, с одной стороны, и с признанием ими неспособности изменить принципиальный ход вещей своими силами в рамках сложившегося политического порядка, с другой. Ложность мнения о том, что в новой России низы общества оказываются наиболее лояльными власти, а авангардом протеста выступает средний класс, может зиждется на том, что голоса представителей нижнего экономического класса пока не были слышны в уличном протестном движении в силу, видимо, ещё невысокой степени радикализации их представителей.

Средние классы

МАР-оценки средних классов не сильно выражены, что, вероятно, объясняется их срединным положением, отражающим наиболее типичную ситуацию — социетальную норму — по ряду параметров. Из двух групп нижний средний класс является отражением социальной нормы работающего населения с точки зрения профессиональной композиции его представителей. Это население, занятое преимущественно рутинным и полурутинным трудом нефизического характера (управленцы средней руки, рядовые специалисты, административный персонал, а также рядовые работники сферы торговли и бытового обслуживания). Иными словами, в нижней части среднего класса фактически воспроизводятся общероссийские доли различных профессиональных групп, но за исключением лиц, занятых низкоквалифицированным физическим трудом (всего 13,7 против общероссийских 20,2%). При этом лица, занятые физическим трудом (особенно средне- и низкоквалифицированным), в основном попадают в современной России в нижний класс. Так, работающие россияне из этого класса на 64,1% представлены рабочими, занятыми физическим трудом (притом что в России их не более 35,2%), и ещё на 15,1% — служащими, занятыми рутинным нефизическим трудом, на 8,7% — рядовыми работниками сферы торговли и бытового обслуживания. Стоит отметить, что обе последние профессиональные категории являются самыми низкооплачиваемыми в современном российском обществе [Аникин 2018а].

На данных таблицы 3 хорошо видно, что нижний средний класс является отражением общероссийской картины не только по структуре профессиональной занятости его членов, но и по сложившемуся в массовых слоях российского общества соотношению различных доходных групп. Среди них доминируют средне- и малообеспеченные россияне. Однако эта часть среднего класса характеризуется более высокими рисками прекарности, чем население страны в целом, несмотря на преобладание нефизического характера труда их работающих представителей. Напротив, в силу рутинного и полурутинного характера труда члены нижнего среднего класса испытывают риски несоблюдения законодательства на работе (см. таблицы 3–4 приложения 4), вынуждены мириться с неблагоприятными условиями занятости и низкими зарплатами. Например, доля низкодоходной (менее 0,75 Ме) и медианной групп (0,75–1,25 Ме) в составе нижнего среднего класса — 61,2% (по России в среднем — 63,5%), в то время как доля этих доходных групп в составе «среднего» среднего класса не превышает 50,2%.

Ключевым является то, что россияне из нижнего среднего класса занимают менее качественные рабочие места, чем представители «среднего» среднего класса, даже несмотря на то, что работающие представители этого класса относятся в основном к рабочим. Так, 39,3% членов нижнего среднего класса (при 33,6% в среднем по России) называют неравенство в доступе к хорошим рабочим местам в числе наиболее болезненных категорий для них лично (см. рис. 4). Представители нижнего среднего класса, по их собственному признанию, испытывают серьёзные проблемы с накоплением человеческого капитала, в частности — в доступе к образованию (26,6 по сравнению с 22,5% в среднем по России). Они также страдают от того, что не имеют возможности качественно отдохнуть и провести досуг так, как им хочется (31,3 против 22% среди «среднего» среднего класса). Всё это сближает нижний средний класс с нижним классом в целом.

Источник: Адаптировано по: [Аникин 2019].

Примечание: Представлены ответы на вопрос: «Как Вам кажется, какие социальные неравенства в современной России являются самыми болезненными для населения в целом, а от каких сильнее всего страдаете лично Вы: самые болезненные лично для Вас?».

Рис. 4. Болезненные неравенства для «среднего» среднего и «нижнего» среднего классов, 2018 г., %

В отличие от нижнего среднего класса, представители «среднего» среднего класса — это преимущественно служащие среднего уровня квалификации, рабочие и студенты. Они являются членами более благополучных в экономическом отношении домохозяйств. Как следствие, представители нижнего среднего класса гораздо острее, чем представители «среднего» среднего класса, страдают от неравенств доходов (см. рис. 4), относя их к самым болезненным для них лично (72,9 против 60,7% соответственно). Та же зависимость наблюдается и по отношению к значимым немонетарным неравенствам — в сфере жилищных условий, в возможностях для детей из разных слоёв общества, в обладании собственностью, а также в доступе к культурным и художественным ценностям (театры, музеи, выставки). К примеру, 38,2 в нижнем среднем классе против 30,5% в «среднем» среднем классе отметили, что сильнее всего страдают от социальных неравенств в сфере жилищных условий. При этом «средний» средний класс является группой, для которой в наименьшей степени характерно испытывать на себе негативные действия неравенств в доступе к медицинской помощи (41,5 в сравнении с 51,1% по стране в целом). Более того, в «среднем» среднем классе статистически значимо выше доля тех, кто отмечает, что не страдает ни от каких неравенств (14,7 против 9,3 в среднем по стране и 6,3% в нижнем среднем классе).

Политическое поведение средних классов отражало норму политического поведения, типичного для российского общества 2015–2018 гг. В частности, средние классы отличало заметно более высокие уровни поддержки В. Путина до и во время выборов 2018 г. Примечательно, что именно в «нижнем» среднем классе уровень отсутствия поддержки действующего президента снижается в два раза по сравнению с нижним экономическим классом (7,1 и 15,1% соответственно). Указанные особенности политического поведения средних классов можно связать с преобладанием возможностей над рисками у их представителей, что, вероятно, в сознании средних классов связывается с заслугами действующей власти.

Привилегированный «верхний» средний класс

Высококвалифицированной рабочей силой, обладающей широкими возможностями не только в экономических, но во внеэкономических сферах, представлен привилегированный «верхний» средний класс, у которого практически не выражены риски, что сильно отличает данную группу от других. Ключевые возможности этого класса касаются прежде всего отсутствия или минимизации эффекта отчуждения в труде по месту работы, наличия навыков существования в цифровой среде, наличия работы, являющейся объектом желаний большинства россиян, возможностей расширенного стилевого товарного потребления и особой комфортности жилищных условий (см. приложение 4).

«Верхний» средний класс оказывается своего рода классом-антиподом для нижнего класса в экономике. Он включает лишь 3,7% средне- и низкоквалифицированных рабочих (на 2018 г.). Это в 12 раз

меньше, чем их доля в нижнем классе в экономике, и в семь раз меньше, чем в среднем по стране. Доля рабочих высокой квалификации превышает долю низкоквалифицированных рабочих в верхнем среднем классе более чем в два раза, составляя 7%, что нехарактерно ни для одного другого класса и общероссийской картины: в среднем по России доля средне- и низкоквалифицированных рабочих относится к доле рабочих высокой квалификации как 4 : 3. Общая доля лиц физического труда в составе верхнего среднего класса не превышает 10%. Попадание «рабочей аристократии» в состав верхнего среднего класса не противоречит теории, и этот феномен давно описан в классической литературе по индустриально развитому обществу [Zweig 1961].

В данном классе доля россиян, чьё материальное положение за предшествующие три года улучшилось, составляла, согласно их собственным оценкам в 2018 г., 37,3% (в среднем по России таких было всего 14,1%), в то время как доля тех, у кого, по их собственному признанию, оно ухудшилось за самый последний год, не превышала 11% (в среднем по России их было 35,8%). Так, 65,1% состава верхнего среднего класса — это россияне, чьи среднемесячные доходы составляют 125% и выше среднемесячных медианных доходов в тех типах поселений, в которых они проживают. При этом у четверти доходы превышают даже две медианы. Для сравнения: в среднем по стране россиян с доходами более 1,25 медианы их типов поселений всего 36,5%. При этом низкодоходных россиян в этом классе всего лишь 11,2%; обычно это низкооплачиваемые работники в «глубинке» из сферы образования, науки и культуры.

Тем не менее стоит отметить, что данная группа всё же испытывает риски, хотя и не сильно выраженные. При несомненных свидетельствах благополучия представителей группы наличие рисков свидетельствует о противоречивом положении членов верхнего среднего класса. Любопытно, что это в целом согласуется с теорией аналитического марксизма, согласно которой средний класс (даже его верхние слои) не может полностью избавиться от отношений эксплуатации и принуждения на рабочем месте [Wright 1989]. По нашим данным, в 2018 г. 6,6% представителей верхнего среднего класса на работе сталкиваются с нарушениями их базовых трудовых прав, 25,5% — с неблагоприятными условиями занятости, 7,5% характеризуются высокими рисками безработицы и т. д.

Широкий спектр возможностей привилегированного среднего класса в экономических и неэкономических сферах ярко отражается в их политическом поведении. Это самый политически лояльный класс в новой России. Уровень абсолютной поддержки В. Путина накануне 2018 г. составлял 64,5% (по сравнению с 57,6% по другим классам). На выборах 2018 г. за действующего президента РФ проголосовали 70,5% представителей этого класса (на фоне 55,1% в других классах). В этом классе самый низкий уровень протестного голосования и один из самых низких уровней политического абсентеизма по сравнению с другими классами. Получается, именно верхи, а не низы общества являются социальным базисом действующей власти.

Выводы

Итак, применение апостериорного подхода к анализу социального неравенства по осям позитивной и негативной привилегированности позволяет охарактеризовать Россию как общество полярных классов с гетерогенной «серой» серединой. При этом «центр тяжести» социальной структуры российского общества смещён вниз гораздо сильнее, чем считалось ранее, или как можно было бы заключить по итогам построения одномерных моделей стратификации [Тихонова 2018а]. Переход к немонетарной многомерной стратификации показывает, что из пяти классов два являются подклассами единого нижнего класса, затянувшего в свою орбиту почти две пятых (39,1%) населения России даже в относительно благополучном 2018 г.

Особенность сложившегося в современной России социального неравенства состоит в том, что один из нижних классов имеет ярко выраженную неэкономическую природу, так как включает пенсионеров,

безработных и неквалифицированных рабочих. Однако в новой России прекарный труд и сопутствующие лишения в экономических и неэкономических сферах куда хуже по последствиям для благосостояния населения, чем выход на пенсию. Так, экономическое «дно» российского общества формирует низший экономический класс, который представлен в основном слаботзащищённым, легкозаменяемым, низкооплачиваемым рутинным трудом. Это прекариат новой России, в орбиту которого попадает как минимум каждый шестой россиянин. Безысходность положения сказывается на политическом поведении этого класса. Нижний экономический класс демонстрирует наивысшую степень протестного голосования и политического абсентеизма, что идёт вразрез со сложившимися стереотипами о закономерностях политического поведения граждан в новой России, согласно которым социальной опорой действующей власти являются низкоквалифицированные и малообразованные работники. Благодаря нашему исследованию удалось показать, что ситуация ровно противоположная.

Наверху выявленной классовой иерархии массового российского общества находится группа, которая была условно названа нами верхним средним классом. Основа этого класса — мелкие и средние предприниматели, управленцы (менеджеры) и специалисты, обладающие качественным человеческим капиталом. В массе своей это средне- и высокодоходные россияне, зарабатывающие собственными прикладными компетенциями (высококвалифицированные рабочие) и интеллектом (профессионалы). Несмотря на видимое благополучие и стабильность численности этого класса, многие из тех его представителей, которые работают по найму, сталкиваются с рядом рисков на своих рабочих местах. Распространение этих рисков среди верхнего среднего класса может привести к падению интереса передовой части российского общества к человеческому капиталу, что в итоге способно отрицательно сказаться на перспективах экономического роста. Тем не менее эти риски не являются блокирующими при формировании коллективного действия данного класса в политической сфере. До текущих кризисных событий этот класс оставался самым политически лояльным, являясь настоящим социальным оплотом действующей власти.

Сущностные различия между средними слоями определяются тем, что перевешивает — жизненные возможности или риски. Нижний средний класс, практически полностью состоящий из работающего населения, представлен в основном работниками, занятыми рутинным низкооплачиваемым трудом, которые страдают от неблагоприятных условий занятости и нарушений их трудовых прав. Нижний средний класс — это наиболее эксплуатируемая часть срединных слоёв, особенно близкая к нижнему классу в целом, поэтому в наибольшей степени подверженная рискам прекарности. Проблема состоит в том, что нижний средний класс значительно увеличился за последние три года — с 29,4 до 34,1%. И хотя этот рост произошёл за счёт сокращения численности нижнего класса в экономике, что, безусловно, можно оценить положительно, неизменность на этом фоне численности верхнего среднего и «среднего» среднего классов даже после выхода из кризиса говорит о том, что экономическая ситуация влияет в современной России лишь на численность слоёв населения, находящегося в «плохом» и «очень плохом» положении. С учётом же особенностей характера занятости представителей нижнего среднего класса и того, какие последствия влекут эти особенности в современном мире на длительном временном промежутке [Castells 2000; Beck 2009], можно утверждать, что линия будущего разлома («поляризация») среднего класса оставит внизу почти две трети нынешних средних слоёв.

В отношении группировки занятого населения даже поверхностное их описание, представленное в данной работе, указывает на релевантность подхода «больших классов» применительно к современной России. В пользу этого говорят связь классов с профессиональными статусами и их почти линейная связь с доходной стратификацией. Особое значение для анализа социальной структуры современного российского общества имеют неэкономические признаки стратификации, которые ещё в 1990-х гг. сторонники многомерного подхода к стратификации не включали в орбиту своих классификаций. Данный результат открывает путь к дальнейшим исследованиям полученной в результате применения апостериорного подхода к анализу социальной структуры, в том числе на предмет силы и направленности классовых эффектов.

Приложение 1

В данном приложении представлены операционализация и расчёт показателей возможностей и рисков россиян на данных опросов ФНИСЦ РАН 2015 и 2018 гг.

Таблица III.1

Показатели положительной и негативной привилегированности и соответствующие им вопросы

Показатели	Вопросы	Варианты ответов	2015 г., %	2018 г., %
1. Экономические условия жизни, положительная привилегированность				
<i>Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья помимо того, в котором проживает респондент</i>	Что из перечисленного ниже находится в собственности Вашей семьи?	— Второе жилье (квартира, зимний дом, апартаменты, таунхаус и т. п.) ...*	4,3	4,1
<i>Обладание любой иной жилой недвижимостью помимо основного жилья при условии наличия автомобиля</i>	Что из перечисленного ниже находится в собственности Вашей семьи? ВОПРОС-ФИЛЬТР: Имеет ли Ваша семья (то есть все проживающие совместно с Вами родственники) следующие предметы, и, если имеет, сколько им примерно лет?	— Дача, садово-огородный участок с домом ... — Отечественный автомобиль и иномарка любого возраста ...	19,1	18,3
<i>Наличие значимых форм инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них длительное время при утрате обычных источников дохода</i>	Если говорить о Вашей финансовой ситуации, то что из перечисленного ниже Вы (Ваша семья) имеете?	— Сбережения (достаточные, чтобы Вы и Ваша семья могли прожить на них не менее года)...	8,3	7,5
1. Экономические условия жизни, негативная привилегированность				
<i>Наличие множественных или крупных долговых обязательств, включая, например, наличие ипотеки, а также высокая долговая нагрузка по отношению к уровню доходов</i>	Если говорить о Вашей финансовой ситуации, то что из перечисленного ниже Вы (Ваша семья) имеете? <i>(УЧИТЫВАЮТСЯ ЛЮБЫЕ ДВА И БОЛЕЕ ВИДОВ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ)</i>	— Не выплаченные полностью кредиты в банках — Не выплаченные полностью кредиты у себя на работе — Крупные долги частным лицам — Накопившиеся мелкие долги — Долги по квартплате более чем за два месяца	10,8	10,7
<i>Наличие значительных неэластичных текущих расходов по аренде жилья, а также по обеспечению инвалидов или лиц с плохим здоровьем медпомощью, лекарствами и т. п.</i>	ВОПРОСЫ ПРО СЪЕМНОЕ ЖИЛЬЕ ОТСУТСТВУЮТ В ДАННОМ ОПРОСЕ Есть ли в настоящее время среди членов Вашей семьи, проживающих вместе с Вами: <i>(СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ)</i>	— Инвалиды 1-й и 2-й групп <i>(укажите сколько)</i> . <u>В среднем 1,1 человека</u> — Хронически больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся пенсионерами или инвалидами 1-й и 2-й групп <i>(укажите, сколько)</i> . <u>В среднем 1,0 человека</u>	6,6	5,7

Таблица III.1. Продолжение

Показатели	Вопросы	Варианты ответов	2015 г., %	2018 г., %
<i>Нестабильность доходов: сезонная, временная работа или разовые приработки при отсутствии постоянной занятости;</i>	Что является для Вас основными источниками дохода? <i>(СТРОГО ПРИ ОТСУТСТВИИ ПОСТОЯННОЙ ЗАНЯТОСТИ. ПРИ ЭТОМ ДОПУСКАЛОСЬ, ЧТО РЕСПОНДЕНТ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ РАБОТАЕТ)</i>	— Разовые приработки, заработки от случая к случаю ...	9,7	6,7
<i>задержки зарплаты; неоплачиваемые отпуска</i>	Как конкретно на Вас сказался нынешний финансово-экономический кризис? Вы: <i>(СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ)</i>	— В связи с кризисом оказались в неоплаченном отпуске или перед угрозой потери работы — В связи с кризисом задерживают выплату зарплаты уже больше месяца ...	7,0	6,8
2. Ситуация на работе, положительная привилегированность				
<i>Отсутствие или минимизация эффекта отчуждения в труде по месту работы</i>				
<i>Автономия на рабочем месте: возможности принятия самостоятельных решений по ключевым аспектам своей деятельности</i>	Кто в основном принимает решения для Вас по следующим вопросам? Вы, Ваш руководитель, или Вы и Ваш руководитель вместе? <i>(УЧИТЫВАЮТСЯ ДВА И БОЛЕЕ ВАРИАНТА ОТВЕТОВ)</i>	Вы сами: — Какие задания выполнять — Как изменить темп работы — Когда выйти в отпуск — Когда приходиться на работу — Когда уходить с работы — Когда взять отгул	27,0 от работающих	29,8 от работающих
<i>Ресурс влияния на принятие решений на работе: наличие влияния на принятие решений, относящихся к общей деятельности</i>	Если говорить о Вашей нынешней работе, то можете ли Вы сказать, что Вы <i>(СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ)</i>	— Способны повлиять на принятие решений в масштабах всего предприятия — Способны повлиять на принятие решений в масштабах своего подразделения ...	42,5 от работающих	40,9 от работающих
<i>Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства представителей данного социума — интересной, дающей возможности самореализации, престижной, дающей возможности построения карьеры и т.п.</i>	При условии, что ситуация на работе оценивается как хорошая в каких сферах Вы добились желаемого? <i>(УЧИТЫВАЕТСЯ ЛЮБОЙ ВАРИАНТ ИЗ ТРЕХ)</i>	— Получить престижную работу — Иметь интересную работу — Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	23,3 от работающих	20,6 от работающих
<i>Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости – соц. пакет: жилье, транспорт, медицинская помощь, питание, ссуды и т. п.</i>	Обеспечивает ли Вам работодатель?	— Дополнительные социальные блага (жилье, транспорт, медицинскую помощь, питание, ссуды и т. п.) ...	6,0 от работающих	4,9 от работающих

Таблица III.1. Продолжение

Показатели	Вопросы	Варианты ответов	2015 г., %	2018 г., %
2. Ситуация на работе, негативная привилегированность				
<i>Риски длительной безработицы</i>				
<i>Опыт нахождения без работы длительное время</i>	Оказывались ли Вы за последний год (включая нынешний момент) в ситуации, когда Вы нигде не работали и не учились более трёх месяцев подряд? <i>(СЧИТАЕТСЯ КАК ДЛЯ РАБОТАЮЩИХ, ТАК И БЕЗРАБОТНЫХ)</i>	— Да ...	16,9 (12,9 от работающих)	16,3 (13,7 от работающих)
<i>Относятся к безработным</i>	Если Вы сейчас работаете, то сколько в среднем часов в неделю Вы тратите на работу, включая все виды приработков?	— Не работают по иным причинам ...	6,4	3,5
<i>Несоблюдение законодательства на работе</i>				
<i>Отсутствие официального оформления на работу</i>	Обеспечивает ли Вам работодатель?.. <i>(СЧИТАЕТСЯ ОТВЕТ «НЕТ»)</i>	— Официальное оформление на работу по письменному трудовому контракту или по приказу	30,1 от работающих	7,3 от работающих
<i>Нарушение базовых трудовых прав: неоплачиваемый больничный, серая зарплата и т. п.</i>	Обеспечивает ли Вам работодатель?.. <i>(УЧИТЫВАЕТСЯ ЛЮБАЯ ИЗ АЛЬТЕРНАТИВ. СЧИТАЮТСЯ ОТВЕТЫ «НЕТ»)</i>	— «Белую» зарплату — Оплату отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размерах ...	48,7 от работающих	47,0 от работающих
<i>Неблагоприятные условия занятости</i>				
<i>Неоплачиваемые сверхурочные при условии перегрузок, задержки заработной платы, вынужденная работа на сокращённом рабочем дне или неделе и т.п.</i>	<i>ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ЧАСОВ, КОТОРЫЕ ПРОВОДЯТСЯ НА РАБОТЕ В НЕДЕЛЮ, СОСТАВЛЯЕТ БОЛЕЕ 45</i> Обеспечивает ли Вам работодатель? <i>(СЧИТАЕТСЯ ОТВЕТ «НЕТ»)</i>	Оплату сверхурочных в случае их наличия ...	26,9 от работающих	25,1 от работающих
3. Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала, положительная привилегированность				
<i>Доступность платного образования для взрослых за свой счёт</i>	<i>(ЛЮБОЕ ИЗ ЛИБО ВСЕ ВМЕСТЕ)</i> Использовали ли Вы за последние три года за счёт собственных средств?.. Как Вы за последние три года пополняли свои знания?...	— Платные образовательные услуги для взрослых (вуз, курсы, частные уроки и т. п.) ... — Брали частные уроки с целью повысить свою ценность как работника ...	14,5	11,9

Таблица III.1. Продолжение

Показатели	Вопросы	Варианты ответов	2015 г., %	2018 г., %
<i>Возможности инвестировать в развитие детей</i>	Использовали ли Вы за последние <u>три года</u> за счёт собственных средств?...	— Платные образовательные учреждения или услуги для детей (кружки, музыкальная школа, частные уроки, частные школы или детские сады и другое)...	16,4	15,8
<i>Доступ к более качественным и (или) платным медицинским и оздоровительным услугам, ДМС</i>	Использовали ли Вы за последние <u>три года</u> за счёт собственных средств <i>(СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ)</i>	— Платные медицинские услуги для взрослых — Платные оздоровительные услуги для взрослых (санатории, дома отдыха, клубы здоровья, спортивные и оздоровительные секции и другое) — Платные медицинские услуги для детей — Платные оздоровительные учреждения для детей (в том числе спортшколы и пионерлагеря) ...	19,9	22,9
	ВОПРОС-ФИЛЬТР: С чем было связано то, что Вы использовали платные медицинские или образовательные услуги? <i>(Отметьте одну главную причину)</i>	— С низким качеством их бесплатных аналогов		
<i>Наличие навыков по использованию интернета на рабочем месте с ежедневной регулярностью</i>	Какие из перечисленных ниже навыков Вы используете <u>на своей работе</u> ? <i>(УЧИТЫВАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ)</i>	Ежедневно используют эти навыки: — Работа с использованием интернета ...	27,2	34,8
3. Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала, негативная привилегированность				
<i>Недоступность необходимого образования</i>	Как Вы оцениваете своё положение сегодня?	— Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы: «Плохо» ...	31,7	27,9
<i>Крайне низкая самооценка возможностей получения образования</i>	В каких сферах Вы добились желаемого?	— Получить хорошее образование: «Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого» ...		
<i>Реальный уровень образования ниже полного общего среднего, определяющего безусловную норму «образованности» в современном обществе</i>	Какое образование получили Вы, Ваши родители и Ваш муж (или жена)?	Вы сами: — Начальное Неполное среднее ...	4,3	3,4

Таблица III.1. Продолжение

Показатели	Вопросы	Варианты ответов	2015 г., %	2018 г., %
<i>Недоступность для домохозяйств, к которым относится респондент, необходимой медицинской помощи и покупки нужных лекарств</i>	Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?	— Проблемы с получением необходимой медицинской помощи ...	10,4	15,2
<i>Работа на опасных и вредных производствах</i>	ВОПРОС ОТСУТСТВУЕТ		—	—
<i>Отсутствие доступа к ИКТ в повседневной жизни</i>				
<i>Отсутствие смартфона/гаджетов, отсутствие доступа к интернету</i>	Имеет ли Ваша семья (то есть все, проживающие <u>совместно с Вами</u> родственники) следующие предметы и если имеет, то сколько им примерно лет? (НЕ ИМЕЮТ НИЧЕГО ИЗ ЭТИХ ТРЁХ)	— Планшет, айпад — Компьютер, в том числе ноутбук — Айфон, смартфон ...	21,7	13,8
<i>Отсутствие навыков пользования ИТ, работы на компьютере</i>	Какие из перечисленных ниже навыков Вы используете <u>на своей работе</u> ?	Не имеют этого навыка:— Работы на компьютере ...	22,3	19,7
4. Особенности потребления и досуга, положительная привилегированность				
<i>Хорошие (расширенные) возможности проведения отпуска</i>				
<i>Возможность провести отпуск хотя бы раз в год вне дома, высокая оценка своих возможностей отдыха в отпуск</i>	Как Вы оцениваете своё положение сегодня?	— Возможность отдыха в период отпуска: «Хорошо» ...	22,5 от работающих	21,6 от работающих
<i>Возможность расширенного стилевого товарного потребления</i>				
<i>Повышенное число товаров длительного пользования (ТДП) и присутствие в их наборе престижных и редких товаров, нехарактерных для большинства россиян</i>	Имеет ли Ваша семья (то есть все проживающие <u>совместно с Вами</u> родственники) следующие предметы, и если имеет, то сколько им примерно лет? <i>Примечание к расчётам: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ: владение количеством ТДП больше 1,25 медианы по стране (в 2015 г. составила 8,75 позиций; в 2018 г. — 10 позиции). КАЧЕСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ: ТДП разбиваются на пять категорий со следующими правилами учёта:</i>	Опыт владения (Не более года/ От 1 года до 7 лет/ Свыше 7 лет): — Телевизор жидкокристаллический или плазменный — Телевизор цветной обычный — Холодильник — Пылесос — Стиральная машина-автомат — Микроволновая печь, кухонный комбайн и т.п. кухонная техника — Планшет — Отечественный автомобиль	31,5	19,4

Таблица III.1. Продолжение

Показатели	Вопросы	Варианты ответов	2015 г., %	2018 г., %
	<p>1) БАЗОВЫЙ НАБОР ТДП (ТВ хотя бы один), холодильник, стиральная машина, пылесос, мобильный-смартфон, кухонная техника). Каждый предмет берётся за единицу;</p> <p>2) Компьютер и компьютерная техника (ПК и (или) ноутбук (что-то одно), планшет, оргтехника). Каждый предмет берётся за единицу;</p> <p>3) «Гаджеты» (фото- и видеотехника, MP3, GPS — хотя бы одно — как один ТДП);</p> <p>4) Домашняя аудио- и видео-техника (DVD, видеомаягнитофон, домашний кинотеатр и проч. — хотя бы одно устройство — как один ТДП);</p> <p>5) Редкие престижные товары для домашнего пользования (кондиционер, посудомоечная машина, увлажнитель воздуха и проч.). Каждый берётся за единицу.</p>	<p>— Автомобиль-иномарка (в том числе собранный в России)</p> <p>— Видеокамера, цифровой фотоаппарат</p> <p>— Посудомоечная машина</p> <p>— Компьютер, в том числе ноутбук</p> <p>— Смартфон</p> <p>— Мобильный телефон</p> <p>— Кондиционер</p> <p>— Антенна спутникового телевидения</p>		
Особая комфортность жилищных условий				
Сверхнормативная обеспеченность квадратурой и по количеству комнат	Сколько квадратных метров <u>общей площади</u> (включая кухню, коридор и т. д.) приходится на каждого члена Вашей семьи?	36 кв. м и более — на домохозяйство, состоящее из одного члена, плюс 18 кв. м на каждого последующего члена домохозяйства, то есть 54 кв. м. и более — для домохозяйства из двух членов; 72 кв. м и более — для домохозяйства из трёх членов	4,3	4,6
При наличии коммунальных удобств и с учётом состава домохозяйств (д/х)	<p>ВОПРОС-ФИЛЬТР: Имеет ли Ваше нынешнее жильё все основные коммунальные удобства (центральное отопление, водоснабжение, канализация, электричество)?</p> <p>Примечание к расчётам: ЕСЛИ ОТМЕЧАЕТСЯ ТАУНХАУС или КОТТЕДЖ, ГДЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОММУНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ТО ДАННЫЙ ФИЛЬТР НЕ ПРИМЕНЯЕТСЯ.</p>	— Да		

Таблица ПП.1. Окончание

Показатели	Вопросы	Варианты ответов	2015 г., %	2018 г., %
4. Особенности потребления и досуга, негативная привилегированность				
<i>Наличие пищевых деприваций</i>				
<i>Крайне негативная характеристика качества своего питания</i>	<i>(СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ)</i> Как Вы оцениваете своё положение сегодня?	— Питайтесь «Плохо» ...	10,2	8,4
<i>Включение плохого питания в число основных беспокоящих проблем</i>	Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?	— Плохое питание ...		
<i>Экономия на еде в целом (расходы на питание менее чем в 50% доходов домохозяйства) или на значимых для здоровья видах продуктов (мясные и рыбопродукты, фрукты)</i>	ВОПРОС О СТРУКТУРЕ РАСХОДОВ ДОМОХОЗЯЙСТВА ОТСУТСТВУЕТ			
<i>Суженный стандарт предметного потребления</i>				
<i>Отсутствие базового набора ТДП в домохозяйстве</i>	Вопрос про ТДП (см. выше). КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ:	владение количеством ТДП менее 0,75 медианы по стране (в 2015 г. составила 5,25 позиции; в 2018 г. — 6 позиций)	18,4	12,7
<i>Плохие жилищные условия</i>				
<i>Отсутствие базовых коммунальных удобств (электричество, горячая вода и канализация) в занимаемом жилье</i>	Имеет ли Ваше нынешнее жильё все основные коммунальные удобства (центральное отопление, водоснабжение, канализация, электричество)?	— Нет	16,6	17,3
<i>общая площадь менее нормы (12 кв. м)** на человека, совместное проживание нескольких домохозяйств в одном жилище</i>	Сколько квадратных метров <u>общей площади</u> (включая кухню, коридор и т. д.) приходится на каждого члена Вашей семьи?	<i>МЕНЕЕ 12 кв. м</i>		

Источник: Адаптировано по: [Аникин 2018b; Тихонова 2018b].

Примечания:

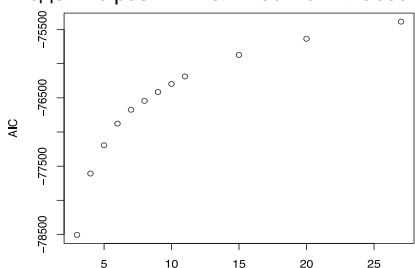
* Многообразием (...) обозначено наличие других закрытий в вопросе, которые не отображаются из соображений экономии места. С более подробными версиями данных вопросов можно ознакомиться при официальном обращении в Институт социологии ФНИСЦ РАН.

** На этом пороге доля оценивающих свои жилищные условия как хорошие становится больше, чем оценивающих его как плохое. Кроме того, это две трети медианы (18 кв. м) и примерно половина от средней (21 кв. м).

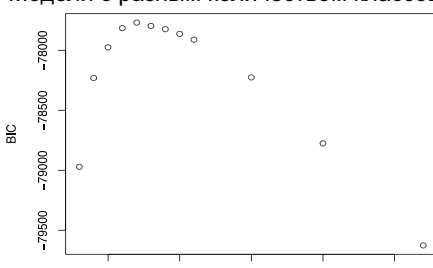
Приложение 2

А. Метод EM

Модели с разным количеством классов

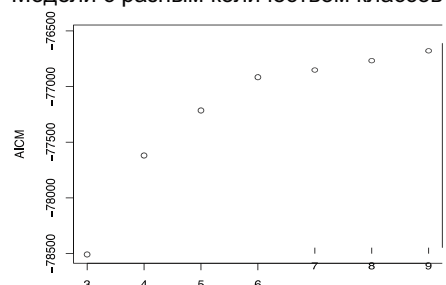

Модели с разным количеством классов

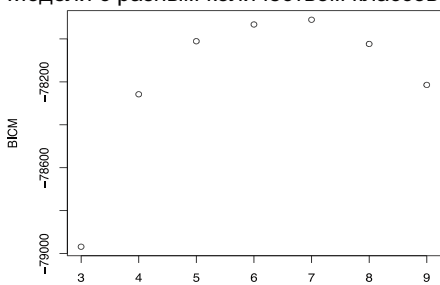

В. Метод MCMC

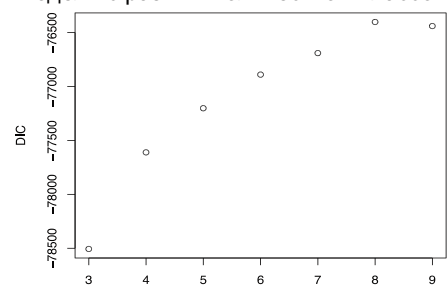
Модели с разным количеством классов

Модели с разным количеством классов

Модели с разным количеством классов

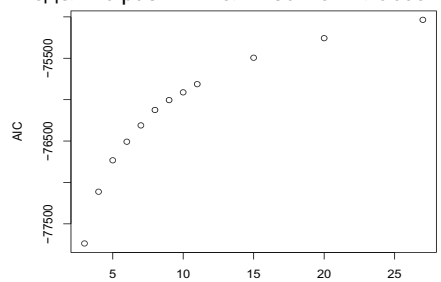

Примечание: Модели, посчитанные методом EM-алгоритма, сравниваются только на основе информационных критериев BIC и AIC. Для моделей, посчитанных методом MCMC, выводятся байесовские аналоги этих же информационных критериев — AICM и BICM, а также DIC. Рекомендуется выбирать то количество классов, которое соответствует минимальному значению AIC/AICM и BIC/BICM или максимальному значению информационного критерия DIC [White, Murphy 2014].

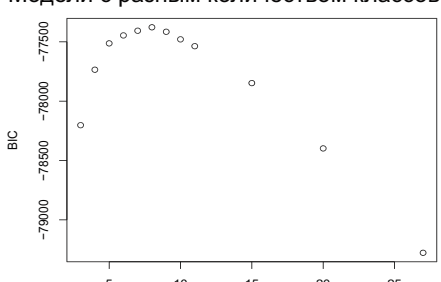
Рис. П2.1. Критерии качества моделей социальной структуры с разным количеством классов, посчитанных методами EM и MCMC. 2015 г.

А. Метод EM

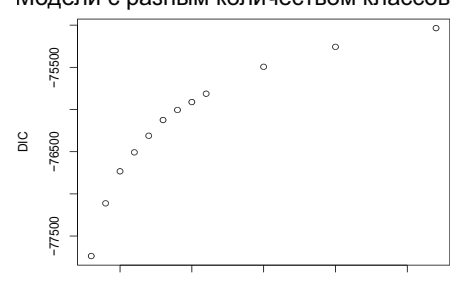
Модели с разным количеством классов

Модели с разным количеством классов

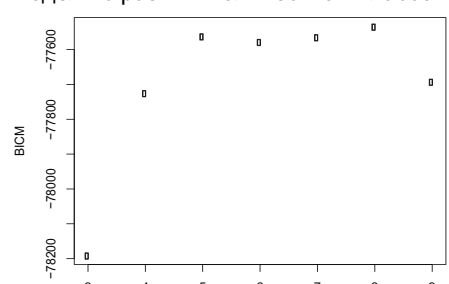

Модели с разным количеством классов

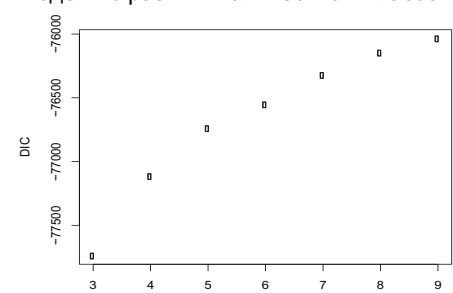

В. Метод MCMC

Модели с разным количеством классов

Модели с разным количеством классов

Примечание: Модели, посчитанные методом EM-алгоритма, сравниваются только на основе информационных критериев BIC и AIC. Для моделей, посчитанных методом MCMC, выводятся байесовские аналоги этих же информационных критериев — AICM и BICM, а также DIC. Рекомендуется выбирать то количество классов, которое соответствует минимальному значению AIC/AICM и BIC/BICM или максимальному значению информационного критерия DIC [White, Murphy 2014].

Рис. П2.2. Критерии качества моделей социальной структуры с разным количеством классов, посчитанных методом MCMC. 2018 г.

Приложение 3

Таблица П3.1

Анализ устойчивости выделения классов с помощью кросс-валидации, метод МСМС

		2015 г.					2018 г.						
		Тестовая выборка, классы					Тестовая выборка, классы						
		1	2	3	4	5			1	2	3	4	5
Полная выборка, классы	1	111	0	0	1	5	Полная выборка, классы	1	125	0	7	0	2
	2	0	99	2	0	0		2	0	80	2	0	0
	3	2	0	77	0	0		3	2	0	71	0	1
	4	1	0	0	60	0		4	1	0	0	62	0
	5	0	0	0	0	42		5	0	0	0	0	0

Примечание: Таблицы сопряженности между классами, построенными на тестовой и полной выборках. Тестовая случайная выборка: 400 респондентов. Обучающая выборка: 3600 респондентов. Полная выборка: 4000 респондентов. Номера от 1 до 5 обозначают группы (классы), которые ранжированы в порядке убывания их численности. Цифры в диагоналях таблиц обозначают количество корректно классифицированных респондентов из тестовой выборки. Цифры за пределами диагональных элементов таблиц указывают на количество респондентов, некорректно классифицированных. В целом данные таблицы говорят об очень высокой надёжности рассматриваемой классификации.

Приложение 4

Таблица П4.1

Условные обозначения, используемые в приложении 4

Экономические условия жизни	Аббревиатура	Ситуация на работе	Аббревиатура
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	э_пп1	Отсутствие или минимизация эффекта отчуждения в труде по месту работы	пс_пп1
Обладание любой иной жилой недвижимостью помимо основного жилья	э_пп2	Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства представителей социума (само-оценка)	пс_пп2
Наличие значимых форм инвестиций и сбережений	э_пп3	Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	пс_пп3
Множественные или крупные долговые обязательства	э_нп1	Риски длительной безработицы	пс_нп1
Наличие значительных неэластичных текущих расходов	э_нп2	Несоблюдение законодательства на работе	пс_нп2
Нестабильность доходов	э_нп3	Неблагоприятные условия занятости	пс_нп3
Человеческий потенциал	Аббревиатура	Потребление и досуг	Аббревиатура
Доступность платного образования для взрослых и возможности инвестировать в развитие детей	оз_пп1	Возможность расширенного стилевого товарного потребления	пд_пп1
Возможность использовать необходимые формы заботы о здоровье	оз_пп2	Особая комфортность жилищных условий	пд_пп2
Наличие навыков существования в цифровой среде	оз_пп3	Хорошие возможности проведения отпуска	пд_пп3
Недоступность необходимого образования	оз_нп1	Суженный стандарт предметного потребления	пд_нп1
Недоступность требуемой медицинской помощи	оз_нп2	Плохие жилищные условия	пд_нп2
Отсутствие доступа к информационным технологиям в повседневной жизни	оз_нп3	Наличие пищевых деприваций	пд_нп3

Таблица П4.2

Оценки максимальных апостериорных вероятностей (MAP) для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов. Экономические условия 2015 г.

Классы	э_пп1	э_пп2	э_пп3	э_нп1	э_нп2	э_нп3
«Верхний» средний класс	0,158	0,480	0,306	0,056	0,059	0,043
«Средний» средний класс	0,101	0,382	0,139	0,040	0,061	0,207
«Нижний» средний класс	0,014	0,135	0,030	0,130	0,040	0,096
Нижний класс в экономике	0,013	0,102	0,027	0,251	0,077	0,378
Нижний класс вне экономики	0,005	0,048	0,040	0,031	0,103	0,077

Примечание: Условные обозначения см. в таблице П4.1. Оценки вероятности MAP измеряются от 0 до 1 и интерпретируются в соответствии с классической трактовкой вероятности: чем ближе значение к 1, тем выше вклад рассматриваемого признака в формирование конкретного класса. В таблицах П4.2–П4.9 фоновым цветом выделены вероятности более 0,2. Чем выше вероятность связи признаков с классом, тем темнее фон. Градиент цветового выделения соответствует трём основным интервалам значений вероятности: низкая (0,2–0,449), средняя (0,450–0,749) и высокая (0,750–1).

Таблица П4.3

Оценки максимальных апостериорных вероятностей (MAP) для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов. Экономические условия, 2018 г.

Классы	э_пп1	э_пп2	э_пп3	э_нп1	э_нп2	э_нп3
«Верхний» средний класс	0,102	0,307	0,240	0,046	0,015	0,053
«Средний» средний класс	0,057	0,290	0,149	0,022	0,045	0,129
«Нижний» средний класс	0,043	0,168	0,030	0,129	0,057	0,104
Нижний класс в экономике	0,027	0,096	0,013	0,239	0,047	0,330
Нижний класс вне экономики	0,003	0,122	0,037	0,066	0,106	0,047

Примечание: Условные обозначения см. в таблице П4.1. Оценки вероятности MAP измеряются от 0 до 1 и интерпретируются в соответствии с классической трактовкой вероятности: чем ближе значение к 1, тем выше вклад рассматриваемого признака в формирование конкретного класса. В таблицах П4.2–П4.9 фоновым цветом выделены вероятности более 0,2. Чем выше вероятность связи признаков с классом, тем темнее фон. Градиент цветового выделения соответствует трём основным интервалам значений вероятности: низкая (0,2–0,449), средняя (0,450–0,749) и высокая (0,750–1).

Таблица П4.4

Оценки максимальных апостериорных вероятностей (MAP) для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов. Ситуация на работе, 2015 г.

Классы	пс_пп1	пс_пп2	пс_пп3	пс_нп1	пс_нп2	пс_нп3
«Верхний» средний класс	0,905	0,564	0,113	0,071	0,396	0,244
«Средний» средний класс	0,019	0,050	0,003	0,116	0,064	0,015
«Нижний» средний класс	0,657	0,251	0,069	0,087	0,372	0,254
Нижний класс в экономике	0,208	0,035	0,029	0,282	0,820	0,371
Нижний класс вне экономики	0,028	0,032	0,002	0,203	0,066	0,008

Примечание: Условные обозначения см. в таблице П4.1. Оценки вероятности MAP измеряются от 0 до 1 и интерпретируются в соответствии с классической трактовкой вероятности: чем ближе значение к 1, тем выше вклад рассматриваемого признака в формирование конкретного класса. В таблицах П4.2–П4.9 фоновым цветом выделены вероятности более 0,2. Чем выше вероятность связи признаков с классом, тем темнее фон. Градиент цветового выделения соответствует трём основным интервалам значений вероятности: низкая (0,2–0,449), средняя (0,450–0,749) и высокая (0,750–1).

Таблица П4.5

Оценки максимальных апостериорных вероятностей (MAP) для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов. Ситуация на работе, 2018 г.

Классы	пс_пп1	пс_пп2	пс_пп3	пс_пп1	пс_пп2	пс_пп3
«Верхний» средний класс	0,874	0,658	0,088	0,072	0,353	0,237
«Средний» средний класс	0,129	0,202	0,009	0,073	0,193	0,065
«Нижний» средний класс	0,562	0,064	0,059	0,086	0,392	0,242
Нижний класс в экономике	0,299	0,085	0,018	0,351	0,782	0,321
Нижний класс вне экономики	0,117	0,019	0,002	0,112	0,062	0,016

Примечание: Условные обозначения см. в таблице П4.1. Оценки вероятности MAP измеряются от 0 до 1 и интерпретируются в соответствии с классической трактовкой вероятности: чем ближе значение к 1, тем выше вклад рассматриваемого признака в формирование конкретного класса. В таблицах П4.2–П4.9 фоновым цветом выделены вероятности более 0,2. Чем выше вероятность связи признаков с классом, тем темнее фон. Градиент цветового выделения соответствует трём основным интервалам значений вероятности: низкая (0,2–0,449), средняя (0,450–0,749) и высокая (0,750–1).

Таблица П4.6

Оценки максимальных апостериорных вероятностей (MAP) для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов. Образование и здоровье, 2015 г.

Классы	оз_пп1	оз_пп2	оз_пп3	оз_пп1	оз_пп2	оз_пп3
«Верхний» средний класс	0,513	0,287	0,792	0,029	0,057	0,027
«Средний» средний класс	0,355	0,258	0,016	0,153	0,094	0,087
«Нижний» средний класс	0,327	0,244	0,493	0,243	0,091	0,093
Нижний класс в экономике	0,211	0,151	0,093	0,653	0,109	0,470
Нижний класс вне экономики	0,038	0,096	0,007	0,504	0,155	0,789

Примечание: Условные обозначения см. в таблице П4.1. Оценки вероятности MAP измеряются от 0 до 1 и интерпретируются в соответствии с классической трактовкой вероятности: чем ближе значение к 1, тем выше вклад рассматриваемого признака в формирование конкретного класса. В таблицах П4.2–П4.9 фоновым цветом выделены вероятности более 0,2. Чем выше вероятность связи признаков с классом, тем темнее фон. Градиент цветового выделения соответствует трём основным интервалам значений вероятности: низкая (0,2–0,449), средняя (0,450–0,749) и высокая (0,750–1).

Таблица П4.7

Оценки максимальных апостериорных вероятностей (MAP) для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов. Образование и здоровье, 2018 г.

Классы	оз_пп1	оз_пп2	оз_пп3	оз_пп1	оз_пп2	оз_пп3
«Верхний» средний класс	0,357	0,319	0,814	0,013	0,087	0,019
«Средний» средний класс	0,263	0,240	0,125	0,132	0,056	0,146
«Нижний» средний класс	0,371	0,317	0,594	0,272	0,198	0,016
Нижний класс в экономике	0,148	0,114	0,121	0,569	0,123	0,406
Нижний класс вне экономики	0,026	0,122	0,007	0,417	0,228	0,693

Примечание: Условные обозначения см. в таблице П4.1. Оценки вероятности MAP измеряются от 0 до 1 и интерпретируются в соответствии с классической трактовкой вероятности: чем ближе значение к 1, тем выше вклад рассматриваемого признака в формирование конкретного класса. В таблицах П4.2–П4.9 фоновым цветом выделены вероятности более 0,2. Чем выше вероятность связи признаков с классом, тем темнее фон. Градиент цветового выделения соответствует трём основным интервалам значений вероятности: низкая (0,2–0,449), средняя (0,450–0,749) и высокая (0,750–1).

Таблица П4.8

Оценки максимальных апостериорных вероятностей (МАР) для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов. Потребление и досуг, 2015 г.

Классы	пд_пп1	пд_пп2	пд_пп3	пд_нп1	пд_нп2	пд_нп3
«Верхний» средний класс	0,554	0,811	0,042	0,004	0,003	0,100
«Средний» средний класс	0,215	0,542	0,025	0,045	0,004	0,098
«Нижний» средний класс	0,194	0,366	0,027	0,038	0,046	0,162
Нижний класс в экономике	0,096	0,095	0,009	0,178	0,280	0,312
Нижний класс вне экономики	0,038	0,004	0,109	0,220	0,510	0,129

Примечание: Условные обозначения см. в таблице П4.1. Оценки вероятности МАР измеряются от 0 до 1 и интерпретируются в соответствии с классической трактовкой вероятности: чем ближе значение к 1, тем выше вклад рассматриваемого признака в формирование конкретного класса. В таблицах П4.2–П4.9 фоновым цветом выделены вероятности более 0,2. Чем выше вероятность связи признаков с классом, тем темнее фон. Градиент цветового выделения соответствует трём основным интервалам значений вероятности: низкая (0,2–0,449), средняя (0,450–0,749) и высокая (0,750–1).

Таблица П4.9

Оценки максимальных апостериорных вероятностей (МАР) для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов. Потребление и досуг, 2018 г.

Классы	пд_пп1	пд_пп2	пд_пп3	пд_нп1	пд_нп2	пд_нп3
Верхний средний класс	0,685	0,485	0,066	0,020	0,009	0,054
«Средний» средний класс	0,434	0,341	0,052	0,014	0,017	0,076
«Нижний» средний класс	0,020	0,192	0,022	0,060	0,043	0,197
Нижний класс в экономике	0,101	0,056	0,007	0,161	0,274	0,337
Нижний класс вне экономики	0,028	0,009	0,104	0,154	0,296	0,149

Примечание: Условные обозначения см. в таблице П4.1. Оценки вероятности МАР измеряются от 0 до 1 и интерпретируются в соответствии с классической трактовкой вероятности: чем ближе значение к 1, тем выше вклад рассматриваемого признака в формирование конкретного класса. В таблицах П4.2–П4.9 фоновым цветом выделены вероятности более 0,2. Чем выше вероятность связи признаков с классом, тем темнее фон. Градиент цветового выделения соответствует трём основным интервалам значений вероятности: низкая (0,2–0,449), средняя (0,450–0,749) и высокая (0,750–1).

Литература

- Аникин В. А. 2018а. Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств. *Вестник Института социологии*. Т. 27. № 4: 44–63.
- Аникин В. А. 2018б. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 4: 39–67.
- Аникин В. А. 2019. Прекаризация среднего класса в новой России: о чём говорят результаты исследования гетерогенных средних слоёв? *Социологическая наука и социальная практика*. 7 (4): 39–54.
- Аникин В. А. 2020. Социальные классы новой России — неравные и разные. *Социологические исследования*. 2: 31–42.

- Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. 1999. Социальная структура и стратификация.: Голенкова З. Т. (отв. ред.) *Социальное расслоение и социальная мобильность*. М.: Наука.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (отв. ред.). 2018. *Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа*. М.: Весь мир.
- Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (отв. ред.) 2014. *Бедность и бедные в современной России*. М.: Весь мир.
- Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (отв. ред.) 2016. *Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований*. М.: Весь мир.
- Давыдова Н. М. 2003. Депривационный подход в оценках бедности. *Социологические исследования*. 6: 88–96.
- Лежнина Ю. П. 2011. Низший класс в России: роль социальной политики в замедлении процесса его формирования. *Журнал исследований социальной политики*. 9: 455–472.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И. 1996. *Социальная стратификация: учебное пособие*. М.: Аспект Пресс.
- Тихонова Н. Е. 2011. Низший класс в социальной структуре российского общества. *Социологические исследования*. 5: 24–35.
- Тихонова Н. Е. 2014. *Социальная структура России: теории и реальность*. М.: Новый хронограф.
- Тихонова Н. Е. (отв. ред.). 2018а. *Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения*. М.; СПб.: Нестор-История.
- Тихонова Н. Е. 2018b. Стратификация по жизненным шансам массовых слоёв современного российского общества. *Социологические исследования*. 6: 53–65.
- Тихонова Н. Е. 2019. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества. *Социологические исследования*. 2: 167–173.
- Тихонова Н. Е. (отв. ред.) 2022. *Общество неравных возможностей: социальная структура современной России*. М.: Весь мир.
- Тихонова Н. Е., Каравай А. В. 2017. Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2: 1–17.
- Тихонова Н. Е., Мареева С. В. 2009. *Средний класс: теория и реальность*. М.: Альфа-М.
- Тощенко Ж. Т. 2018. *Прекариат: от протокласса к новому классу*. М.: Наука.
- Черныш М. Ф. 2001. Методология классового анализа и современное российское общество. В кн.: Давыдов Ю. Н. (отв. ред.) *Новое и старое в теоретической социологии*. Кн. 2. М.: Изд-во Института социологии РАН; 56-66.
- Шкаратан О. И., Ильин В. И. 2006. *Социальная стратификация современной России и Восточной Европы: сравнительный анализ*. М.: Издательский дом ВШЭ.

- Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. 2008. Российское неозакратическое общество и его стратификация. *Социологические исследования*. 11: 40–50.
- Alberti G. et al. 2018. In, Against and Beyond Precarity: Work in Insecure Times. *Work, Employment and Society*. 32 (3): 447–457.
- Algan Y., Cahuc P., Zylberberg A. 2002. Public Employment and Labour Market Performance. *Economic Policy*. 17 (34): 7–66.
- Alkire S., Seth S. 2013. Selecting a Targeting Method to Identify BPL Households in India. *Social Indicators Research*. 112 (2): 417–446.
- Ashford S. J., Caza B. B., Reid E. M. 2018. From Surviving to Thriving in the Gig Economy: A Research Agenda for Individuals in the New World of Work. *Research in Organizational Behavior*. 38: 23–41.
- Beck U. 2009. *World at Risk*. Cambridge, MA: Polity.
- Birkelund G. E., Goodman L. A., Rose D. 1996. The Latent Structure of Job Characteristics of Men and Women. *American Sociological Review*. 102 (1): 80–113.
- Bourdieu P. 1966. Condition de classe et position de classe. *Archives européennes de sociologie*. 7 (2): 201–223.
- Bourdieu P. 1984 (1979). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Trans. Richard Nice. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bourdieu P. 1991. *Language and Symbolic Power*. Trans. Gino Raymond, Matthew Adamson. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bourdieu P. 1998. *Practical Reason: On the Theory of Action*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Bourdieu P., Wacquant L. 1992. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Brülle J. et al. 2019. Changing Labour Market Risks in the Service Economy: Low Wages, Part-Time Employment and the Trend in Working Poverty Risks in Germany. *Journal of European Social Policy*. 29 (1): 115–129. URL: <https://doi.org/10.1177/0958928718779482>
- Castells M. 2000. Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. *British Journal of Sociology*. 51 (1): 5–24.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. 2007. Class and Status: The Conceptual Distinction and Its Empirical Relevance. *American Sociological Review*. 72 (4): 512–532.
- Cunha F., Heckman J. J., Schennach S. M. 2010. Estimating the Technology of Cognitive and Noncognitive Skill Formation. *Econometrica*. 78 (3): 883–931.
- Dahrendorf R. 1959. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. London: Routledge & Kegan Paul.

- Dahrendorf R. 1979. *Life Chances*. Chicago: University of Chicago.
- Dempster A. P., Laird N. M., Rubin D. B. 1977. Maximum Likelihood from Incomplete Data via the EM Algorithm. *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological)*. 39 (1): 1–22.
- Deursen A. J. van, Dijk J. A. van. 2014. *Digital Skills: Unlocking the Information Society*. Berlin; Heidelberg: Springer.
- Erikson R., Goldthorpe J. H. 1992. *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*. Oxford: Clarendon.
- Evans G., Mills C. 1998. Identifying Class Structure: A Latent Class Analysis of the Criterion-Related and Construct Validity of the Goldthorpe Class Schema. *European Sociological Review*. 14 (1): 87–106.
- Fana M. et al. 2020. Telework, Work Organisation and Job Quality During the COVID-19 Crisis: A Qualitative Study. JRC Technical Report. *JRC Working Papers Series on Labour, Education and Technology*. No. 2020/11. Seville, Spain: Joint Research Centre, European Commission.
- Featherman D., Hauser R. 1978. *Opportunity and Change*. New York: Academic Press.
- Gallie D. et al. 2014. The Quality of Work in Britain over the Economic Crisis. *International Review of Sociology*. 24 (2): 207–224. URL: <https://doi.org/10.1080/03906701.2014.933023>
- Ganzeboom H., Treiman D. J. 1996. Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 International Standard Classification of Occupations. *Social Science Research*. 25 (2): 201–239.
- Garcia K. R. et al. 2021. Improving the Digital Skills of Older Adults in a COVID-19 Pandemic Environment. *Educational Gerontology*. 47 (5): 196–206.
- Geman S., Geman D. 1984. Stochastic Relaxation, Gibbs Distributions, and the Bayesian Restoration of Images. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*. 6: 721–741.
- Gershuny J. 2003. *Changing Times: Work and Leisure in Postindustrial Society*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Goldthorpe J. H. 2002. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's "Research Agenda". *Acta Sociologica*. 45 (3): 211–217.
- Goldthorpe J. H. 2007. *On Sociology*. Vol. 2. Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Goldthorpe J. H., Llewellyn C., Payne C. 1987. *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.
- Goldthorpe J. H., McKnight A. 2006. The Economic Basis of Social Class. In: Morgan S. L., Grusky D. B., Fields G. S. (eds) *Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics*. Redwood City, CA: Stanford University Press; 109–137.
- Grusky D. 2001. The Past, Present, and Future of Social Inequality. In: Grusky D. (ed.) *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press; 1–51.

- Grusky D. B., Galescu G. 2005. Foundations of Class Analysis: A Durkheimian Perspective. In: Wright E. O. (ed.) *Approaches to Class Analysis*. Cambridge, MA: Cambridge University Press: 51–81.
- Grusky D., Sørensen J. 1998. Can Class Analysis Be Salvaged? *American Journal of Sociology*. 103 (5): 1187–1234.
- Grusky D., Weeden K. 2008. Are There Social Classes? An Empirical Test of the Sociologist's Favorite Concept. In: Conley D., Laureau A. (eds) *Social Class: How Does it Work?* New York: Russell Sage Foundation; 65–92.
- Hauser R. M., Warren J. R. 1997. Socioeconomic Indexes for Occupations: A Review, Update, and Critique. *Sociological Methodology*. 27 (1): 177–298.
- Heckman J. J. 2000. Policies to Foster Human Capital. *Research in Economics*. 54 (1): 3–56.
- Heckman J. J. 2006. Skill Formation and the Economics of Investing in Disadvantaged Children. *Science*. 312 (5782): 1900–1902.
- Inkeles A. 1966. Social Stratification and Mobility in the Soviet Society. In: Bendix R., Lipset S. (eds) *Class, Status and Power*. New York: The Free Press; 516–527.
- Jonsson J. et al. 2009. Microclass Mobility: Social Reproduction in Four Countries. *American Journal of Sociology*. 114 (4): 977–1036.
- Johnson S., Robertson I., Cooper C. 2018. *Well-Being: Productivity and Happiness at Work*. 2nd ed. Heidelberg: Springer.
- Kalleberg A. L. 2011. *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s to 2000s*. New York: Russell Sage Foundation.
- Kalleberg A. L. 2018. *Precarious Lives: Job Insecurity and Well-Being in Rich Democracies*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Kalleberg A. L. 2021. Precarious Lives: Filling the Gaps. *Contemporary Sociology*. 50 (2): 114–118. URL: <https://doi.org/10.1177/0094306121991073d>
- Kalleberg A. L., Reskin B. F., Hudson K. 2000. Bad Jobs in America: Standard and Nonstandard Employment Relations and Job Quality in the United States. *American Sociological Review*. 65 (2): 256–278.
- Kempen E. T. van. 1994. The Dual City and the Poor: Social Polarisation, Social Segregation and Life Chances. *Urban Studies*. 31 (7): 995–1015.
- Kerckhoff A. C. 2001. Education and Social Stratification Processes in Comparative Perspective. *Sociology of Education*, 74 (Extra Issue): 3–18.
- Kochan T. A., Dyer L. 2020. *Shaping the Future of Work: A Handbook for Building a New Social Contract*. London: Routledge.
- Kordonsky S. G. 2016. *Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime. The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

- Kost D., Fieseler C., Wong S. I. 2020. Boundaryless Careers in the Gig Economy: An Oxymoron? *Human Resource Management Journal*. 30 (1): 100–113.
- LaBriola J., Schneider D. 2020. Worker Power and Class Polarization in Intra-Year Work Hour Volatility. *Social Forces*. 98 (3): 973–999.
- Lee S. Y. T., Park M., Shin Y. 2021. Hit Harder, Recover Slower? Unequal Employment Effects of the Covid-19 Shock. *NBER Working Paper Series*. Working Paper. 28354. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Lipps O., Oesch D. 2018. The Working Class Left Behind? The Class Gap in Life Satisfaction in Germany and Switzerland over the Last Decades. *European Societies*. 20 (4): 549–571.
- McGovern P. et al. 2007. *Market, Class and Employment*. Oxford: Oxford University Press.
- Meyer J. W. 2014. The Evolution of Modern Stratification Systems. In: Grusky D. (ed.) *Social Stratification*. New York: Routledge: 1116–1125.
- Mira M. C. 2021. New Model for Measuring Job Quality: Developing an European Intrinsic Job Quality Index (EIJQI). *Social Indicators Research*. 155 (2): 625–645. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02615-9>
- Pakulski J., Waters M. 1996. *The Death of Class*. London: SAGE.
- Piketty T., Saez E., Atkinson A. B. 2011. Top Incomes in the Long Run of History. *Journal of Economic Literature*. 49 (1): 3–71.
- Popova D., Pishniak A. 2016. Measuring Individual Material Well-Being Using Multidimensional Indices: An Application Using the Gender and Generation Survey for Russia. *Social Indicators Research*. 125 (3): 1–28.
- Porter L. W., Steers R. M. 1973. Organizational, Work, and Personal Factors in Employee Turnover and Absenteeism. *Psychological Bulletin*. 80 (2): 151–176.
- Robinson L. et al. 2015. Digital Inequalities and Why They Matter. *Information, Communication & Society*. 18 (5): 569–582.
- Rodrik D., Stantcheva S. 2021. Fixing Capitalism's Good Jobs Problem. *Oxford Review of Economic Policy*. 37 (4): 824–837.
- Rose D., Stier H. 2019. The Skill Divide in Post-Unemployment Job Quality. *Social Science Research*. 82: 105–112.
- Roy S., Orazem P. F. 2021. Active Leisure, Passive Leisure and Health. *Economics & Human Biology*. 43: art. 101053.
- Sá M. J. et al. 2021. Digitainability—Digital Competences Post-COVID-19 for a Sustainable Society. *Sustainability*. 13 (17): art. 9564.
- Savage M. et al. 2013. A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. *Sociology*. 47 (2): 219–250.

- Savage M. 2015. *Social Class in the 21st Century*. London: Penguin.
- Seo H. 2021. 'Dual' Labour Market? Patterns of Segmentation in European Labour Markets and the Varieties of Precariousness. *Transfer: European Review of Labour and Research*. 27 (4): 485–503.
- Scott J. 2002. Social Class and Stratification in Late Modernity. *Acta Sociologica*. 45 (1): 23–35.
- Scott J. 2007. Power, Domination and Stratification: Towards a Conceptual Synthesis. *Sociologia Problemas e Práticas*. 55: 25–39.
- Simon H. A. 1991. Organizations and Markets. *Journal of Economic Perspectives*. 5 (2): 25–44.
- Staff J. et al. 2010. Uncertainty in Early Occupational Aspirations: Role Exploration or Aimlessness? *Social Forces*. 89 (2): 659–683.
- Standing G. 2011. *The Precariat: The New Dangerous Class*, New York: Bloomsbury.
- Stebbins R. A. 2017. *Serious Leisure*. London: Routledge.
- Szreter S. 1984. The Genesis of the Registrar General's Social Classification of Occupations. *British Journal of Sociology*. 35 (4): 522–546.
- Tilly C. 1996. *Half a Job: Bad and Good Part-Time Jobs in a Changing Labor Market*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Tumin M. M. 1973. *Patterns of Society: Identities, Roles, Resources*. Boston, MA: Little, Brown.
- Vittersø J. 2011. Recreate or Create? Leisure as an Arena for Recovery and Change. In: Biswas-Diener R. (ed.) *Positive Psychology as Social Change*. Dordrecht: Springer; 293–308.
- Volkov V. 2000. Between Economy and the State: Private Security and Rule Enforcement in Russia. *Politics & Society*. 28 (4): 483–501. URL: <https://doi.org/10.1177/0032329200028004003>
- Vrasti W. 2021. Struggling with Precarity: From 'More Jobs' to Post-Work Politics. In: Vij R., Kazi T., Wynne-Hughes E. (eds) *Precarity and International Relations*. International Political Economy Series. Cham: Palgrave Macmillan. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51096-1_6
- Wanous J. P. et al. 1992. The Effects of Met Expectations on Newcomer Attitudes and Behaviors: A Review and Meta-Analysis. *Journal of Applied Psychology*. 77 (3): 288–297. URL: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.77.3.288>
- Warren T., Lyonette C. 2018. Good, Bad and Very Bad Part-time Jobs for Women? Re-Examining the Importance of Occupational Class for Job Quality since the 'Great Recession' in Britain. *Work, Employment and Society*. 32 (4): 747–767. URL: <https://doi.org/10.1177/0950017018762289>
- Watts G. 2020. COVID-19 and the Digital Divide in the UK. *The Lancet Digital Health*. 2 (8): art. e395-e396.
- Weber M. 1978. *Economy and Society* (eds G. Roth, C. Wittich). Berkeley: University of California Press.

- Weber M. 1994. *Class, Status, Party. Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (ed. D. B. Grusky). Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press.
- Weeden K., Grusky D. 2005. The Case for a New Class Map. *American Journal of Sociology*. 111 (1): 141–212.
- White A., Murphy T. B. 2014. BayesLCA: An R Package for Bayesian Latent Class Analysis. *Journal of Statistical Software*. 61 (13): 1–28.
- Williamson O. E. 1996. *The Mechanisms of Governance*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Wood A. J. et al. 2019. Good Gig, Bad Gig: Autonomy and Algorithmic Control in the Global Gig Economy. *Work, Employment and Society*. 33 (1): 56-75.
- Wright E. 1989. Rethinking Once Again the Concept of Class Structure. In: Wright E. (ed.) *The Debate on Classes*. New York: Verso; 269–348.
- Wright E. 1997. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yoon Y., Chung H. 2016. New Forms of Dualization? Labour Market Segmentation Patterns in the UK from the Late 90s until the Post-Crisis in the Late 2000s. *Social Indicators Research*. 128 (2): 609–631.
- Zweig F. 1961. *The Worker in an Affluent Society: Family Life and Industry*. New York: Free Press of Glencoe.

Vasiliy A. Anikin

Social Structure in new Russia: Evidence from Bayesian Latent Class Analysis

ANIKIN, Vasiliy — PhD, Associate professor, Senior research fellow. National Research University Higher School of Economics (NRU HSE). Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: vanikin@hse.ru

Abstract

The study presents the results of the multidimensional approach to the social stratification of contemporary Russian society. The proposed model employs the Weberian concept of life chances which has been operationalized on the map of 24 binary items measuring the positive and negative privileges of individuals and their households in four major domains of life, economic stability and security, industrial relations, human development, and economic consumption and leisure. Drawing from the Monitoring data conducted by the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2015 and 2019, we proposed the posterior model of vertically integrated five socioeconomic classes. These are as follows (2015 and

2018): disadvantaged (lower) non-economic class (23 and 21,8%, correspondingly), disadvantaged (lower) economic class (19,4% and 17,3%), two semi-privileged classes—lower middle class (29,4% и 34,1%) and true middle class (15,8% и 13,4%)—and advantaged (upper middle) class (12,4% and 13,4%). The obtained results reassess the popular view that there are no big classes in industrially advanced societies and highlight the importance of the noneconomic forces of multidimensional stratification of the Russian society in the post-transition era. The results also showed that the disadvantaged economic class demonstrates the highest degree of protest voting. The upper middle class turned out to be the most politically loyal, which saliently contradicts the prevailing stereotypes about the patterns of the political behavior of citizens in the new Russia.

Keywords: classes; posterior class analysis; social inequality; life chances; privileged classes; political behavior.

Acknowledgements

The paper was funded by the Russian Science Foundation No. 17-78-20125. The author is also grateful to N. Ye. Tikhonova, M. F. Chernysh, Yu. V. Latov, and participants of the Yadov Seminar of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, as well as anonymous reviewers for their invaluable contribution at the stage of preparation and discussion of this text.

References

- Alberti G., Bessa I., Hardy K., Trappmann V., Umney C. (2018) In, *Against and Beyond Precarity: Work in Insecure Times. Work, Employment and Society*, vol. 32, no 3, pp. 447–457.
- Algan Y., Cahuc P., Zylberberg A. (2002) Public Employment and Labour Market Performance. *Economic Policy*, vol. 17, no 34, pp. 7–66.
- Alkire S., Seth S. (2013) Selecting a Targeting Method to Identify BPL Households in India. *Social Indicators Research*, vol. 112, no 2, pp. 417–446.
- Anikin V. A. (2018a) Zanyatost' v postkrizisnoy Rossii: rol' poselencheskikh neravenstv [Employment in Post-Crisis Russia: The Role of Settlement Inequalities]. *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik instituta sotziologii*, vol. 9, no 4, pp. 44–63 (in Russian).

- Anikin V. A. (2018b) Sotsial'naya stratifikatsiya po zhiznennym shansom: popytka operatsionalizatsii dlya massovykh oprosov [Social Stratification Based on Life Chances: Operationalization for Mass Surveys]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring) = Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, no 4, pp. 39–67 (in Russian).
- Anikin V. A. (2019) Prekarizatsiya srednego klassa v novoy Rossii: o chom govoryat rezul'taty issledovaniya geterogennykh srednikh sloyov? [Precarization of the Middle Class of the New Russia: What are the Results of a Study of Heterogeneous Middle Strata?]. *Sociological Science and Social Practice = Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, no 4, pp. 39–54 (in Russian).
- Anikin V. A. (2020) Sotsial'nyye klassy novoy Rossii — neravnyye i raznyye [Social Classes of the New Russia: Unequal and Different]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 31–42 (in Russian).
- Ashford S. J., Caza B. B., Reid E. M. (2018) From Surviving to Thriving in the Gig Economy: A Research Agenda for Individuals in the New World of Work. *Research in Organizational Behavior*, vol. 38, pp. 23–41.
- Beck U. (2009) *World at Risk*, Cambridge, MA: Polity.
- Birkelund G. E., Goodman L. A., Rose D (1996) The Latent Structure of Job Characteristics of Men and Women. *American Sociological Review*, vol. 102, no 1, pp. 80–113.
- Bourdieu P. (1966). Condition de classe et position de classe. *Archives européennes de sociologie*, vol. 7, no 2, pp. 201–223 (in French).
- Bourdieu P. (1984 [1979]). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* (Trans. R. Nice), Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power* (Trans. G. Raymond, M. Adamson), Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bourdieu P. (1998 [1994]) *Practical Reason: On the Theory of Action*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Bourdieu P., Wacquant L. (1992) *An Invitation to Reflexive Sociology*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Brülle J., Gangl M., Levanon A., Saburov E. (2019) Changing Labour Market Risks in the Service Economy: Low Wages, Part-Time Employment and the Trend in Working Poverty Risks in Germany. *Journal of European Social Policy*, vol. 29, no 1, pp. 115–129.
- Castells M. (2000) Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. *British Journal of Sociology*, vol. 51, no 1, pp. 5–24.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007) Class and Status: The Conceptual Distinction and Its Empirical Relevance. *American Sociological Review*, vol. 72, no 4, pp. 512–532.

- Chernysh M. F. (2001) Metodologiya klassovogo analiza i sovremennoye rossiyskoye obshchestvo [Methodology of Class Analysis and Modern Russian Society]. *Novoye i staroye v teoreticheskoy sotsiologii* [New and Old in Theoretical Sociology] (ed. Yu. N. Davydov), Book 2, Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, pp. 56–66 (in Russian).
- Cunha F., Heckman J. J., Schennach S. M. (2010) Estimating the Technology of Cognitive and Noncognitive Skill Formation. *Econometrica*, vol. 78, no 3, pp. 883–931.
- Dahrendorf R. (1959) *Class and Class Conflict in Industrial Society*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Dahrendorf R. (1979) *Life Chances*, Chicago: University of Chicago.
- Davydova N. M. (2003) Deprivatsionnyy podkhod v otsenkakh bednosti [Deprivation Approach in Poverty Assessments]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 88–96 (in Russian).
- Dempster A. P., Laird N. M., Rubin D. B. (1977) Maximum Likelihood from Incomplete Data via the EM Algorithm. *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological)*, vol. 39, no 1, pp. 1–22.
- Deursen A. J. van, Dijk J. A. van. (2014) *Digital Skills: Unlocking the Information Society*, Berlin; Heidelberg: Springer.
- Erikson R., Goldthorpe J. H. (1992) *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*, Oxford: Clarendon.
- Evans G., Mills C. (1998) Identifying Class Structure: A Latent Class Analysis of the Criterion-Related and Construct Validity of the Goldthorpe Class Schema. *European Sociological Review*, vol. 14, no 1, pp. 87–106.
- Fana M., Milasi S., Napierala J., Fernandez-Macias E., Vázquez I. G. (2020) Telework, Work Organisation and Job Quality during the COVID-19 Crisis: A Qualitative Study. JRC Technical Report. *JRC Working Papers Series on Labour, Education and Technology*, no 2020/11, Seville, Spain: Joint Research Centre, European Commission.
- Featherman D., Hauser R. (1978) *Opportunity and Change*, New York: Academic Press.
- Gallie D., Felstead A., Green F., Inanc H. (2014). The Quality of Work in Britain over the Economic Crisis. *International Review of Sociology*, vol. 24, no 2, pp. 207–224. Available at: <https://doi.org/10.1080/03906701.2014.933023>.
- Ganzeboom H., Treiman D. J. (1996) Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 International Standard Classification of Occupations. *Social Science Research*, vol. 25, no 3, pp. 201–239.
- Garcia K. R., Rodrigues L., Pereira L., Busse G., Irbe M., Almada M., Christensen C., Midão L., Dias I., Heery D., Hardy R., Quatra B., Poulain M., Bertram M., Karnikowski M., Costa E. (2021) Improving the Digital Skills of Older Adults in a COVID-19 Pandemic Environment. *Educational Gerontology*, vol. 47, no 5, pp. 196–206.
- Geman S., Geman D. (1984) Stochastic Relaxation, Gibbs Distributions, and the Bayesian Restoration of Images. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, no 6, pp. 721–741.

- Gershuny J. (2003) *Changing times: Work and Leisure In Postindustrial Society*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Goldthorpe J. H. (2002) Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's "Research Agenda". *Acta Sociologica*, vol. 45, no 3, pp. 211–217.
- Goldthorpe J. H. (2007) *On Sociology*, vol. 2, Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Goldthorpe J. H., Llewellyn C., Payne C. (1987) *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*. 2nd ed., Oxford: Clarendon Press.
- Goldthorpe J. H., McKnight A. (2006) The Economic Basis of Social Class. *Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics* (eds. S. L. Morgan, D. B. Grusky, G. S. Fields), Redwood City, CA: Stanford University Press, pp. 109–137.
- Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D. (1999) Sotsial'naya struktura i stratifikatsiya [Social Structure and Stratification]. *Social Stratification and Social Mobility* (ed. Z. T. Golenkova), Moscow: Nauka, (in Russian).
- Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds) (2018) *Dvadsat Pyat Let Rossiiskikh Transformatsii: Opyt Sotsiologicheskogo Analiza* [Twenty-Five Years of Russian Transformations: Experience of Sociological Analysis], Moscow: Ves' Mir (in Russian).
- Gorshkov M. K., Tikhonova N. Ye. (eds) (2014) *Bednost' i bednyye v sovremennoy Rossii* [Poverty and the Poor in Modern Russia], Moscow: Ves' Mir (in Russian).
- Gorshkov M. K., Tikhonova N. Ye. (eds) (2016) *Sredniy klass v sovremennoy Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovaniy* [Middle Class in Modern Russia. Experience of Many Years of Research], Moscow: Ves' Mir, (in Russian).
- Grusky D. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (ed. D. Grusky). 2nd ed., Boulder CO: Westview Press, pp. 1–51.
- Grusky D., Galescu G. (2005) Foundations of Class Analysis: A Durkheimian Perspective. (ed.) *Approaches to Class Analysis* (ed. E. O. Wright), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 51–81.
- Grusky D., Sørensen J. (1998) Can Class Analysis Be Salvaged? *American Journal of Sociology*, vol. 103, no 5, pp. 1187–1234.
- Grusky D., Weeden K. (2008) Are There Social Classes? An Empirical Test of the Sociologist's Favorite Concept. *Social Class: How Does it Work?* (ed. D. Conley, A. Laureau), New York: Russell Sage Foundation, pp. 65–92.
- Hauser R. M., Warren J. R. (1997) Socioeconomic Indexes for Occupations: A Review, Update, and Critique. *Sociological Methodology*, vol. 27, no 1, pp. 177–298.
- Heckman J. J. (2000) Policies to Foster Human Capital. *Research in Economics*, vol. 54, no 1, pp. 3–56.
- Heckman J. J. (2006) Skill Formation and the Economics of Investing in Disadvantaged Children. *Science*, no 312 (5782), pp. 1900–1902.

- Inkeles A. (1966) Social Stratification and Mobility in the Soviet Society. *Class, Status and Power* (eds R. Bendix, S. Lipset), New York: The Free Press, pp. 516–527.
- Johnson S., Robertson I., Cooper C. (2018) *Well-Being: Productivity and Happiness at Work*. 2nd ed., Heidelberg: Springer.
- Jonsson J., Grusky D., Di Carlo M., Pollak R., Brinton M. (2009) Microclass Mobility: Social Reproduction in Four Countries. *American Journal of Sociology*, vol. 114, no 4, pp. 977–1036.
- Kalleberg A. L. (2011) *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s to 2000s*, New York: Russell Sage Foundation.
- Kalleberg A. L. (2018) *Precarious Lives: Job Insecurity and Well-Being in Rich Democracies*, Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Kalleberg A. L. (2021) Precarious Lives: Filling the Gaps. *Contemporary Sociology*, vol. 50, no 2, pp. 114–118. Available at: <https://doi.org/10.1177/0094306121991073d>.
- Kalleberg A. L., Reskin B. F., Hudson K. (2000) Bad Jobs in America: Standard and Nonstandard Employment Relations and Job Quality in the United States. *American Sociological Review*, vol. 65, no 2, pp. 256–278.
- Kempen E. T. van. (1994) The Dual City and the Poor: Social Polarisation, Social Segregation and Life Chances. *Urban Studies*, vol. 31, no 7, pp. 995–1015.
- Kerckhoff A. C. (2001) Education and Social Stratification Processes in Comparative Perspective. *Sociology of Education*, vol. 74, Extra Issue, pp. 3–18.
- Kochan T. A., Dyer L. (2020) *Shaping the Future of Work: A Handbook for Building a New Social Contract*, London Routledge.
- Kordonsky S. G. (2016) *Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime. The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia*, Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Kost D., Fieseler C., Wong S. I. (2020) Boundaryless Careers in the Gig Economy: An Oxymoron? *Human Resource Management Journal*, vol. 30, no 1, pp. 100–113.
- LaBriola J., Schneider D. (2020) Worker Power and Class Polarization in Intra-Year Work Hour Volatility. *Social Forces*, vol. 98, no 3, pp. 973–999.
- Lee S. Y. T., Park M., Shin Y. (2021) Hit Harder, Recover Slower? Unequal Employment Effects of the Covid-19 Shock. *NBER Working Paper Series*. Working Paper, no 28354, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Lezhnina Yu. P. (2011) Nizshiy klass v Rossii: rol' sotsial'noy politiki v zamedlenii protsessa yego formirovaniya [The Lower Class in Russia: The Role of Social Policy in Slowing Down the Process of Its Formation]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noi Politiki*, vol. 9, no 4, pp. 455–472 (in Russian).
- Lipps O., Oesch D. (2018) The Working Class Left Behind? The Class Gap in Life Satisfaction in Germany and Switzerland over the Last Decades. *European Societies*, vol. 20, no 4, pp. 549–571.

- McGovern P., Hill S., Mills C., White M. (2007) *Market, Class and Employment*, Oxford: Oxford University Press.
- Meyer J. W. (2014) The Evolution of Modern Stratification Systems. *Social Stratification* (ed. D. Grusky), New York: Routledge, pp. 1116–1125.
- Mira M. C. (2021) New Model for Measuring Job Quality: Developing an European Intrinsic Job Quality Index (EIJQI). *Social Indicators Research*, vol. 155, no 2, pp. 625–645. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02615-9>.
- Pakulski J., Waters M. (1996) *The Death of Class*, London: SAGE.
- Piketty T., Saez E., Atkinson A. B. (2011) Top Incomes in the Long Run of History. *Journal of Economic Literature*, vol. 49, no 1, pp. 3–71.
- Popova D., Pishniak A. (2016) Measuring Individual Material Well-Being Using Multidimensional Indices: An Application Using the Gender and Generation Survey for Russia. *Social Indicators Research*, vol. 125, no 3, pp. 1–28.
- Porter L. W, Steers R. M. (1973) Organizational, Work, and Personal Factors in Employee Turnover and Absenteeism. *Psychological Bulletin*, vol. 80, no 2, pp. 151–176.
- Radaev V. V., Shkaratan O. I. (1996) *Sotsial'naya stratifikatsiya: Uchebnoye Posobiye* [Social Stratification: Handbook], Moscow: Aspect Press (in Russian).
- Robinson L., Cotton S. R., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., Schultz J., Hale T., Stern M. J. (2015) Digital Inequalities and Why They Matter. *Information, Communication & Society*, vol. 18, no 5, pp. 569–582.
- Rodrik D., Stantcheva S. (2021) Fixing Capitalism's Good Jobs Problem. *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 37, no 4, pp. 824–837.
- Rose D., Stier H. (2019) The Skill Divide in Post-Unemployment Job Quality. *Social Science Research*, vol. 82, pp. 105–112.
- Roy S., Orazem P. F. (2021) Active Leisure, Passive Leisure and Health. *Economics & Human Biology*, vol. 43, art. 101053.
- Sá M. J., Santos A. I., Serpa S., Miguel Ferreira C. (2021) Digitainability—Digital Competences Post-COVID-19 for a Sustainable Society. *Sustainability*, vol. 13, no 17: art. 9564.
- Savage M. (2015) *Social Class in the 21st Century*, London: Penguin.
- Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Miles A. (2013) A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*, vol. 47, no. 2, pp. 219–250.
- Scott J. (2002) Social Class and Stratification in Late Modernity. *Acta Sociologica*, vol. 45, no 1, pp. 23–35.

- Scott J. (2007) Power, Domination and Stratification: Towards a Conceptual Synthesis. *Sociologia Problemas e Práticas*, vol. 55, pp. 25–39.
- Seo H. (2021) ‘Dual’ Labour Market? Patterns of Segmentation in European Labour Markets and the Varieties of Precariousness. *Transfer: European Review of Labour and Research*, vol. 27, no 4, pp. 485–503.
- Shkaratan O. I., Ilyin V. I. (2006) *Social Stratification of Contemporary Russia and Eastern Europe: A Comparative Analysis*, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. (2008) Rossiyskoye neoetakraticeskoye obshchestvo i yego stratifikatsiya [Russian Neo-Etacratic Society and Its Stratification]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 40–50 (in Russian).
- Simon H. A. (1991) Organizations and Markets. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 5, no 2, pp. 25–44.
- Staff J., Harris A., Sabates R., Briddell L. (2010) Uncertainty in Early Occupational Aspirations: Role Exploration or Aimlessness? *Social Forces*, vol. 89, no 2, pp. 659–683.
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, New York: Bloomsbury.
- Stebbins R. A. (2017) *Serious Leisure*, London: Routledge
- Szreter S. (1984) The Genesis of the Registrar General’s Social Classification of Occupations. *British Journal of Sociology*, vol. 35, no 4, pp. 522–46.
- Tikhonova N. Ye., Mareeva S. V. (2009) *Sredniy klass: teoriya i real’nost’* [Middle Class: Theory and Reality], Moscow: Alfa-M (in Russian).
- Tikhonova N. Ye. (2011) Nizshiy klass v sotsial’noy svobode rossiyskogo obshchestva [The Lower Class in the Social Structure of Russian Society]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 24–35 (in Russian).
- Tikhonova N. Ye. (2014) *Sotsial’naya struktura Rossii: teorii i real’nost’* [Social Structure of Russia: Theories and Reality], Moscow: New Chronograph (in Russian).
- Tikhonova N. Ye. (2018b) Stratifikatsiya po zhiznennym shansom massovykh sloyev sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Stratification by Life Chances of Mass Strata in Modern Russian Society]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 53–65 (in Russian).
- Tikhonova N. Ye. (2019) Precariat and Prospects for Changes in Russian Society Social Structure. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 167–173 (in Russian).
- Tikhonova N. Ye. (ed.) (2018a) *Model’ dokhodnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhranovyye sravneniya* [Model of Income Stratification of the Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparisons], Moscow; St. Petersburg: Nestor-History (in Russian).
- Tikhonova N. Ye. (ed.) (2022) *Obshchestvo neravnykh vozmozhnostey: sotsial’naya struktura sovremennoy Rossii* [A Society of Unequal Opportunities: The Social Structure of Modern Russia], Moscow: Ves’ Mir (in Russian).

- Tikhonova N. Ye., Karavay A. V. (2017) Vliyaniye ekonomicheskogo krizisa 2014–2016 godov na zanyatost' rossiyan [The Impact of the 2014-2016 Economic Crisis on the Employment of Russian]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring) = Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, no 2, pp. 1–17 (in Russian).
- Tilly C. (1996) *Half a Job: Bad and Good Part-Time Jobs in a Changing Labor Market*, Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Toshchenko Zh. T. (2018) *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: from Protopclass to a New Class], Moscow: Nauka (in Russian).
- Tumin M. M. (1973) *Patterns of Society: Identities, Roles, Resources*, Boston, MA: Little, Brown.
- Vittersø J. (2011) Recreate or Create? Leisure as an Arena for Recovery and Change. *Positive Psychology as Social Change* (ed. R. Biswas-Diener), Dordrecht: Springer, pp. 293–308.
- Volkov V. (2000) Between Economy and the State: Private Security and Rule Enforcement in Russia. *Politics & Society*, vol. 28, no 4, pp. 483–501. Available at: <https://doi.org/10.1177/0032329200028004003>.
- Vrasti W. (2021) Struggling with Precarity: From 'More Jobs' to Post-work Politics. *Precarity and International Relations* (eds. R. Vij, T. Kazi, E. Wynne-Hughes). International Political Economy Series, Cham: Palgrave Macmillan. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51096-1_6.
- Wanous J. P., Poland T. D., Premack S. L., Davis K. S. (1992) The Effects of Met Expectations on Newcomer Attitudes and Behaviors: A Review and Meta-Analysis. *Journal of Applied Psychology*, vol. 77, no 3, pp. 288–297. Available at: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.77.3.288>.
- Warren T., Lyonette C. (2018) Good, Bad and Very Bad Part-Time Jobs for Women? Re-Examining the Importance of Occupational Class for Job Quality since the 'Great Recession' in Britain. *Work, Employment and Society*, vol. 32, no 4, pp. 747–767. Available at: <https://doi.org/10.1177/0950017018762289>.
- Watts G. (2020) COVID-19 and the Digital Divide in the UK. *The Lancet Digital Health*, vol. 2, no 8: art. e395–e396.
- Weber M. (1978) *Economy and Society* (eds G. Roth, C. Wittich), Berkeley: University of California Press.
- Weber M. (1994) *Class, Status, Party. Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (ed. D. B. Grusky), Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press.
- Weeden K., Grusky D. (2005) The Case for a New Class Map. *American Journal of Sociology*, vol. 111, no 1, pp. 141–212.
- White A., Murphy T. B. (2014) BayesLCA: An R Package for Bayesian Latent Class Analysis. *Journal of Statistical Software*, vol. 61, no 13, pp. 1–28.
- Williamson O. E. (1996) *The Mechanisms of Governance*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Wood A. J., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. (2019) Good Gig, Bad Gig: Autonomy and Algorithmic Control in the Global Gig Economy. *Work, Employment and Society*, vol. 33, no 1, pp. 56–75.

Wright E. (1989) Rethinking Once Again the Concept of Class Structure. *The Debate on Classes* (ed. E. O. Wright), New York: Verso, pp. 269–348.

Wright E. (1997) *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.

Yoon Y., Chung H. (2016) New Forms of Dualization? Labour Market Segmentation Patterns in the UK from the Late 90s until the Post-Crisis in the Late 2000s. *Social Indicators Research*, vol. 128, no 2, pp. 609–631.

Zweig F. (1961) *The Worker in an Affluent Society: Family Life and Industry*, New York: Free Press of Glencoe.

Received: October 20, 2022

Citation: Anikin V. (2022) Sotsial'naya struktura novoy Rossii: opyt primeneniya aposteriornogo podkhoda [Social Structure in new Russia: Evidence from Bayesian Latent Class Analysis]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 3, pp. 42–91. doi: [10.17323/1726-3247-2022-3-42-91](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-42-91) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Аарон Бенанав

Автоматизация и будущее труда

БЕНАНАВ Аарон (Benanav, Aaron) — научный сотрудник Берлинского университета имени Гумбольдта. Адрес: Германия, 10117, г. Берлин, ул. Георгенштрассе, д. 23.

Email: aaron.benanav@hu-berlin.edu

Перевод с английского
Николая Проценко

Публикуется с разрешения
Издательства Института
им. Гайдара

Источник: Бенанав А. (готовится к изданию) *Автоматизация и будущее труда*. М.: Издательство Института им. Гайдара. Перев. с англ.: Benanav A. 2020. *Automation and the Future of Work*. London: Verso Books.

Размышляя над вопросом, чем будут заниматься люди в автоматизированном будущем, теоретики автоматизации приходят к провокационному выводу: впереди нас ждёт массовая технологическая безработица, когда значительные группы людей утратят возможность получать заработную плату, необходимую им для выживания, а чтобы справиться с этим, необходим всеобщий базовый доход. В данной книге автор спорит с новым дискурсом автоматизации, утверждая, что гипотеза о неудержимых технологических изменениях, уничтожающих рабочие места, несостоятельна. В действительности темпы роста производительности труда замедляются, а не ускоряются. Вместе с замедлением экономического роста происходит и замедление темпов создания рабочих мест. Именно это обстоятельство, а не спровоцированное технологиями уничтожение рабочих мест и угнетает глобальный спрос на труд.

Автор книги, критикуя новый дискурс автоматизации, излагает историю того, что произошло с мировой экономикой и её рабочей силой за последние 50 лет. А. Бенанав предполагает, что перелом ситуации в пользу более человеческого будущего будет зависеть от отказа масс трудящихся на согласие с хроническим падением спроса на их труд и связанным с этим увеличением экономического неравенства.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу «Дискурс автоматизации», в которой автор предлагает систематизацию аргументов нового дискурса автоматизации, чтобы в последующих главах развернуть свои объяснения низкого спроса на труд.

Ключевые слова: дискурс автоматизации; технологические инновации; рынок труда; падение спроса на труд; безработица; капитализм.

Глава 1. Дискурс автоматизации

Стремительный прогресс в области искусственного интеллекта, машинного обучения и робототехники как будто начинает трансформировать мир труда. На самых передовых в мире заводах компании наподобие Tesla движутся в направлении «безлюдного» производства, когда полностью автоматизированные трудовые процессы, более не требующие человеческих рук, можно выполнять в темноте. Тем временем в залитых светом павильонах, где проходят выставки робототехники, демонстрируются машины, которые могут играть в пинг-понг, готовить еду, заниматься сексом и даже поддерживать диалог. Компьютеры не только генерируют новые стратегии игры в го, но и, как утверждается, пишут симфонии, которые доводят публику до слёз. Облачённые в белые лабораторные халаты или одетые в виртуальные костюмы, компьютеры уже учатся выявлять раковые заболевания, а скоро

будут задействованы для выработки позиций в правовых спорах. В Соединённых Штатах учат грузовики ездить без водителей, собаки-роботы перемещают боевое оружие через безлюдны равнины. Не наблюдаем ли мы последние дни изнурительного человеческого труда? Не приблизились ли мы к тому, чтобы отменить «райский эдикт», как некогда выразился Эдвард Беллами, поскольку люди (или, по меньшей мере, богатейшие из нас) становятся подобными богам [Bellamy 2007]?

В силу многих причин такие толки вызывают сомнение. С одной стороны, машины по-прежнему комичным образом не способны открывать двери или — увы! — складывать постиранные вещи. Роботы-охранники падают в фонтаны торговых центров. Компьютеризированные цифровые помощники могут отвечать на вопросы и переводить документы, но делают это недостаточно хорошо и не справляются с подобной работой без вмешательства человека; то же самое можно сказать и о беспилотных автомобилях¹. В 2014 г. на пике американского движения за повышение минимальной зарплаты до 15 дол. в час в Сан-Франциско висели билборды с угрожающим предупреждением: если соответствующий закон будет принят, на смену работникам фастфуда придут тачскрины. Газета «The Wall Street Journal» окрестила этот законопроект актом о трудоустройстве роботов. Однако в Европе многие в фастфуде уже работают параллельно с тачскринами, зачастую получая больше, чем такие же труженики в Соединённых Штатах [Carré, Tilly 2017; Puzder 2017]. Не преувеличены ли разговоры об автоматизации?

Пугающие истории об автоматизации на страницах газет и популярных изданий не более чем пустая болтовня. Однако на протяжении последнего десятилетия эти разговоры кристаллизовались во влиятельную социальную теорию, которая претендует не только на анализ актуальных технологий и предсказание их будущего, но и на рассмотрение последствий технологических изменений для общества в целом. Дискурс автоматизации основан на четырёх ключевых предположениях. Во-первых, в нём утверждается, что трудящихся уже вытесняют всё более совершенные машины, результатом чего становится увеличение масштабов «технологической безработицы». Во-вторых, это вытеснение является верным признаком того, что мы находимся на пороге перехода к преимущественно автоматизированному обществу, в котором почти вся работа будет выполняться самодвижущимися машинами и обладающими интеллектом компьютерами. В-третьих, хотя автоматизация и должна подразумевать коллективное освобождение человечества от изнурительного труда, мы живём в обществе, где большинству людей необходимо работать, чтобы существовать, а, стало быть, эта мечта может с лёгкостью обернуться кошмаром². В-четвёртых, единственным способом предотвращения катастрофы массовой безработицы наподобие той, что развернулась в Соединённых Штатах в 2020 г., пусть и по совершенно иным причинам, является введение всеобщего базового дохода (ВБД), который разорвёт связь между размером доходов, зарабатываемых людьми, и объёмом выполняемой ими работы.

Машины наступают

Главными пропагандистами дискурса автоматизации являются те, кто именует себя футуристами. Эрик Бриньолфсон и Эндрю Макафи в нашумевшей книге «Вторая эра машин» утверждают, что мы находимся в точке перегиба, имея в виду изменение формы кривой, при котором множество технологий, раньше существовавшие лишь в научной фантастике, становятся элементами повседневной реальности. Новые технологии предвещают невероятный «дар» (*bounty*), однако, предупреждают Бриньолфсон и Макафи, никакой экономический закон не говорит, что всем работникам или даже их большинству это принесёт какую-либо выгоду. Наоборот, поскольку с переходом к более передовым технологиям спрос на труд падает, заработные платы перестают расти, всё большая доля ежегодного

¹ См. подробнее: [Autor 2015b; Hernandez 2017].

² Эта позиция отличается от точки зрения технооптимистов наподобие Рэя Курцвейла, который воображает, что технологические изменения породят утопический мир сами собой, без необходимости трансформации общества.

дохода достаётся капиталу, а не труду. Результатом этого становится увеличение неравенства, что способно замедлить развитие в том направлении, которое Бриньольфсон и Макафи называют новой эрой машин, а в результате капиталистическая система даст сбой, и извлечение ренты отодвинет на задний план технологические инновации [Brynjolfsson, McAfee 2014].

Аналогично Мартин Форд в книге «Роботы наступают» утверждает, что мы устремляемся к принципиально новой для себя ситуации, когда снизится трудоёмкость во всех без исключения секторах экономик. Он считает, что в самом страшном сценарии, который может реализоваться в долгосрочной перспективе, мировая экономическая система в конце концов адаптируется к новой реальности, что приведёт к формированию «автоматизированного феодализма», в котором крестьяне будут просто не нужны, а элита — глуха к экономическим требованиям [Ford 2015].

По мнению упомянутых авторов, для стабилизации спроса на труд в автоматизированной экономике будет недостаточно образования и профессиональной переподготовки; потребуется внедрить некую форму гарантированного дохода (наподобие отрицательного подоходного налога), не являющегося заработной платой³.

Этот дискурс автоматизации был с энтузиазмом принят одевающейся в джинсы элитой Кремниевой долины. Билл Гейтс выступал за введение налога на роботов. Марк Цукерберг советовал новоиспечённым студентам Гарварда изучать идеи наподобие всеобщего базового дохода. Илон Маск также считает, что ВБД со временем станет всё более необходимой мерой, поскольку роботы более конкурентоспособны, чем люди, и относится это ко всё более масштабному списку профессий [Kessler 2017]. Маск дал своим беспилотным космическим кораблям компании SpaceX названия наподобие «Конечно, я по-прежнему тебя люблю» («Of Course I Still Love You») и «Просто читайте инструкции» («Just Read the Instructions»), которые он позаимствовал из научно-фантастической утопии «Культура» («Culture») Иэна М. Бэнкса. Неоднозначные утопические научно-фантастические романы Бэнкса рисуют мир постдефицита, в котором люди живут приносящей удовлетворение жизнью рядом с интеллектуальными роботами, именуемыми «разумами», не нуждаясь в рынках или государствах⁴.

Политики и их советники тоже солидаризировались с дискурсом автоматизации, который стал одним из ведущих представлений о нашем «цифровом будущем». Барак Обама в прощальном президентском обращении предположил, что причиной следующей волны дезорганизации экономики станет не внешняя торговля, а безжалостный ход автоматизации, который превратит множество качественных рабочих мест среднего класса в анахронизм. Аналогичные опасения высказывал Роберт Райх, бывший министром труда при Билле Клинтоне: скоро мы достигнем некоей точки, где технологии вытеснят настолько много рабочих мест (причём не только низкооплачиваемых, но и квалифицированных), что нам придётся всерьёз принять идею всеобщего базового дохода. То же самое признавал Лоуренс Саммерс, занимавший пост министра финансов при Клинтоне: некогда казавшиеся глупыми идеи относительно технологической безработицы теперь представляются всё более провидческими, утверждал он, поскольку зарплаты трудящихся не растут, а экономическое неравенство увеличивается. В 2020 г. дискурс автоматизации даже стал основой имевшей мало шансов на успех президентской кампании Эндрю Янга, «посланника глобального предпринимательства» при Обаме. Янг написал книгу об автоматизации под названием «Война с обычными людьми» («The War on Normal People») и провёл футу-

³ См. подробнее: [Ford 2015: 257–261; 342–347]. Среди множества ежегодно выходящих книг на тему автоматизации особняком стоят две работы: [Frey 2019; Susskind 2020]. В этих книгах, с опозданием появившихся на волне осмысления автоматизации, представлен пессимистический поворот автоматизационного дискурса. К. Фрей не считает, что автоматизация обязательно породит мир без труда; Д. Сасскинд придерживается противоположной точки зрения, однако оспаривает жизнеспособность ВБД в качестве решения проблемы.

⁴ См., например: [Banks 2000]; см. также «Заметки о культуре» И. Бэнкса: [Banks 2004].

ристическую кампанию на платформе международной благотворительной организации «Человечество прежде всего» («Humanity First»), впервые введя ВБД в мейнстрим двух поколений американской политики. Одним из сторонников Янга был Энди Стерн, бывший глава Международного союза работников сферы услуг (Service Employees International Union — SEIU), чья книга «Повышение порога: как всеобщий базовый доход может обновить нашу экономику и перестроить американскую мечту» («Raising the Floor: How a Universal Basic Income Can Renew Our Economy and Rebuild the American Dream»), вышедшая в 2016 г., является ещё одним примером дискурса автоматизации⁵.

Янг и Стерн, как и все остальные уже упомянутые авторы, всеми силами стремятся убедить читателей в том, что капитализм в том или ином виде останется с нами навсегда, даже если он должен будет избавиться от балласта в виде собственных рынков труда. В то же время признаётся влияние ультралевых фигур, предлагающих более радикальную версию дискурса автоматизации. Ник Срничек и Алекс Уилльямс в работе «Изобретая будущее» («Inventing the Future») утверждают, что новейшая волна автоматизации должна трансформировать рынок труда «кардинальным образом <...> затронув каждый аспект экономики» [Srnicek, Williams 2015: 112]. Срничек и Уилльямс считают, что только социалистическое правительство сможет реально выполнить обещание полной автоматизации, создав общество посттруда (*post-work society*) или постдефицита (*post-scarcity society*). Питер Фрейз в работе «Четыре сценария будущего: жизнь после капитализма» («Four Futures: Life after Capitalism») вдумчиво рассматривает альтернативные варианты подобного общества постдефицита в зависимости от того, останется ли в нём частная собственность или будет ли оно испытывать нехватку ресурсов, — и то и другое может сохраниться, если дефицит труда будет преодолен [Frase 2016; Saadia 2016].

Подобно либеральным сторонникам дискурса автоматизации, авторы из левого лагеря подчёркивают, что даже если появление передовой робототехники неизбежно, «это не обязательно подразумевает переход в мир посттруда» [Srnicek, Williams 2015: 127]. Срничек, Уилльямс и Фрейз являются сторонниками ВБД, однако в левом варианте этой концепции. ВБД для них — мост в «полностью автоматизированный коммунизм роскоши». В 2014 г. этот термин ввёл Аарон Бастани для обозначения возможной цели социалистической политики. Словосочетание на протяжении пяти лет использовалось как мем, пока не вышла в свет одноименная книга Бастани, где обозначены контуры автоматизированного будущего, в котором искусственный интеллект, солнечная энергия, редактирование генома, добыча полезных ископаемых на астероидах и искусственное мясо создают мир досуга и самоопределения без границ [Bastani 2019]. Понятие «коммунизма роскоши» обеспечивало необходимый противовес левой риторике коллективного самопожертвования и антиконсьюмеристской экономности.

Повторяющиеся страхи

Футуристические предвидения, исходящие из всех сегментов политического спектра, зависят от общей гипотезы по поводу траектории технологических изменений. В разгар пандемической рецессии самоуверенность, характерная для дискурса автоматизации, выросла. Хотя технологические изменения сами по себе не были причиной исчезновения рабочих мест (по меньшей мере, на сей раз), теоретики автоматизации утверждают, что распространение пандемии ускорит переход к более автоматизированному будущему. Утраченные рабочие места никогда не будут восстановлены, поскольку роботы, которые готовят еду, убирают и выбрасывают мусор, ходят за продуктами и ухаживают за детьми, не могут, в отличие от выполняющих те же задачи людей, заболеть коронавирусом и заразить им других⁶. Правы ли теоретики автоматизации?

⁵ См.: [Stern 2016; Kessler 2017; Miller 2017; Roose 2018].

⁶ Мартин Форд утверждает, что пандемия изменит потребительские предпочтения и действительно распахнёт новые возможности для автоматизации; см.: [Thomas 2020]; см. также: [Corkery, Gelles 2020; Frey 2020]. Противоположная точка зрения представлена в работе: [Simon 2020].

Чтобы ответить на этот вопрос, стоит дать пару рабочих определений. Автоматизацию отличает от прочих форм трудосберегающих технических инноваций то, что она представляет собой автоматизирующую технологию, не просто увеличивает производительные способности человека, *полностью замещающую* его труд. При наличии дополняющих труд технологий та или иная разновидность труда продолжит существовать, однако каждый занятый в ней работник будет более производителен. Например, добавление новых механизмов к автосборочной линии сделает её работу более эффективной без упразднения работы на конвейере как таковой: чтобы произвести какое-либо конкретное количество автомобилей, потребуется меньше рабочих на конвейере. Приведёт ли подобное техническое изменение к исчезновению рабочих мест, зависит от соотносительных скоростей роста производительности и выпуска в автомобильной промышленности: если выпуск растёт медленнее, чем производительность труда (а это, как мы увидим, общераспространённый случай), то в таком случае количество рабочих мест будет сокращаться. Утверждение верно даже без учёта фактора автоматизации. Напротив, подлинная автоматизация происходит всякий раз, когда, как предположил Курт Воннегут в романе «Механическое пианино» («Player Piano»; 1952 г.), «в три минуты проделывается работа, на которую перед войной уходил целый час. Хлоп!» [Vonnegut 2006 73]. Вне зависимости от того, насколько увеличивается производство, больше никогда не появятся новых телефонистов на коммутаторе или машинистов, вручную управляющих прокатным станом. В данном случае машины полностью заместили труд человека.

Значительная часть споров о будущем автоматизации рабочих мест вращается вокруг того, являются ли нынешние технологии или технологии недалёкого будущего по своему характеру замещающими труд или интенсифицирующими его, и в какой степени. Но отличить друг от друга эти два типа технических изменений сложнее, чем может показаться. Когда в магазине устанавливают четыре кассы самообслуживания, за которыми присматривает и периодически их настраивает один работник, уходит ли в прошлое профессия кассира или же каждый кассир теперь управляет тремя дополнительными устройствами? Радикальный взгляд на подобные вопросы представлен в знаменитом исследовании Школы Мартина Оксфордского университета, где выдвинуто предположение, что высокий риск автоматизации затронет 47% рабочих мест в Соединённых Штатах. В более позднем исследовании Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) прогнозируется, что высокие риски существуют для 14% рабочих мест, а ещё для 32% возможно значительное изменение способа их функционирования в силу инноваций, которые интенсифицируют труд, но не заменяют его⁷.

В действительности можно ожидать, что многих трудящихся оставят без работы оба эти типа технических изменений. Однако неясно, подразумевают ли даже самые высокие из этих оценок, что произошёл некий качественный разрыв с прошлым. Согласно одному из исследований, 57% видов работ, которые выполняли трудящиеся в 1960-х гг., сегодня больше не существуют⁸. Наряду с другими формами технических изменений, автоматизация была постоянной причиной утраты рабочих мест на протяжении долгого времени. Вопрос заключается не в том, уничтожат ли новые технологии автоматизации больше рабочих мест в будущем (в этом определено нет сомнений). Суть дела в другом: ускорили ли эти технологии, то есть передовая робототехника, искусственный интеллект и машинное обучение, темпы уничтожения рабочих мест и замедлили ли темпы создания новых рабочих мест в такой степени, что всё большее количество людей уже оказываются постоянно безработными?

Если ситуация выглядит именно так, то это полностью перевернёт нормальное функционирование капиталистических экономик. Это прозрение, на котором основана теория автоматизации, в 1983 г. наиболее сжато и точно сформулировал лауреат Нобелевской премии по экономике Василий Леонтьев.

⁷ Карл Фрей и Майкл Осборн первоначально представили своё исследование в качестве рабочего онлайн-документа для Oxford Martin School в 2013 г., а затем оно было издано; см.: [Frey, Osborne 2017]; см. также: [Nedelkoska, Quintini 2018].

⁸ См. подробнее: [Kaplan 2017].

«Эффективное функционирование автоматического ценового механизма, — пояснял он, — принципиально зависит» от одной характерной особенности современных технологий, которая заключается в том, что, вопреки стимулированию «беспрецедентного роста совокупного выпуска», эти технологии «усиливали доминирующую роль человеческого труда в большинстве разновидностей производственных процессов» [Leontief 1983: 404]. Иными словами, технологии сделали трудящихся более производительными, не отменив необходимость самого их труда. Поскольку трудящиеся продолжают получать заработную плату, они обеспечивают платёжеспособный спрос на товары и услуги. Технологический прорыв может в любой момент уничтожить этот хрупкий стержень, скрепляющий капиталистические общества. Например, универсальный искусственный интеллект способен разом упразднить многие занятия, приведя к тому, что значительные объёмы труда вообще не будут хоть как-то оплачиваться. Тогда информация о предпочтениях значительных групп населения исчезнет с рынка, что сделает его нефункциональным. Руководствуясь этим прозрением (и полагая, что подобный прорыв уже имеет место), теоретики автоматизации часто утверждают, что капитализм должен быть переходным способом производства, на смену которому придёт некая новая форма жизни, не организованная вокруг наёмного труда и финансового обмена⁹.

Автоматизация может быть устойчивой особенностью капиталистических обществ, однако то же самое нельзя утверждать применительно к теории наступающей эпохи автоматизации, которая экстраполирует отдельные примеры технологических изменений на более масштабную картину трансформации общества. В действительности в современной истории эта теория то появлялась, то исчезала. Восхищение по поводу наступающей эпохи автоматизации можно проследить, по меньшей мере, до середины XIX века, когда были опубликованы книги «Экономика технологий и производств» («Economy of Machines and Manufactures») Чарлза Бэббиджа (1832), «Рай, доступный каждому без приложения труда, посредством сил природы и механизмов...» («The Paradise within the Reach of all Men, without Labor, by Powers of Nature and Machinery...») Джона Адольфуса Этцлера (1833) и «Философия производства...» («The Philosophy of Manufactures...») Эндрю Юра (1835). В этих работах предсказывалось неизбежное появление преимущественно или полностью автоматизированных фабрик, которые функционируют с минимальным участием человеческого труда, или же он сводится просто к присмотру за машинами. Представления этих авторов оказали значительное влияние на Маркса, который утверждал в «Капитале», что сложный мир взаимодействующих друг с другом машин находился в процессе вытеснения человеческого труда из центра экономической жизни [Marx 1976: 492–508].

Об автоматизированных фабриках вновь заговорили в 1930-х, 1950-х и 1980-х гг., а затем — в 2010-х гг. Всякий раз эти предвидения сопровождались предсказаниями наступающей эпохи «катастрофической безработицы и социального краха», которые можно предотвратить только в случае реорганизации обществ [Vix 2000]¹⁰. Периодическое возобновление данного дискурса не означает, что сопровождающие его социальные предвидения следует игнорировать. С одной стороны, технологические прорывы, предсказанные дискурсом автоматизации, по-прежнему могут быть достигнуты в любой момент времени. То, что эти прогнозы не подтвердились в прошлом, ещё не означает, что так будет всегда. Более того, подобные представления об автоматизации явно оказались продуктивными в социальном смысле: они указывают на определённые утопические возможности, скрыто присутствующие в капиталистических обществах. В самом деле, некоторые из наиболее прозорливых социалистов XX века (такие как Герберт Маркузе, Джеймс Боггс и Андре Горц) либо сами были теоретиками автоматизации, либо вдохновлялись этими идеями.

⁹ Джон Мейнард Кейнс аналогичным образом отреагировал на собственное открытие: в рамках капиталистических экономик отсутствует какой-либо механизм, автоматически порождающий полную занятость; см.: [Keynes 1932; Beveridge 1944].

¹⁰ См. также: [Smith 2017].

Принимая во внимание периодическое возвращение к теории автоматизации, её можно рассматривать в качестве стихийного дискурса капиталистических обществ, который в силу сочетания системных и случайных причин вновь и вновь возникает в них в качестве способа представить нечто за их пределами и помыслить об этом. Дискурс автоматизации периодически вызывает к жизни глубокая обеспокоенность функционированием рынка труда: на нём попросту слишком мало рабочих мест для слишком большого количества людей. Почему рынок не способен предоставить рабочие места для нуждающихся в них трудящихся? Сторонники дискурса автоматизации связывают эту проблему низкого спроса на труд со стремительно ускоряющимися технологическими изменениями¹¹.

Слишком мало рабочих мест

То обстоятельство, что сегодня дискурс автоматизации вновь приобрёл столь масштабное звучание, связано с постоянным присутствием вокруг нас последствий, которые приписываются влиянию автоматизации: глобальному капитализму *не удаётся* обеспечить рабочие места для множества нуждающихся в них людей. Иными словами, сложился хронически низкий спрос на труд, причём статистика безработицы не регистрирует этот момент адекватным образом¹². Недостаточный спрос на труд выражался в более значительных скачках безработицы во время рецессий, как это произошло во время пандемической рецессии 2020 г., и в том, что выход из них всё чаще происходит без создания новых рабочих мест (вероятно, это явление будет характерно и для периода после пандемической рецессии) [Venanav 2020].

Но низкий спрос на труд также находил отражение в росте неполной занятости, о чём свидетельствует сокращение доли всех доходов, получаемых в отдельно взятый год, приходящейся на заработные платы, а не на прибыли¹³. Экономисты мейнстрима давно считали устойчивость доли труда в доходах неким условным подтверждением роста экономики, который, как предполагалось, гарантирует, что успехи в экономическом развитии распространяются на массы населения. Несмотря на значительные инвестиции так называемого человеческого капитала в виде растущего уровня образования и более здорового образа жизни, доля труда в доходах стран «Большой семёрки» на протяжении нескольких десятилетий падала (см. рис. 1).

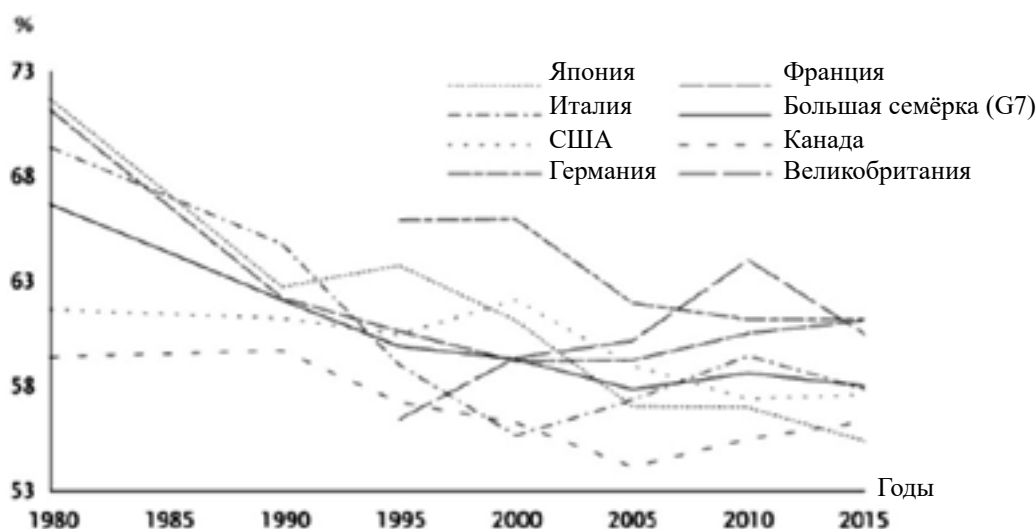
Подобные изменения сигнализируют о радикальном снижении способности трудящихся диктовать свои условия работодателям. При этом типичный работник столкнулся с ещё более суровыми реалиями, чем можно было бы предположить, основываясь на приведённых статистических данных, поскольку рост заработных плат стал всё в большей степени искажаться в пользу получателей наиболее высоких доходов — того самого печально известного верхнего 1%. Расширился разрыв не только между средними темпами роста производительности труда и заработной платы (что в итоге и заставляет падать долю труда в доходах), но и между темпами роста средней и медианной заработной платой (что свидетельствует о перемещении трудовых доходов от работников, занятых в производстве и не участвующих в управлении, к менеджерам и главам компаний). В результате множеству трудящихся

¹¹ В современной истории также существуют две мрачные теории хронической нехватки спроса на труд. Их интерпретаторы иногда обращались за объяснением этого феномена к демографической динамике в духе Мальтуса, а иногда — к вымышленным свидетельствам того, что еврейские банкиры манипулируют денежным предложением; см.: [Postone 1980; Angus, Butler 2011].

¹² О том, как Федеральная резервная система (ФРС) США утратила веру в полную занятость, см., например: [Smialek, Collins 2019]. В самой ФРС Р. Джейсон Фейбермен и его коллеги объясняют свою точку зрения тем, что после кризиса 2008 г. категория «уровень безработицы» охватывала «только некую часть потенциального сокращения рынка труда», поскольку существуют работники, потерявшие мотивацию к поиску работы, работники с неполной занятостью в части времени и потенциала заработной платы; см.: [Faberman et al. 2020]. Разумеется, пандемическая коронавирусная рецессия сделала многие из этих споров умозрительными.

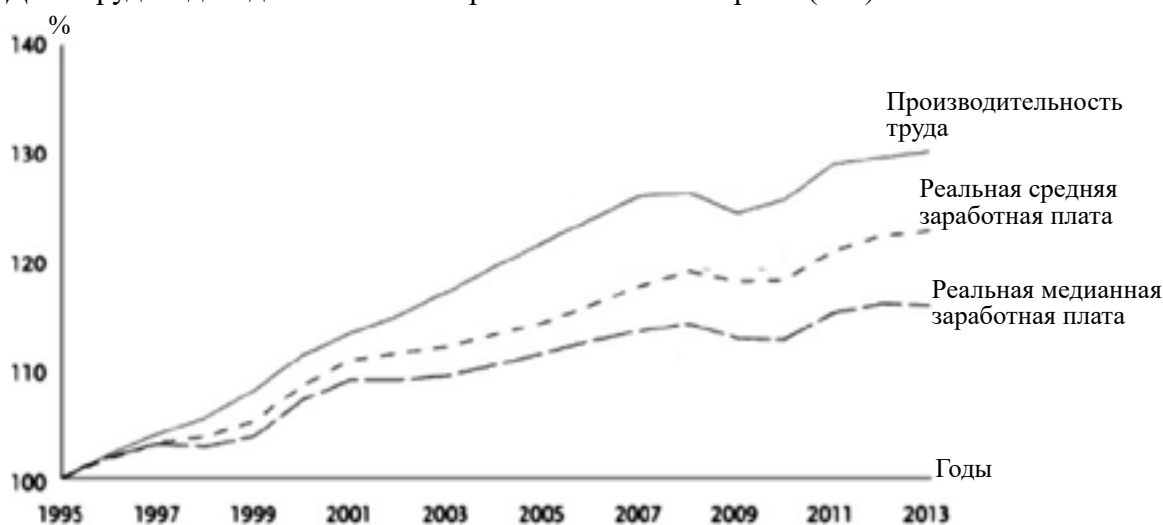
¹³ Оценки доли труда в глобальном масштабе включают доходы от самозанятости, поскольку в странах с низкими доходами многие люди трудятся сами на себя или являются семейными работниками, не получающими оплату за свой труд.

достаётся исчезающе малая доля экономического роста (см. рис. 2)¹⁴. В подобных условиях растущее экономическое неравенство можно сдерживать только силой перераспределительных программ. Однако «политика социальной солидарности» со временем ослабевает¹⁵. Указанные тренды беспокоят даже критиков дискурса автоматизации (например, экономистов Дэвида Отора и Роберта Гордона): в экономике что-то пошло не так, и это привело к низкому спросу на труд¹⁶.

Источник: OECD Compendium of Productivity Indicators 2017, Ch. 1, Fig. 1.8. URL: <https://doi.org/10.1787/pdtvy-2017-en>

Рис. 1. Доля труда в доходах экономик стран «Большой семёрки» (G 7). 1980–2015 гг.

Источник: OECD Economic Outlook. 2018, iss. 2, Ch. 2, Fig. 2.2.

Примечание: 1995 г. = 100%. Приведены данные о средневзвешенной занятости по 24 странам, включая Финляндию, Германию, Японию, Южную Корею, США, Францию, Италию, Швецию, Австрию, Бельгию, Великобританию, Австралию, Испанию, Чехию, Данию, Венгрию, Польшу, Нидерланды, Норвегию, Канаду, Новую Зеландию, Ирландию, Израиль и Словакию; см. подробнее: OECD Economic Outlook, vol. 2018, iss. 2, Ch. 2, Fig. 2.2

Рис. 2. Разрыв между производительностью труда и заработными платами в странах ОЭСР. 1995–2013 гг.

¹⁴ См.: [Bivens, Mishel 2015; Pasimeni 2018].

¹⁵ См.: [Thelen 2014].

¹⁶ См.: [Autor 2015a: 257; Gordon 2016: 604].

Были ли стремительно ускоряющиеся технологические изменения причиной низкого спроса на труд, как предполагают сторонники теории автоматизации? Я присоединюсь к утверждению критиков этой теории, что это не так. Но вместе с тем я подвергну критике и самих этих критиков — как за то, что они дают альтернативные объяснения хронически низкого спроса на труд, применимые только к странам с высокими доходами, так и за то, что им не удаётся представить сколько-нибудь радикальный взгляд на социальные изменения, адекватный масштабу глобальной проблемы недостаточного спроса на труд, которой уже долго охвачена мировая экономика, а в предстоящие годы из-за коронавируса ситуация, вероятно, ухудшится. Следует с самого начала сказать и о том, что я в большей степени симпатизирую левому крылу дискурса автоматизации, нежели любому из его критиков.

Даже если предлагаемые теоретиками автоматизации объяснения окажутся неверными, они, по меньшей мере, привлекли внимание всего мира к реально существующей проблеме устойчиво низкого спроса на труд. Кроме того, были предприняты блестящие усилия, чтобы предложить решения этой проблемы, имеющие в широком смысле освободительную природу. Теоретики автоматизации являются утопистами нашей эпохи позднего капитализма¹⁷. В мире, не успевшем оправиться от последствий глобальной пандемии, в мире растущего неравенства, твердокаменного неолиберализма, поднимающего голову этнического национализма и надвигающейся угрозы климатических изменений теоретики автоматизации сумели пронести через все эти катастрофы своё видение будущего, где человечество переходит на новый этап истории (что бы это ни значило), а технологии помогают нашему всеобщему освобождению, позволяя открывать новое и заниматься тем, что доставляет истинное удовольствие. Всё это верно, даже несмотря на то, что, как и многие утопии прошлого, эти прозрения необходимо освободить от технократических фантазий их авторов относительно того, каким образом могут произойти созидательные социальные изменения.

В последующих главах в ответ на дискурс автоматизации будут выдвинуты четыре контраргумента. Во-первых, я утверждаю, что падение спроса на труд в последние десятилетия происходило не в силу беспрецедентного скачка технологических инноваций, а из-за продолжающихся технических изменений в условиях углубляющейся экономической стагнации. Во-вторых, я полагаю, что этот недостаточный спрос на труд, как правило, проявлялся не в виде массовой безработицы, а в виде хронической *неполной занятости* или *недозанятости* (underemployment). В-третьих, я обращаю внимание на то, что возникший в результате этой тенденции мир плохо оплачиваемых работников будет и дальше приниматься или даже приветствоваться элитами. Это означает, что технологические успехи никоим образом не будут предполагать автоматическое внедрение технократических решений наподобие всеобщего базового дохода (хотя даже в случае введения ВБД гораздо более вероятно, что он будет поддерживать на плаву мир масштабного неравенства, а не поможет его низвергнуть). В-четвёртых, я объясняю, каким образом мы можем создать мир изобилия даже без полной или почти полной автоматизации производства, после чего намечаю путь, следуя которому, мы можем оказаться в этом мире благодаря социальной борьбе, а не административному вмешательству.

Исторически крупные изменения в социальной политике осуществлялись только под серьёзным давлением наподобие угрозы коммунизма или цивилизационного коллапса. Сегодня политические реформы могут возникнуть в ответ на давление, исходящее от нового массового социального движения, целью которого является изменение базовой структуры социального порядка. Вместо того чтобы опасаться этого движения, мы должны рассматривать себя в качестве его части, помогать формулировать его цели и пути движения вперёд. Если это движение потерпит неудачу, лучшее, что мы, возможно, получим, это ВБД, однако подобная перераспределительная реформа не должна быть нашей целью. Мы должны стремиться к миру постдефицита, и передовые технологии помогут нам достичь этой цели, даже если полная автоматизация производства недостижима, а то и нежелательна.

¹⁷ См.: [Jameson 2005].

Возвращение дискурса автоматизации стало симптомом нашей эпохи, как это бывало и в прошлые времена. Прежде такой дискурс возникал в те моменты, когда разрыв между предложением рабочих мест и спросом на них становился значительным, в результате чего слишком многим приходилось вести борьбу за то, чтобы найти хоть какую-то работу, и люди начинали сомневаться в жизнеспособности общества, регулируемого рынком. Ещё до того, как разразился коронавирус, слом механизма рынка труда принял более экстремальный характер, чем когда бы то ни было прежде. Это объясняется тем, что последние полвека ещё больше людей зависят от продажи своего труда (или простых его продуктов) для выживания на фоне снижения темпов роста мировой экономики. Наша сегодняшняя реальность лучше описывается научно-фантастическими антиутопиями о недалёком будущем, нежели типовым экономическим анализом. Мы живём на раскалённой планете с микродронами, летающими над головами уличных корабейников и рикш, в мире, где богатые живут в охраняемых и оборудованных климатическим контролем сообществах, тогда как все прочие тратят своё время на бессмысленные занятия, играя в видеоигры на смартфонах. Нам необходимо выскочить из этой эпохи и войти в другую.

Будущее постдефицита, где все без исключения люди обладают гарантированным доступом ко всему, что необходимо для жизни, может стать той базой, на которой человечество начнёт борьбу с изменениями климата. Кроме того, будущее постдефицита может быть основанием, на котором мы перестроим мир, создав условия, когда, по словам Джеймса Боггса, «впервые в человеческой истории огромные массы людей будут свободны для исследования и размышления, для вопросов и созидания, для обучения и преподавания, не скованные страхом относительно того, где им найти пропитание в следующий раз» [Boggs 2011: 219]. Чтобы прийти к этому будущему постдефицита, нам нужно разорвать связь не только между трудом и доходом, что признают теоретики автоматизации, но и между прибылью и доходом, чего многие не признают.

Литература

- Angus I., Butler S. 2011. *Too Many People? Population, Immigration, and the Environmental Crisis*. Chicago, IL: Haymarket.
- Atkinson R., Wu J. 2017. False Alarmism: Technological Disruption and the US Labor Market, 1850–2015. *Information Technology and Innovation Foundation*. URL: <https://www2.itif.org/2017-false-alarmism-technological-disruption.pdf>
- Autor D. 2015a. Paradox of Abundance: Automation Anxiety Returns. In: Rangan S. (ed.) *Performance and Progress: Essays on Capitalism, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press; 237–260.
- Autor D. 2015b. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation. *Journal of Economic Perspectives*. 29 (3): 3–30.
- Banks I. M. 2000. *Look to Windward*. New York: Pocket Books. См. также рус. перев.: Бэнкс И. 2018. *Смотри в лицо ветру*. М.: Азбука-Аттикус.
- Banks I. M. 2004. *State of the Art*. San Francisco: Night Shade Books.
- Bastani A. 2019. *Fully Automated Luxury Communism: A Manifesto*. London: Verso.
- Bellamy E. 2007 (1888). *Looking Backward, 2000–1887*. Oxford: Oxford University Press. См. также рус. перев.: Беллами Э. 2019. Через сто лет. В сб.: *Утопия XIX века. Проекты рая*. М.: АСТ; 137–376.

- Benanav A. 2020. Crisis and Recovery. *Phenomenal World*, April 3. URL: <https://www.phenomenalworld.org/analysis/crisis-and-recovery/>
- Beveridge W. 1944. *Full Employment in a Free Society*. London: George Allen & Unwin.
- Bivens J., Mishel L. 2015. Understanding the Historic Divergence between Productivity and a Typical Worker's Pay. *EPI Briefing Paper*. 406 (September).
- Bix A. S. 2000 *Inventing Ourselves out of Jobs: America's Debate over Technological Unemployment, 1929–1981*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Boggs J. 2011. Manifesto for a Black Revolutionary Party. In: Ward S. M. (ed.) *Pages from a Black Radical's Notebook: A James Boggs Reader*. Detroit: Wayne State University Press; 195–228.
- Brynjolfsson E., McAfee A. 2014. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York: W. W. Norton. См. также рус. перев.: Бриньольфсон Э., Макафи Э. 2017. *Вторая эра машин*. М.: АСТ.
- Carré F., Tilly C. 2017. *Where Bad Jobs Are Better: Retail Jobs across Countries and Companies*. New York: Russell Sage Foundation.
- Corkery M., Gelles D. 2020. Robots Welcome to Take Over, as Pandemic Accelerates Automation. *New York Times*. April 20.
- Faberman R. J. et al. 2020. The Shadow Margins of Labor Market Slack. *NBER Working Paper*. 26852, March.
- Ford M. 2015. *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. New York: Basic Books. См. также рус. перев.: Форд М. 2016. *Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы*. М.: Альпина Паблишер.
- Frase P. 2016. *Four Futures: Life after Capitalism*. London: Verso.
- Frey C. B. 2019. *The Technology Trap: Capital, Labor, and Power in the Age of Automation*. Princeton: Princeton University Press.
- Frey C. B. 2020. Covid-19 Will Only Increase Automation Anxiety. *Financial Times*. April 21.
- Frey C., Osborne M. 2017. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerization? *Technological Forecasting and Social Change*. 114 (January): 254–280.
- Gordon R. J. 2016. *Rise and Fall of American Growth*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hernandez D. 2017. How to Survive a Robot Apocalypse: Just Close the Door. *Wall Street Journal*. November 10.
- Jameson F. 2005. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. London: Verso.
- Kaplan J. 2017. Don't Fear the Robots. *Wall Street Journal*. July 21.

- Kessler A. 2017. Zuckerberg's Opiate for the Masses. *The Wall Street Journal*. June 18.
- Keynes J. M. 1932. Economic Possibilities for Our Grandchildren. In: Keynes J. M. *Essays in Persuasion*. New York: Harcourt Brace; 358–373. См. также рус. перев.: Кейнс Д. М. 2009. Экономические возможности наших внуков. *Вопросы экономики*. 6: 60–69.
- Leontief W. 1983. Technological Advance, Economic Growth, and the Distribution of Income. *Population and Development Review*. 9 (3): 403-410.
- Marx K. 1976 (1867). *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 1. London: Penguin Classics. См. также рус. перев.: Маркс К. 1960. Капитал. Т. I. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 23. М.: Госполитиздат.
- Miller C. C. 2017. A Darker Theme in Obama's Farewell: Automation Can Divide Us. *The New York Times*. January 12.
- Nedelkoska L., Quintini G. 2018. Automation, Skills Use, and Training. *OECD Social, Employment, and Migration Working Papers*. 202.
- Pasimeni P. 2018. The Relation between Productivity and Compensation in Europe. *European Commission Discussion Paper*. 079. March.
- Porter E. 2016. Jobs Threatened by Machines: A Once 'Stupid' Concern Gains Respect. *The New York Times*. June 7.
- Postone M. 1980. Anti-Semitism and National Socialism: Notes on the German Reaction to "Holocaust". *New German Critique*. 19 (S 1): 97–115.
- Puzder A. 2017. The Minimum Wage Should Be Called the Robot Employment Act. *The Wall Street Journal*. April 3.
- Roose K. 2018. His 2020 Campaign Message: The Robots Are Coming. *The New York Times*. February 12.
- Saadia M. 2016. *Treconomics: The Economics of Star Trek*. Oakland, CA: Inkshares.
- Simon M. 2020. If Robots Steal So Many Jobs, Why Aren't They Saving Us Now? *Wired Magazine*. March 23.
- Smialek J., Collins K. 2019. How the Fed Lost Its Faith in 'Full Employment'. *The New York Times*. December 12.
- Smith J. 2017. Nowhere to Go: Automation, Then and Now. *Brooklyn Rail*. April. URL: <https://brooklynrail.org/2017/04/field-notes/Nowhere-to-Go-Automation-Then-and-Now-Part-Two>
- Srnicek N., Williams A. 2015. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. London: Verso,. См. также рус. перев. Срничек Н., Уильямс А. 2019. *Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда*. М.: Strelka Press.
- Stern A. 2016. *Raising the Floor: How a Universal Basic Income Can Renew Our Economy and Rebuild the American Dream*. New York: Public Affairs.

- Susskind D. 2020. *A World without Work: Technology, Automation, and How We Should Respond*. New York: Metropolitan. См. также рус. перев.: Сасскинд Д. 2020. *Будущее без работы. Технологии автоматизация и стоит ли их бояться*. М.: Индивидуум.
- Thelen K. 2014. *Varieties of Liberalization and the New Politics of Social Solidarity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomas Z. 2020. Coronavirus: Will Covid-19 Speed Up the Use of Robots to Replace Human Workers? *BBC News*. April 19.
- Vonnegut K. 2006 (1952) *Player Piano*. New York: Dial Press. См. также рус. перев.: Воннегут К. 2018. *Механическое пианино*. М.: АСТ.
- Yang A. 2018. *The War on Normal People: The Truth about America's Disappearing Jobs and Why Universal Basic Income Is Our Future*. New York: Hachette.

NEW TRANSLATIONS

Aaron Benanav

Automation and the Future of Work (excerpt)

BENANAV, Aaron — Post-Doctoral Researcher, Humboldt Universität zu Berlin, 2020-2022. Address: Georgenstraße 23 10117 Berlin, Germany.

Email: aaron.benanav@hu-berlin.edu

Translated into Russian by Nikolai Protsenko

Source: Benanav A. (2020) *Automation and the Future of Work*, London: Verso Books.

development in the last 50 years. The author further believes that the majority of employed people will stop being tolerant of the chronic decline in demand for labor and resulting economic inequality, which will turn the world towards a more humanized future.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the first chapter “Discourse of Automation” in which the author systematizes arguments of the new automation discourse in order to provide his explanations for the declining demand for labor in the next chapters.

Keywords: automation discourse; techno-innovation; labor; job crisis; unemployment; capitalism.

References

Angus I., Butler S. (2011) *Too Many People? Population, Immigration, and the Environmental Crisis*, Chicago, IL: Haymarket.

Atkinson R., Wu J. (2017) False Alarmism: Technological Disruption and the US Labor Market, 1850–2015. *Information Technology and Innovation Foundation*. Available at: <https://www2.itif.org/2017-false-alarmism-technological-disruption.pdf> (accessed 12 May 2022).

Autor D. (2015a) Paradox of Abundance: Automation Anxiety Returns. *Performance and Progress: Essays on Capitalism, Business, and Society* (ed. S. Rangan), Oxford: Oxford University Press, pp. 237–260.

Autor D. (2015b) Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 29, no 3, pp. 3–30.

Banks I. M. (2000) *Look to Windward*, New York: Pocket Books.

Abstract

Thinking over what people will do in the automatized future, researchers come to the conclusion: we will meet mass technologically-based unemployment, and we will be able to cope with it only by accepting universal basic income as major social groups will lose an opportunity to earn enough money for living. In this book the author critiques the new automation discourse, rejecting the hypothesis that overwhelming technological changes result in destroying jobs. In reality, changes in labor productivity are slowing not speeding up. Coupling with the decline in economic growth, the creation of new jobs is also down. Namely, this fact, and not technological innovations, is responsible for squeezing the demand for labor.

In this book, the author opposes the new wave of automation discourse, and suggests his version of history of the global economy and labor develop-

- Banks I. M. (2004) *State of the Art*, San Francisco: Night Shade Books.
- Bastani A. (2019) *Fully Automated Luxury Communism: A Manifesto*, London: Verso.
- Bellamy E. (2007 [1888]) *Looking Backward, 2000–1887*, Oxford: Oxford University Press.
- Benanav A. (2020) Crisis and Recovery. *Phenomenal World*, April 3. Available at: <https://www.phenomenal-world.org/analysis/crisis-and-recovery/> (accessed 12 May 2022).
- Beveridge W. (1944) *Full Employment in a Free Society*, London: George Allen & Unwin.
- Bivens J., Mishel L. (2015) Understanding the Historic Divergence between Productivity and a Typical Worker's Pay. *EPI Briefing Paper*, no 406, September.
- Bix A. S. (2000) *Inventing Ourselves out of Jobs: America's Debate over Technological Unemployment, 1929–1981*, Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Boggs J. (2011) Manifesto for a Black Revolutionary Party. *Pages from a Black Radical's Notebook: A James Boggs Reader* (ed. S. M. Ward), Detroit: Wayne State University Press, pp. 195–228.
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2014) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*, New York: W. W. Norton.
- Carré F., Tilly C. (2017) *Where Bad Jobs Are Better: Retail Jobs across Countries and Companies*, New York: Russell Sage Foundation.
- Corkery M., Gelles D. (2020) Robots Welcome to Take Over, as Pandemic Accelerates Automation. *The New York Times*, April 20.
- Faberman R. J., Mueller A. I., Sahin A., Topa G. (2020) The Shadow Margins of Labor Market Slack. NBER Working Paper, no 26852, March.
- Ford M. (2015) *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*, New York: Basic Books.
- Frase P. (2016) *Four Futures: Life after Capitalism*, London: Verso.
- Frey C. B. (2019) *The Technology Trap: Capital, Labor, and Power in the Age of Automation*, Princeton: Princeton University Press.
- Frey C. B. (2020) Covid-19 Will Only Increase Automation Anxiety. *Financial Times*, April 21.
- Frey C., Osborne M. (2017) The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerization? *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 114, January, pp. 254–280.
- Gordon R. J. (2016) *Rise and Fall of American Growth*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hernandez D. (2017) How to Survive a Robot Apocalypse: Just Close the Door. *The Wall Street Journal*, November 10.

- Jameson F. (2005) *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*, London: Verso.
- Kaplan J. (2017) Don't Fear the Robots. *The Wall Street Journal*, July 21.
- Kessler A. (2017) Zuckerberg's Opiate for the Masses. *The Wall Street Journal*, June 18.
- Keynes J. M. (1932) Economic Possibilities for Our Grandchildren. *Essays in Persuasion*, New York: Harcourt Brace, pp. 358–373.
- Leontief W. (1983) Technological Advance, Economic Growth, and the Distribution of Income. *Population and Development Review*, vol. 9, no 3, pp. 403–410.
- Marx K. (1976 [1867]) *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 1, London: Penguin Classics.
- Miller C. C. (2017) A Darker Theme in Obama's Farewell: Automation Can Divide Us. *The New York Times*, January 12.
- Nedelkoska L., Quintini G. (2018) Automation, Skills Use, and Training. *OECD Social, Employment, and Migration Working Papers*, no 202.
- Pasimeni P. (2018) The Relation between Productivity and Compensation in Europe. *European Commission Discussion Paper*, no 079, March.
- Porter E. (2016) Jobs Threatened by Machines: A Once 'Stupid' Concern Gains Respect. *The New York Times*, June 7.
- Postone M. (1980) Anti-Semitism and National Socialism: Notes on the German Reaction to *Holocaust*. *New German Critique*, vol. 19, no S1, pp. 97–115.
- Puzder A. (2017) The Minimum Wage Should Be Called the Robot Employment Act. *The Wall Street Journal*, April 3.
- Roose K. (2018) His 2020 Campaign Message: The Robots Are Coming. *The New York Times*, February 12.
- Saadia M. (2016) *Treconomics: The Economics of Star Trek*, Oakland, CA: Inkshares.
- Simon M. (2020) If Robots Steal So Many Jobs, Why Aren't They Saving Us Now? *Wired Magazine*, March 23.
- Smialek J., Collins K. (2019) How the Fed Lost Its Faith in 'Full Employment'. *The New York Times*, December 12.
- Smith J. (2017) Nowhere to Go: Automation, Then and Now. *Brooklyn Rail*, April. Available at: <https://brooklynrail.org/2017/04/field-notes/Nowhere-to-Go-Automation-Then-and-Now-Part-Two> (accessed 12 May 2022).
- Srnicek N., Williams A. (2015) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*, London: Verso, p. 112.

Stern A. (2016) *Raising the Floor: How a Universal Basic Income Can Renew Our Economy and Rebuild the American Dream*, New York: Public Affairs.

Susskind D. (2020) *A World without Work: Technology, Automation, and How We Should Respond*, New York: Metropolitan.

Thelen K. (2014) *Varieties of Liberalization and the New Politics of Social Solidarity*, Cambridge: Cambridge University Press.

Thomas Z. (2020) Coronavirus: Will Covid-19 Speed Up the Use of Robots to Replace Human Workers? *BBC News*, April 19.

Vonnegut K. (2006 [1952]) *Player Piano*, New York: Dial Press.

Yang A. (2018) *The War on Normal People: The Truth about America's Disappearing Jobs and Why Universal Basic Income Is Our Future*, New York: Hachette.

Received: March 5, 2022

Citation: Benanav A. (2022) Avtomatizatsiya i budushchee truda [Automation and the Future of Work (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 3, pp. 92–108. doi: [10.17323/1726-3247-2022-3-92-108](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-92-108) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Л. Н. Нацун, О. Н. Калачикова

Вклад вспомогательных репродуктивных технологий в воспроизводство населения России и социальные аспекты их применения¹

НАЦУН Лейла Натиговна — научный сотрудник лаборатории исследования проблем управления в социальной сфере отдела исследования уровня и образа жизни населения Федерального бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Адрес: 160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а.

Email: leyla.natsun@yandex.ru

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) воспринимаются в современном обществе как один из способов повышения рождаемости населения. Несмотря на то что их результативность растёт, в частности увеличивается доля успешных циклов, приводящих к беременности и родам, вклад в общее число рождений остаётся скромным — всего 2% (по состоянию на 2018 г.). Роль ВРТ определяется в большей степени их социальной значимостью: развитие данной сферы предоставляет возможность рождения детей тем семейным парам, которые имеют проблемы с репродуктивным здоровьем. В настоящем исследовании показано, какие факторы препятствуют обращению населения к ВРТ, проведена оценка доли семей, составляющих контингент потенциальных пользователей данных услуг. Ключевым фактором, определяющим готовность обратиться к вспомогательным репродуктивным технологиям, служит наличие у семьи нереализованных репродуктивных планов. Во всех регионах у респондентов, которые демонстрировали готовность прибегнуть к ВРТ для рождения детей, наблюдался существенный разрыв между планируемым и фактическим числом детей в семье. Такие семьи преимущественно были благополучными и проявляли готовность пойти на риски, сопутствующие ВРТ (например, связанные с более высокой вероятностью рождения двойни). В заключительной части работы сформулированы выводы в отношении перспектив расширения использования ВРТ в регионах России. Показано, что наиболее значительными барьерами, ограничивающими этот рост, оказываются относительно настороженное восприятие со стороны населения и сохранение платности некоторых сопутствующих процедур для пациентов.

Ключевые слова: репродуктивное поведение; репродуктивное здоровье; воспроизводство населения; вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ); этические аспекты применения ВРТ; социологическое исследование; демографическая политика.

Введение

Для Российской Федерации, как и для большинства развитых стран мира, одним из актуальных вызовов в области демографического развития явля-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00256 — «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России». Руководитель проекта — д. социол. н. Т. К. Ростовская; основные исполнители — Е. Н. Васильева, О. Н. Калачикова, А. А. Шабунова.

КАЛАЧИКОВА Ольга Николаевна —

канд. эконом. наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом исследования уровня и образа жизни населения, ведущий научный сотрудник Федерального бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Адрес: 160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького 56а.

Email: onk82@yandex.ru

ется низкая рождаемость, не обеспечивающая простое воспроизводство населения. В мировой практике разработаны различные стратегии, направленные на решение данной проблемы. Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) стали неотъемлемой частью таких программных разработок. Интерес к ним обусловлен развитием современных медицинских технологий, позволяющих в достаточной мере минимизировать риски для здоровья клиентов. Обращение к ВРТ полностью согласуется с новым стилем репродуктивного поведения, который складывается в странах европейского региона. Отличительными чертами этого стиля являются откладывание рождения детей на поздние репродуктивные возрасты, ориентация на одно- или двухдетность [Козлова, Секички-Павленко 2020], повышение осознанности родительства как особой социальной роли, распространение в обществе нетрадиционных форм семьи и брака.

В то же время восприятие ВРТ в обществе неоднозначно, как неоднозначно и отношение разных социально-демографических групп к новому стилю репродуктивного поведения. Широко обсуждаются правовые и этические аспекты регулирования использования вспомогательных репродуктивных технологий [Душина et al. 2016; Телегина, Грасько 2018; Чернявская 2018], социальные последствия их применения [Богомякова, Ломоносова 2017], в том числе риски, связанные с возможностью выбора пола будущих детей [Русанова 2020]. Демографический эффект от применения ВРТ был проанализирован в работе Р. В. Нифантовой и Н. В. Кривенко [Нифантова, Кривенко 2014]. Актуальным направлением является изучение здоровья женщин с многоплодной беременностью, в том числе индуцированной применением ВРТ [Баранов, Токова, Тадевосян 2011]. Поскольку часть услуг, связанных с применением ВРТ, остаются платными для населения, развитие их рынка рассматривается с позиций экономики и экономической социологии. В рамках социологических исследований анализируется социально-демографический портрет тех, кто планирует прибегнуть к ВРТ для рождения детей в семье, а также новое понимание материнства, складывающееся в обществе в связи с распространением этих практик [Исупова, Русанова 2010; Исупова 2014]. Пересечение данных тематик предоставляет возможности более углубленного исследования воздействия репродуктивных установок и поведения населения на процессы воспроизводства. Можно предположить, что ВРТ воспринимаются как сравнительно инновационная практика и скорее находят отклик в тех слоях общества, где приветствуются креативность, стремление к новому, а влияние традиций сведено к минимуму. Отношение к ВРТ в общественном сознании формируется в том числе через призму восприятия современных тенденций развития института семьи, поэтому следует, с одной стороны, разграничивать данные предметные области в ходе исследования, а с другой — анализировать полученные результаты в их взаимосвязи.

Цель настоящего исследования — выявление отношения населения к применению ВРТ и оценка текущего и потенциального вклада ВРТ в увеличение рождаемости населения России. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- анализ вклада рождений, обеспеченных вспомогательными репродуктивными технологиями, в показатели рождаемости;
- определение на основе данных репрезентативного социологического исследования социального портрета респондентов, которые готовы прибегнуть к вспомогательным репродуктивным технологиям;
- выявление социально-экономических факторов, ограничивающих применение ВРТ.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составили открытые статистические данные о применении вспомогательных репродуктивных технологий в России, данные тематических российских и зарубежных исследований, результаты социологического опроса населения, проведённого в 2020 г. в 10 регионах в рамках исследования «Демографическое самочувствие регионов России» [Демографическое самочувствие России 2020]. Метод проведения выборочного социологического обследования — анкетный опрос. «В опросе реализована многоступенчатая типологическая выборка, где на первом этапе отобраны территории для проведения опроса и типы поселений (городские и сельские населённые пункты). На втором этапе в каждом из выбранных регионов осуществлён систематический отбор (квотная выборка с учётом возрастных групп респондентов, пола, сферы профессиональной деятельности). Путём использования многоступенчатой выборки достигается высокая точность результатов, доверительный интервал расчёта данных составит для общероссийской выборки $\pm 0,4\%$ (при уровне достоверности 99,7%), для региональных выборок $\pm 4\%$ (при уровне достоверности 95,4%). Результаты репрезентативны для России в целом и для включённых в выборочную совокупность регионов» [Демографическое самочувствие России 2020]. Число участников опроса составило 5616 человек, из которых 308 человек проживали в Ивановской области, 610 — в Московской области, 621 — в Москве, 619 — в Свердловской области, 618 — в Волгоградской, 606 — в Ставропольском крае, 604 — в Республике Башкортостан, 562 — в Вологодской области, 556 — в Республике Татарстан, 512 — в Нижегородской области. Параметры выборки по каждому региону приводятся в тексте доклада, опубликованного по результатам исследования, проведённого в 2020 г. [Ростовская, Шабунова 2021].

Вклад ВРТ в рождаемость

Российская Федерация входит в число лидеров как по количеству реализуемых циклов ВРТ, так и по уровню их результативности. По данным Европейского общества репродукции человека и эмбриологии (European Society of Human Reproduction and Embryology — ESHRE), в 2017 г. наибольший вклад в рождаемость вспомогательные репродуктивные технологии внесли в Испании, где благодаря их применению появились 30 898 детей (8% от всех новорождённых). В остальных странах вклад в рождаемость был заметно ниже, а результативность применения ВРТ существенно различалась. В числе лидеров по показателю доли циклов экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), завершённых рождением детей, оказались такие страны, как Австрия, Великобритания, Украина и Беларусь. Тот же показатель для циклов интрацитоплазматической инъекции сперматозоида (ИКСИ) был наиболее высоким в Великобритании, Беларуси и Австрии, а для циклов с переносом размороженных эмбрионов (РЭ) — в Украине, Великобритании, Австрии и России. При этом Россия находилась на первом месте по абсолютному числу выполненных циклов ЭКО и ИКСИ и на втором месте после Украины по числу выполненных циклов с переносом размороженных эмбрионов [Wyns et al. 2021] (см. табл. 1).

Таблица 1

Число и результативность циклов вспомогательных репродуктивных технологий в европейских странах*

Страны	ЭКО			ИКСИ			РЭ			Н	ДР (%)
	Число циклов**	Б (%)	Р (%)	Число циклов	Б (%)	Р (%)	Число циклов	Б (%)	Р (%)		
Австрия	10 216	31,6	28,0	5298	28,5	24,4	2801	32,9	28,4	2824	3,2
Беларусь	2741	36,5	27,6	1511	35,3	25,8	663	39,1	24,7	1066	1,0
Бельгия	18 681	24,1	18,0	13 133	22,2	15,8	12 881	27,1	18,8	5711	4,8
Великобритания	43 547	32,0	28,0	22 402	33,3	29,2	20 443	35,9	31,2	22 047	2,9
Испания	50 263	25,3	18,8	38 607	21,3	15,6	27 690	34,9	24,6	30 898	7,9
Италия	53 014	21,8	14,8	40 710	19,0	12,2	17 281	29,3	20,2	12 638	2,8
Польша	14 565	27,7	22,2	13 923	26,6	16,3	10 390	35,8	22,0	5680	1,4
Португалия	6327	27,4	20,5	3490	21,7	16,1	2317	33,7	24,8	2436	2,8
Румыния	2900	26,9	20,3	1631	25,6	20,4	1452	33,5	26,4	1105	0,6
Россия	87 613	29,2	21,2	47 500	25,1	17,4	35979	40,2	27,7	34 173	2,0
Украина	11 753	32,0	28,0	10 690	22,6	17,9	9080	48,4	37,8	7728	1,9
Франция	67 703	21,0	17,7	41 412	21,2	18,3	37 469	22,9	19,2	20 966	2,7
Швейцария	5999	23,7	18,2	4629	23,9	18,2	4944	25,3	17,8	2195	2,5

Источник: [Wyns et al. 2021].

* Условные обозначения:

Б — доля циклов, приведших к беременности (%);

Р — доля циклов, приведших к родам (%);

Н — число новорождённых с применением ВРТ (чел.);

ДР — доля рождений с использованием ВРТ от общего числа родившихся (%).

** Учитываются циклы с применением ЭКО, а также комбинации ЭКО и ИКСИ.

По данным Российской ассоциация репродукции человека (РАРЧ), к 2018 г. по сравнению с ситуацией 10-летней давности масштабы применения вспомогательных репродуктивных технологий в России существенно возросли. Число начатых циклов ВРТ всех видов выросло в пять раз: с 31 127 в 2008 г. до 158 815 в 2018 г. Наибольшего успеха удалось добиться в расширении применения такой технологии, как интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида (ИКСИ), количество циклов с использованием которой возросло в 5,2 раза. Число циклов с применением экстракорпорального оплодотворения в этот период выросло в 2,5 раза, а с использованием донорских ооцитов — в 2,2 раза (см. табл. 2).

Таблица 2

Число и результативность циклов вспомогательных репродуктивных технологий в России

Вид ВРТ	ЭКО*		ИКСИ**		Донорство ооцитов***	
	2008 г.	2018 г.	2008 г.	2018 г.	2008 г.	2018 г.
Число начатых циклов	15 271	38 937	10 274	53 609	1666	3689
Число наступивших беременностей	5025	10 389	3205	13193	692	1032
Число родов	3397	7522	2153	9166	511	676

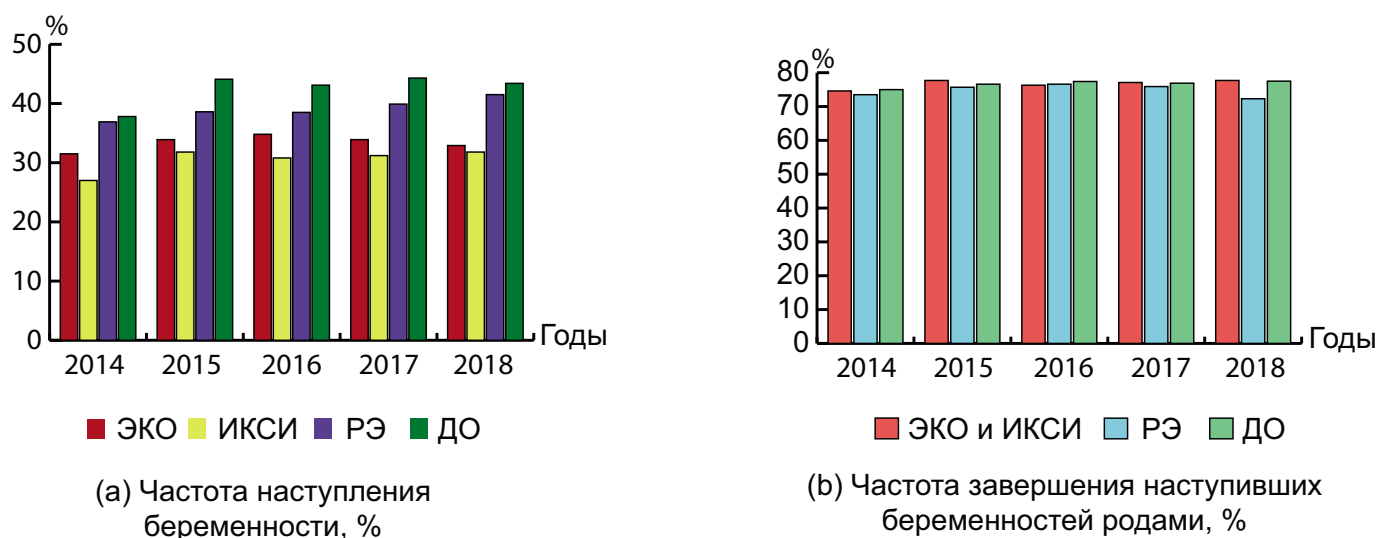
Источник: [Регистр ВРТ РАРЧ 2020].

* Приводятся данные по свежим циклам с собственными ооцитами.

** В данном столбце учтены также циклы с применением комбинированной технологии ЭКО + ИКСИ.

*** Приводятся данные по всем циклам ВРТ с применением донорских ооцитов.

Демографический потенциал использования вспомогательных репродуктивных технологий ограничивается невысокой результативностью: частота наступления беременности колеблется от 32 до 45% при применении разных видов ВРТ. Вместе с тем наблюдается заметный прогресс в части увеличения доли циклов ВРТ, приведших к наступлению беременности. Частота наступления беременностей с применением ЭКО в 2014–2018 гг. выросла на 4%, ИКСИ — на 18%, РЭ (циклы с размороженными эмбрионами) — на 12%, ДО (циклы с донорскими ооцитами) — на 15%. Частота завершения наступивших беременностей родами в 2018 г. была максимальна для ЭКО (77,7%) и за рассматриваемый период выросла на 4%. Технологии переноса размороженных эмбрионов и донорских ооцитов дают хорошие показатели частоты наступления беременности (в 2018 г. — 41 и 43% соответственно). В то же время для этой технологии в 2014–2018 гг. несколько снизился — на 2 п. п. — показатель частоты завершения наступивших беременностей родами (см. рис. 1).

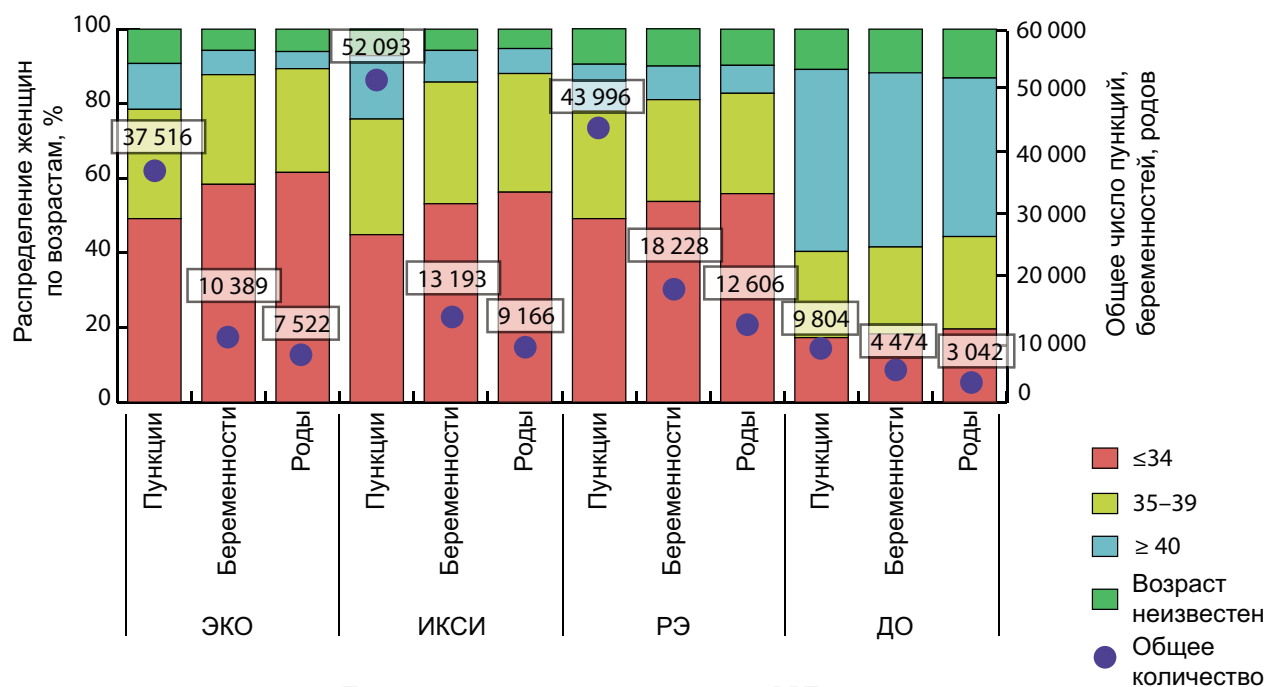
Источник: [Регистр ВРТ РАРЧ 2020].

Рис. 1. Результативность применения отдельных видов ВРТ. 2014–2018 гг.

В целом, в расчёте на 100 циклов наибольшую результативность в максимизации числа родов демонстрируют технологии, предполагающие использование донорских ооцитов (в 2018 г. на каждые 100 циклов пришлось 31 завершённые роды). Для ЭКО значение аналогичного показателя в 2018 г. составило 20; для ИКСИ — 17,6; для циклов с размороженными эмбрионами — 29 родов².

Результативность применения вспомогательных репродуктивных технологий зависит не только от качества проведения медицинской процедуры, но и от общего состояния здоровья женщин, одним из важнейших факторов которого выступает возраст. Распределение наступивших беременностей и родов в результате применения ВРТ демонстрирует ожидаемое снижение их числа в старших возрастных группах женщин. Для процедуры ЭКО из 10 тысяч наступивших беременностей 58% приходились на женщин в возрасте до 34 лет. В то же время эта группа составляла только 49% общей численности пациентов, получивших ЭКО. Среди пациентов, воспользовавшихся репродуктивными технологиями с применением донорских ооцитов, максимальная доля женщин в возрасте от 40 лет (она составляет 49%; см. рис. 2). Вероятно, это обусловлено тем, что в отношении пациенток старших репродуктивных контингентов, с одной стороны, возникает повышенный спрос на донорские ооциты, а с другой, присутствует стремление и врачей и пациентов выбрать наиболее результативную репродуктивную технологию.

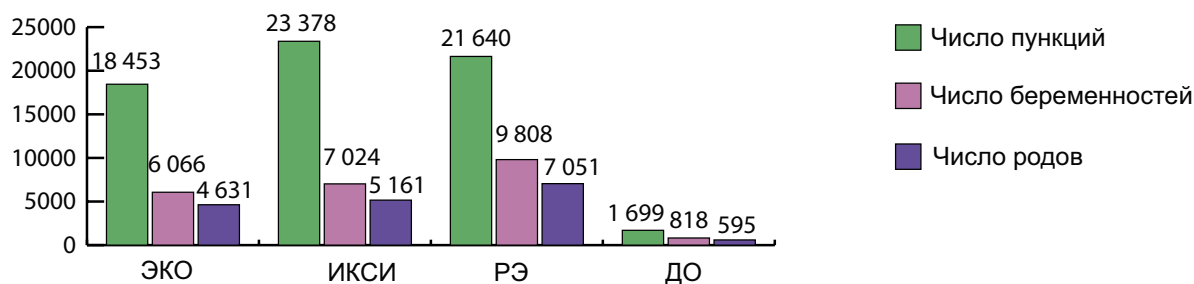
² Рассчитано авторами по данным РАРЧ; см.: [Регистр ВРТ РАРЧ 2020].

Показатели результативности типов ВРТ
 Источник: [Регистр ВРТ РАРЧ 2020].

Рис. 2. Соотношение результативности различных типов ВРТ в зависимости от возраста пациенток

Приведённые данные свидетельствуют о том, что основную долю контингента женщин, обращающихся к вспомогательным репродуктивным технологиям (кроме технологий с использованием донорских ооцитов), составляют женщины в возрасте до 34 лет, а преобладающим типом используемой ВРТ в этой группе пациенток выступает ИКСИ (23 378 пункций в 2018 г.). При этом наибольшее абсолютное число беременностей и родов наблюдается в группе пациенток этого возраста после применения технологии переноса размороженных эмбрионов (см. рис. 3).

Источник: [Регистр ВРТ РАРЧ 2020].

Рис. 3. Число циклов ВРТ и их результативность (число беременностей и родов) в группе женщин в возрасте до 34 лет

В настоящее время совокупный вклад всех видов вспомогательных репродуктивных технологий в воспроизводство населения остаётся скромным. По данным Российской ассоциации репродукции человека, в 2018 г. число циклов ВРТ, завершившихся рождением детей, составило 33 838 [Регистр ВРТ РАРЧ 2020]³, то есть 2,1% от всех рождений. Однако ВРТ выполняют важнейшую социальную роль,

³ По данным отчётов, роды включают все случаи рождения, в том числе мертворождения. В соответствии с позицией ВОЗ, сроки прерывания беременности от 20 недель отнесены к родам. В России роды считаются со срока 22 недели. Приведённое в тексте значение учитывает все роды по критерию ВОЗ.

помогая тем людям, которые по тем или иным причинам не могут самостоятельно завести детей или временно откладывают их рождение и желают сохранить свои биоматериалы для того, чтобы не потерять эту возможность в будущем. Современное разнообразие видов ВРТ позволяет клиентам реализовать тот стиль репродуктивного поведения, который в наибольшей мере отвечает их ценностям, социально-демографическому статусу и жизненным планам.

Социально-экономический контекст применения ВРТ

К вспомогательным репродуктивным технологиям могут обращаться как семейные пары, так и одинокие женщины, желающие иметь детей, но не имеющие партнёра или мужа (так называемое социальное бесплодие), для которых законодательство предусматривает возможность использования донорских биоматериалов [О порядке использования... 2020]. Кроме того, на фоне распространения феномена откладывания рождений детей [Архангельский, Калачикова 2020] можно ожидать роста интереса к услугам криосохранения ооцитов и спермы до того момента, когда потенциальные родители будут готовы к появлению детей в своей жизни. По этой причине ВРТ выступают не только прогрессивным инструментом лечения бесплодия, но и одним из механизмов, позволяющим осознанно подходить к планированию семьи.

Вспомогательные репродуктивные технологии стали современным способом решения проблем бесплодия у семейных пар. Востребованность такой помощи со стороны бездетных семей в ближайшие годы будет стабильной или может возрасти в связи с тенденцией увеличения среднего возраста вступления в брак [Калачикова, Груздева 2018] и рождения первого ребёнка [Архангельский, Калачикова 2020].

Высокая социальная значимость развития ВРТ определяется тем, что потенциальными потребителями этих медицинских услуг чаще всего выступают семейные пары, ориентированные на родительство, в которых у одного или обоих супругов было диагностировано бесплодие. Пары, обращающиеся за медицинской помощью в рождении детей, как правило, положительно воспринимают современные репродуктивные технологии и их потенциальную результативность [Сухоцкая et al. 2021].

В исследованиях российских авторов отмечается значительный прирост заболеваемости населения мужским бесплодием: например, за 2002–2014 гг., как указано в работе А. Д. Каприна и соавторов, такой прирост составил 60,3% [Каприн et al. 2016]. Распространённость бесплодия российских женщин, согласно тому же источнику, также выросла. При более полном охвате бесплодных пар лечением с применением ВРТ их вклад в демографическое развитие мог бы стать более весомым.

Женское бесплодие зачастую сопровождается соматическими и эндокринными нарушениями, а также гинекологической патологией с превалированием заболеваний инфекционно-воспалительного характера [Ципурия 2014]. Среди социально обусловленных причин женского бесплодия исследователи выделяют психологический фактор [Шахворостова 2016].

Одним из барьеров распространения и социального принятия ВТР является риск для здоровья женщин. Популярная тема зарубежных исследований в области гинекологии и репродуктивной медицины — вероятность неблагоприятных исходов беременности и осложнений при родах у женщин, воспользовавшихся вспомогательными репродуктивными технологиями. Выявлены основные риски, сопряжённые с различными методами инициирования беременности. Так, исследователи показывают, что ЭКО с использованием донорских ооцитов сопровождается повышенным риском развития гипертензивных расстройств во время беременности, преэклампсии (в том числе тяжёлой), гипертензии, вызванной беременностью, преждевременных родов, ранних преждевременных родов, гестационного диабета,

низкой и экстремально низкой массы тела ребёнка при рождении и родоразрешения путём кесарева сечения [Moreno-Sepulveda, Chesa 2019]. В когортном проспективном исследовании, выполненном в Китае в 2013–2016 гг., показано, что при ЭКО во время беременности возрастают риски гипертензии, гестационного диабета, преждевременных родов, перинатальной смертности, врождённых пороков развития и некоторых других отклонений [Qin et al. 2017]. Авторы этого исследования указали, что причинами проблем может выступать сочетание женского бесплодия и несовершенства самой процедуры ЭКО [Qin et al. 2017]. Сходные результаты относительно рисков, связанных с ВРТ, получали и другие авторские группы (см., например: [Luke et al. 2019]).

Отношение населения российских регионов к ВРТ

Осведомлённость людей о состоянии своего репродуктивного здоровья выступает исходной предпосылкой для планирования семьи, построения семейных и супружеских отношений. В 2020 г. информированность респондентов оценивалась на основании распределения ответов на вопрос о том, позволяет ли им текущее состояние здоровья иметь детей [Демографическое самочувствие России 2020]. Выявлена возрастная и гендерная специфика в распределении ответов на этот вопрос. Наибольшая доля тех, кто считает, что имеет хорошее здоровье, позволяющее в будущем завести детей, зарегистрирована среди мужчин (74%) и женщин (75%) в возрасте 17–30 лет. В этой возрастной группе незначительный перевес в доле положительных самооценок здоровья наблюдается в пользу женщин. Доля негативных оценок и среди женщин и среди мужчин минимальна (6 и 7% соответственно). Однако уже в следующей возрастной категории (30–40 лет) доля положительных самооценок репродуктивного здоровья среди женщин оказывается существенно ниже (64%), чем среди мужчин (71%), а доли негативных оценок у представителей обоих полов становятся заметно выше (16 и 14% соответственно). В возрастной группе 40–50 лет заметно ухудшается самооценка репродуктивного здоровья женщин (36% негативных оценок), тогда как среди мужчин наблюдается прирост негативных ответов лишь на 4% (см. табл. 3). Приведённые данные в целом отражают известную биологическую закономерность о меньшей продолжительности репродуктивного периода у женщин по сравнению с мужчинами.

Таблица 3

Оценка респондентами собственного репродуктивного здоровья и здоровья партнёра, % от числа опрошенных соответствующих половозрастных групп

Распределение ответов на вопросы:	Среднее по опросу	Женщины			Мужчины		
		17–30 лет	30–40 лет	40–50 лет	17–30 лет	30–40 лет	40–50 лет
«Позволяет ли Вам состояние здоровья ещё иметь детей (или родить первого ребёнка, если у Вас нет детей)?»							
Да	64,3	75,2	64,0	40,2	74,3	70,8	61,4
Нет	16,1	6,3	16,1	36,0	6,7	13,5	18,2
Затрудняюсь ответить	19,6	18,5	19,8	23,8	19,0	15,7	20,4
«В настоящее время Ваш(а) супруг (супруга), партнёр(ша) по состоянию здоровья может иметь детей?»							
Да	74,7	89,4	84,0	66,2	79,8	83,1	60,6
Нет	8,9	2,6	4,2	10,5	7,0	5,6	15,3
Затрудняюсь ответить	16,4	8,0	11,9	23,4	13,1	11,3	24,1

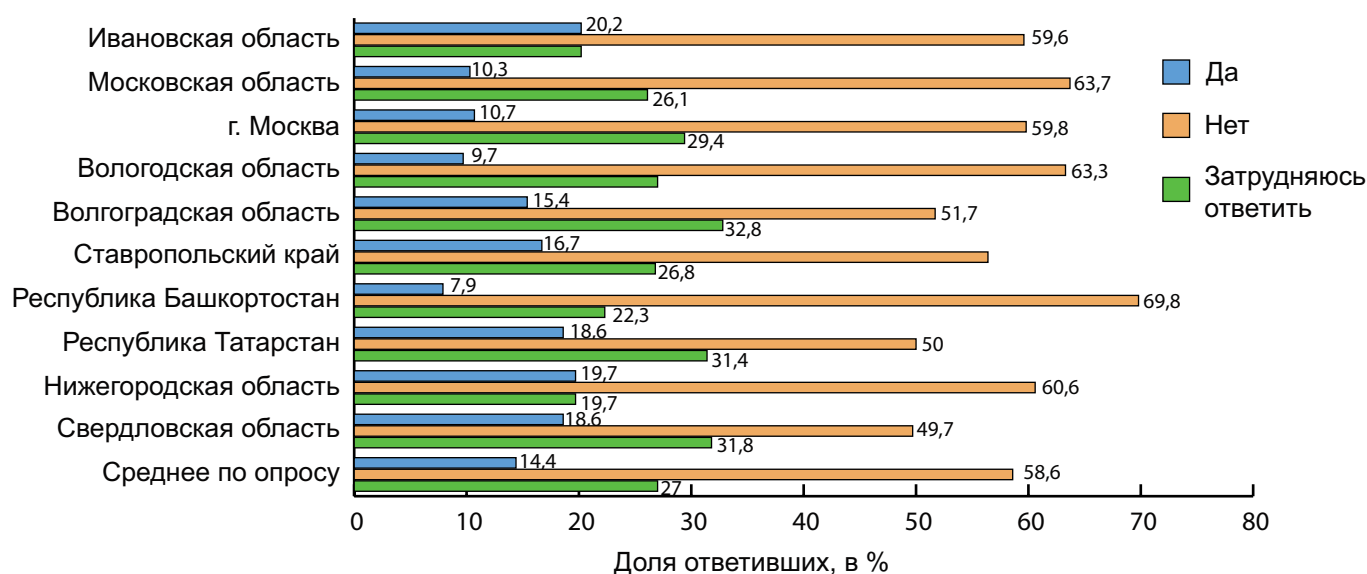
Источник: [Демографическое самочувствие России 2020].

Характерно, что при ответе на вопрос о состоянии репродуктивного здоровья партнёра женщины чаще высказывали положительные оценки, чем мужчины. Данное различие сохранялось во всех возрастных группах респондентов. Настораживает, что осведомлённость женщин и мужчин о состоянии своего

репродуктивного здоровья и состоянии здоровья партнёра в старших возрастных группах ниже, чем среди молодёжи (см. табл. 3). Эта закономерность может свидетельствовать о потере интереса к рождению и воспитанию детей после 40 лет, о социокультурных традициях табуирования темы, связанной с репродуктивным поведением, об особенностях самосохранительного поведения.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что 16–36% опрошенных могут иметь нарушения репродуктивного здоровья. Среди этих респондентов только 14% выразили желание воспользоваться ВРТ для того, чтобы иметь ребёнка в будущем. Неготовность к такому шагу выразили 58% респондентов, имеющих, по их мнению, нарушения репродуктивного здоровья. Доля респондентов, лояльно настроенных по отношению к возможности использования ВРТ, была наиболее высокой среди молодых мужчин (18%) и женщин (28%). В то же время опыт обращения к ВРТ чаще имели женщины и мужчины в возрасте 40–50 лет (3,8 и 3,4% соответственно).

Доля тех респондентов, кто положительно относится к репродуктивным технологиям, составляла 14,4%. Наибольшая доля респондентов, придерживающихся лояльной позиции в отношении современных репродуктивных технологий, наблюдалась в Ивановской (20,2%), Нижегородской (19,7%) и Свердловской (18,6%) областях, Республике Татарстан (18,6%). Наибольшее число респондентов, разделяющих противоположные взгляды, наблюдалось в Республике Башкортостан (69,8%), Московской (63,7%) и Вологодской (63,6%) областях (см. рис. 4).

Источник: [Демографическое самочувствие России 2020].

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если состояние здоровья не позволяет Вам иметь детей, хотели бы Вы воспользоваться современными репродуктивными технологиями для рождения ребёнка (например, искусственным оплодотворением и др.)?»

Респонденты, которые хотели бы воспользоваться ВРТ для рождения ребёнка, среди препятствий видят материальные и процедурные аспекты. Наиболее значимым барьером для обращения к ВРТ оказалась высокая стоимость этих медицинских услуг, что отметили 57% опрошенных; 45% отметили трудности получения квоты на ЭКО по полису обязательного медицинского страхования (ОМС). Проблема недостаточной информированности о ВРТ и получении услуги достаточно распространена. Для 22% имеет значение проблема неосведомлённости о том, куда обратиться за помощью. Заметную роль при оценке перспектив использования ВРТ играет неуверенность потенциальных клиентов в результативности технологий (46%) и опасения за здоровье будущего ребёнка (36%), неодобрение такого шага

со стороны супруга (22%) и родственников (16%; см. табл. 4). Данные опроса свидетельствуют, что необходимы грамотная информационная работа не только с потенциальными пользователями ВРТ, но и с их окружением, распространение адекватной информации о ВРТ среди населения в целом. В проведённом опросе довольно остро обсуждавшиеся на первых этапах внедрения этические аспекты ВРТ в качестве препятствий использования отметили только 13% респондентов, что говорит о преобладании среди населения «рациональных» мотивов репродуктивного выбора в случае наличия показаний к ВРТ, что создаёт благоприятный фон для дальнейшего развития этой области медицины.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «В какой степени Вам мешают воспользоваться современными репродуктивными технологиями для рождения ребёнка следующие возможные причины?», % от числа опрошенных, имеющих партнёра и хотели бы воспользоваться ВРТ

Варианты ответов	Трудно сказать	Не влияет	Влияет
Высокая стоимость (цена)	24,8	18,0	57,2
Нет уверенности в результате	28,6	25,8	45,6
Трудно получить квоту	35,2	19,9	44,9
Боюсь, что ребёнок может родиться больным	36,5	27,3	36,2
Не знаю, куда обратиться	24,8	53,0	22,1
Супруг(а), партнёр(ша) против использования	39,2	38,9	21,9
Велика вероятность рождения двойни (многоплодных родов), не хотелось бы	21,5	58,5	20,0
Родные против использования	34,8	49,5	15,7
Религиозные, этические соображения	21,5	66,0	12,6

Источник [Демографическое самочувствие России 2020].

С 2013 г. программы ВРТ включены в перечень медицинских услуг, которые предоставляются населению бесплатно, за счёт средств Фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС). Объём затрат ФОМС по оплате предоставленных населению услуг ЭКО в 2019 г. превысил запланированный уровень и составил 9,86 млрд рублей. Число выполненных циклов ЭКО также превысило запланированный показатель и составило 87 315 процедур (в плане — 77 922 процедуры). Фактически средняя стоимость проведения одного полного цикла ЭКО составила 112 948,8 рублей. Эксперты Счётной палаты РФ указывают на наличие существенных недостатков нормативно-правового регулирования порядка предоставления услуг ЭКО, значительную региональную дифференциацию расходов на это направление медицины, нехватку его финансирования, несогласованности сроков предоставления отчётности о проведённых циклах ЭКО и сроков отчётности по выполнению соответствующего целевого показателя нацпроекта «Демография». Следствиями несовершенства регулирования предоставления услуг ВРТ в рамках территориальных программ ОМС становится снижение их доступности для населения. По оценке экспертов, в 2019 г. в ряде регионов срок ожидания проведения процедуры составлял более года. Наиболее длительным он был в Вологодской области — 18 месяцев. В пяти регионах число пациентов в листе ожидания процедуры превышало 1000 человек [Изотова 2020].

С момента включения числа проведённых циклов ЭКО в перечень целевых показателей нацпроекта «Демография» была усовершенствована правовая база, регулирующая порядок применения программ вспомогательных репродуктивных технологий, регламент предоставления этих медицинских услуг, утверждён стандарт базовой программы ВРТ, предоставляемой за счёт средств ФОМС [Если аист не принёс 2020]. Правовую оценку в российском законодательстве получили также отдельные этически сложные моменты, связанные с применением ВРТ, то есть суррогатное материнство, вопросы хране-

ния неиспользованного генетического материала, эмбрионов, проблемы донорства в этой сфере [Об основах охраны здоровья... 2011: ст. 55]. В то же время платными для пациентов остались услуги, которые могут сопутствовать ЭКО: «генотипирование, использование донорской спермы, донорских ооцитов и донорских эмбрионов» [С 2021 года будет действовать... 2020].

Готовность самого населения к использованию ВРТ может определяться целым рядом факторов, в том числе репродуктивными установками, которые, в свою очередь, зависят от социально-демографических характеристик респондентов [Ростовская, Князькова 2021].

На основе данных социологического опроса (см. раздел «Материалы и методы») населения мы предприняли попытку составить социально-демографический портрет потенциальных пользователей ВРТ и тех, кто уже имел такой опыт. Вопрос о желании воспользоваться современными вспомогательными репродуктивными технологиями задавался в рамках исследования только тем респондентам, которые состояли в браке или партнёрстве и имели проблемы с репродуктивным здоровьем. Это методическое ограничение приводит к тому, что полученные данные не охватывают характеристики одиноких респондентов и тех людей, которые не имеют проблем с репродуктивным здоровьем в настоящее время, но также могли бы являться потенциальными пользователями ВРТ.

В качестве ключевых данных для составления социального портрета потенциальных пользователей ВРТ и тех, кто уже имел такой опыт, мы использовали следующие характеристики: пол, возраст, желаемое и планируемое число детей, текущая самооценка условий жизни своей семьи (по шкале 1–10 баллов), регион проживания.

Готовность прибегнуть к ВРТ для рождения детей продемонстрировали 16% респондентов (900 человек), а опыт непосредственного обращения к ВРТ имели 116 респондентов (2,1%). Средний возраст респондентов, которые на момент опроса уже имели опыт обращения к ВРТ, составлял 35 лет, а возраст людей, готовых воспользоваться этой возможностью, был в среднем 29 лет. Самое высокое значение среднего возраста наблюдалось среди респондентов из Москвы, имевших опыт использования ВРТ (47,5 лет). Средние самооценки условий жизни своих семей были высокими как в группе респондентов, уже пользовавшихся ВРТ, так и готовых обратиться к ВРТ в будущем. При этом на фоне остальных регионов заметно более высоко свои условия жизни оценивали респонденты из Московской области (см. табл. 5).

Наибольшее количество респондентов, имеющих опыт использования ВРТ, оказалось в Республике Татарстан. Следует отметить, что в Татарстане наряду с Москвой и Свердловской областью у респондентов, имевших опыт обращения к ВРТ, были зафиксированы наибольшие значения желаемого числа детей (2,8) по сравнению с другими регионами, охваченными в рамках социологического исследования. В Москве при этом наблюдалось наиболее высокое среднее значение планируемого числа детей (3,25), которое превышало среднее желаемое число (см. табл. 5). Вероятно, данное расхождение обусловлено тем, что респонденты осознавали высокую вероятность наступления многоплодной беременности при использовании ВРТ и были к этому готовы.

В целом во всех регионах у респондентов, которые были готовы прибегнуть к ВРТ для рождения детей, наблюдался существенный разрыв между планируемым и фактическим числом детей в семье (см. табл. 5). Это подтверждает тот факт, что нереализованные репродуктивные планы семей выступают ключевым фактором, повышающим их готовность обратиться к ВРТ.

Таблица 5

Характеристики респондентов, допускающих для себя возможность использования ВРТ для рождения ребёнка, и тех, кто уже имел опыт обращения к ВРТ

Субъекты РФ*	Готовы воспользоваться ВРТ**		Средний возраст		Доля женщин, %		Среднее желаемое число детей		Среднее планируемое число детей		Среднее фактическое число детей в семье		Самооценка условий жизни, средний балл		Число опрошенных, человек
	Готовы воспользоваться ВРТ**	Пользовались ВРТ ранее***	Готовы воспользоваться ВРТ**	Пользовались ВРТ ранее***	Готовы воспользоваться ВРТ**	Пользовались ВРТ ранее***	Готовы воспользоваться ВРТ**	Пользовались ВРТ ранее***	Готовы воспользоваться ВРТ**	Пользовались ВРТ ранее***	Готовы воспользоваться ВРТ**	Пользовались ВРТ ранее***	Готовы воспользоваться ВРТ**	Пользовались ВРТ ранее***	
Московская область	96	17	25,3	42,7	60,0	50,0	2,54	2,42	2,29	2,45	0,29	0,53	7,9	8,5	610
Москва	102	7	23,1	47,5	49,5	50,0	2,63	2,83	2,44	3,25	0,12	0,71	7,3	7,0	621
Вологодская область	56	9	32,2	38,4	53,6	55,6	2,24	2,63	2,02	1,71	0,8	0,89	6,9	6,7	562
Волгоградская область	108	8	32,3	34,0	51,9	50,0	2,31	2,60	2,07	2,00	0,44	0,63	7,2	7,5	618
Ставропольский край	105	21	28,9	30,0	52,4	38,1	2,44	2,21	2,26	2,00	0,55	0,38	7,3	7,8	606
Республика Башкортостан	51	15	30,6	34,0	56,9	60,0	2,7	2,79	2,56	2,44	1,12	1,13	7,5	7,1	604
Республика Татарстан	124	24	27,1	30,3	62,9	45,8	2,55	2,83	2,36	2,56	0,44	1,0	7,3	6,8	556
Нижегородская область	104	0	31,0	—	72,0	—	2,35	—	2,05	—	0,69	—	6,5	—	512
Свердловская область	90	15	32,6	36,9	56,7	26,7	2,73	2,83	2,19	2,00	0,76	1,20	6,6	5,4	619
Все регионы	900	116	28,9	35,1	53,7	45,5	2,47	2,64	2,2	2,27	0,52	0,81	7,2	7,1	5616

Источник: [Демографическое самочувствие России 2020].

Примечания:

* Данные по Ивановской области не приведены, так как выборка по данному региону сильнее отклонялась от параметров генеральной совокупности, что повлияло на полученные результаты.

** Число респондентов, которые утвердительно ответили на вопрос: «Если состояние здоровья не позволяет Вам иметь детей, хотели бы вы воспользоваться современными репродуктивными технологиями для рождения ребёнка (например, искусственным оплодотворением и др.)?».

*** Число респондентов, принимавших участие в программах ВРТ (утвердительно ответили на вопрос: «Пользовались ли вы уже современными репродуктивными технологиями?»).

Приведённые в таблице 5 данные свидетельствуют о том, что к ВРТ обращаются в основном благополучные семьи, которые в силу текущего состояния репродуктивного здоровья ещё не реализовали собственные репродуктивные планы и готовы пойти на определённые сопутствующие риски (например, связанные с более высокой вероятностью рождения двойни). Заинтересованность таких семей в использовании ВРТ определяет высокую социальную значимость развития этих технологий в регионах России, повышения их результативности, безопасности и доступности.

Заключение

Проведённое исследование позволило ответить на ряд актуальных вопросов, касающихся масштабов применения современных вспомогательных репродуктивных технологий, а также охарактеризовать взаимосвязь репродуктивных установок и отношения населения к ВРТ. В числе методологических ограничений представленного исследования следует отметить, что использованная информационная база не позволяет детально оценить осведомлённость населения о различных видах ВРТ, их доступности в регионах, а также охарактеризовать отношение населения к разным видам ВРТ (ЭКО, ИКСИ, использование донорских биоматериалов, криосохранение собственных биоматериалов и т. д.). Дифференцированное и углублённое исследование этих аспектов представляется нам важнейшей исследовательской задачей, решение которой требует проведения тематических социологических исследований в регионах России.

При оценке демографического потенциала ВРТ выявлено, что их вклад в общее число рождений невелик — 2%, но может значительно возрасти, если будут преодолены существующие правовые, этические и социально-экономические барьеры применения данных технологий. Решение проблем в значительной степени зависит от того, насколько удастся учесть современные реалии развития ВРТ, общественные настроения, международный успешный опыт при доработке российского законодательства и совершенствовании правового регулирования в этой сфере. Более широкое использование ВРТ в регионах России в настоящее время ограничивают относительно настороженное восприятие со стороны населения и сохранение платности некоторых сопутствующих процедур для пациентов.

Литература

- Архангельский В. Н., Калачикова О. Н. 2020. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 13 (5): 200–217. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.12](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.12)
- Баранов И. И., Токова З. З., Тадевосян А. А. 2011. Медико-социальная характеристика женщин с многоплодной беременностью, наступившей с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. *Социальные аспекты здоровья населения*. 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/340/lang,ru/>
- Богомяжкова Е. С., Ломоносова М. В. 2017. Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 20 (3): 180–198.
- «Демографическое самочувствие России» на платформе IBM SPSS STATISTICS: База данных всероссийского социологического исследования. 2020. URL: <http://xn--2020-43drgi3a1bwz7c9i.xn--p1ai/sample-page/>

- Душина А. Д. et al. 2016. Легитимация коммерческого суррогатного материнства в России. *Экономическая социология*. 17 (1): 62–82. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/01/31/1136959333/1ecsoc_t17_n1.pdf#page=62
- Если аист не принёс. 2020. *Российская газета*. 21 июля. URL: <https://rg.ru/2020/07/21/v-minzdrave-rasskazali-o-poluchenii-uslugi-eko-besplatno-po-polisu-oms.html>
- Изотова Г. С. 2020. *Отчёт о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности расходования средств обязательного медицинского страхования в 2019 году и истекшем периоде 2020 года при проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения»*. М.: Счетная палата РФ. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/9b0/9b06bc06ddedb49a807822ad7cd21621.pdf>
- Исупова О. Г. 2014. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве. *Журнал исследований социальной политики*. 12 (3): 381–396.
- Исупова О. Г., Русанова Н. Е. 2010. Социальный портрет пациентов репродуктивной медицины. *Социологические исследования*. 4: 88–98.
- Калачикова О. Н., Груздева М. А. 2018. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата). *Социальное пространство*. 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.1
- Каприн А. Д. et al. 2016. Анализ уронефрологической заболеваемости и смертности в Российской Федерации за период 2002–2014 гг. *Экспериментальная и клиническая урология*. 3: 4–13.
- Козлова О. А., Секички-Павленко О. О. 2020. Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 13 (5): 218–231.
- Нифантова Р. В., Кривенко Н. В. 2014. Репродуктивные технологии как социальные инновации в системе здравоохранения. *Экономика региона*. 3 (39): 191–197. DOI: 10.17059/2014-3-19
- О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению. 2020. *Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 803н*. URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/197/51/66/60457.pdf>
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. 2011 *Федеральный закон*. 21 ноября 2011. № 323-ФЗ (последняя редакция). Ст. 55: Применение вспомогательных репродуктивных технологий. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/3b0e0cbbd6f1b1a07c0b0b3d4df406a2ecf108a1/
- Регистр ВРТ РАРЧ. 2020. Отчёт за 2018 год. СПб.: Российская ассоциация репродукции человека. URL: http://rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2018.pdf
- Ростовская Т. К., Князькова Е. А. 2021. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 14 (2): 121–129.
- Ростовская Т. К., Шабунова А. А. (отв. ред.) 2021. *Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020*. М.: ФНИСЦ РАН; ИТД «Перспектива».

- Русанова Н. Е. 2020. Гендерный выбор при вспомогательных репродуктивных технологиях: возможности, опасности, перспективы. *Народонаселение*. 23 (2): 125–135. DOI: [10.19181/population.2020.23.2.11](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.11)
- С 2021 года будет действовать новый порядок использования репродуктивных технологий. 2020. *ГАРАНТ.ру* (информационно-правовой портал). 9 ноября. URL: <https://www.garant.ru/news/1420725/>
- Савина А. А. et al. 2020. Проблема несопоставимости уровней заболеваемости мужским и женским бесплодием взрослого населения в Российской Федерации. *Социальные аспекты здоровья населения*. 4. DOI: [10.21045/2071-5021-2020-66-4-7](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-7)
- Сухоцкая Л. et al. 2021. Социально-психологическая поддержка пар при лечении бесплодия (на примере польского исследования). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 14 (2): 188–200. DOI: [10.15838/esc.2021.2.74.12](https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.12)
- Телегина Е. Г., Грасько А. А. 2018. Проблемы установления родительских прав и прав ребёнка в институте суррогатного материнства. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 6: 150–155.
- Ципурия Н. Г. 2014. Клинико-эпидемиологический ретроспективный анализ женского бесплодия. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 14 (4): 165–167.
- Чернявская К. А. 2018. Этические проблемы биотехнологий на примере вспомогательных репродуктивных технологий. *Журнал социологических исследований*. 3 (4): 62–68.
- Шахворостова Т. В. 2016. Исследование взаимосвязи механизмов психологической и медицинской этиологии женского бесплодия. *Вестник Марийского государственного университета*. 3 (23): 28–34.
- Luke B. et al. 2019. Risk of Prematurity and Infant Morbidity and Mortality by Maternal Fertility Status and Plurality. *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*. 36 (1): 121–138. DOI: [10.1007/s10815-018-1333-z](https://doi.org/10.1007/s10815-018-1333-z)
- Moreno-Sepulveda J., Checa M. A. 2019. Risk of Adverse Perinatal Outcomes after Oocyte Donation: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*. 36 (10): 2017–2037. DOI: [10.1007/s10815-019-01552-4](https://doi.org/10.1007/s10815-019-01552-4)
- Qin J. et al. 2017. Adverse Obstetric Outcomes Associated with In Vitro Fertilization in Singleton Pregnancies: A Prospective Cohort Study. *Reproductive Sciences*. 24 (4): 595–608. DOI: [10.1177/1933719116667229](https://doi.org/10.1177/1933719116667229)
- Wyns C. et al. 2021. ART in Europe, 2017: Results Generated from European Registries by ESHRE. *Human Reproduction Open*. 2021 (3): 026. DOI: [10.1093/hropen/hoab026](https://doi.org/10.1093/hropen/hoab026). URL: <https://academic.oup.com/hropen/article/2021/3/hoab026/6342525>

BEYOND BORDERS

Leila Natsun, Ol'ga Kalachikova

Contribution of Assisted Reproductive Technologies to the Reproduction of the Russian Population and Social Aspects of their Application

NATSUN, Leila Natigovna — researcher of the laboratory for the study of management problems in the social sphere of the department for the study of the level and lifestyle of the population of the Federal Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”. Address: 56A, Gorky Street, 160014, Vologda, Russian Federation.

Email: leyla.natsun@yandex.ru

KALACHIKOVA, Ol'ga Nikolaevna — candidate of sciences (economics), deputy director for scientific work, head of the department of research on the level and lifestyle of the population of the Federal Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”. Address: 56A, Gorky Street, 160014, Vologda, Russian Federation.

Email: onk82@yandex.ru

Abstract

Assisted reproductive technologies (ART) are perceived in modern society as one of the ways to increase the birth rate of the population. Despite the fact that they do demonstrate a noticeable increase in the effectiveness of increasing the share of successful cycles leading to pregnancy and child-birth, their contribution to the total number of births in Russia remains modest — only 2% (as of 2018). The role of ART is determined to a greater extent by their social significance: the development of this area provides an opportunity for the birth of children to those married couples who have problems with reproductive health. The present study shows what factors hinder the population's access to ART, and provides an assessment of the proportion of families that make up the potential for expanding the scale of coverage of the population with these services. The key factor determining the willingness to turn to assisted reproductive technologies is the presence of unrealized reproductive plans in the family. Based on the data of a representative sociological survey, it was found that respondents who demonstrated a willingness to resort to ART for the birth of children had a significant gap between the planned and actual number of children in the family. Such families were mostly prosperous, and showed a willingness to take risks associated with ART (for example, associated with a higher probability of having twins). In the final part of the work, conclusions are formulated regarding the prospects for expanding the use of ART in the regions of Russia. It is shown that the most significant barriers that limit this growth are the relatively cautious perception on the part of the population and payment for some concomitant procedure by the patients.

Keywords: reproductive behavior; reproductive health; population reproduction; assisted reproductive technologies (ART); ethical aspects of the use of ART; sociological research; demographic policy.

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (Project no 20-18-00256 “Demographic behavior of the population in the context of Russia’s national security”). The head of the project is Doctor of Science T. K. Rostovskaya; the main performers are E. N. Vasilyeva, O. N. Kalachikova, A. A. Shabunova.

References

- Arkhangel'skiy V. N., Kalachikova O. N. (2020) Vozrast materi pri rozhdenii pervogo rebenka: dinamika, regional'nye razlichiya, determinatsiya [Maternal Age at First Birth: Dynamics, Regional Differences, Determination]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast = Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 13, no 5, pp. 200–217. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.12](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.12) (in Russian).
- Baranov I. I., Tokova Z. Z., Tadevosyan A. A. (2011) Mediko-sotsial'naya kharakteristika zhenshchin s mnogoplodnoy beremennostyu nastupivshey s ispol'zovaniem vspomogatel'nykh reproductivnykh tekhnologii [Medico-Social Describe of Women with Multiple Pregnancy after IVF Use]. *Social Aspects of Population Health = Sotsial'nye aspekty zdorov'a naseleniya*, no 4. Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/340/30/lang,ru/> (accessed 5 May 2021) (in Russian).
- Bogomyagkova E. S., Lomonosova M. V. (2017) Vspomogatel'nye reproductivnye tekhnologii: k voprosu o novykh formakh sotsial'nogo neravenstva [Assisted Reproductive Technologies: New Forms of Social Inequality]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 20, no 3, pp. 180–198 (in Russian).
- Chernyavskaya K. A. (2018) Eticheskiye problemy biotekhnologii na primere vspomogatel'nykh reproductivnykh tekhnologii [Ethical Problems of Biotechnology on the Example of Assisted Reproductive Technologies]. *Journal Of Sociological Research = Zhurnal sotsiologicheskikh issledovaniy*, vol. 3, no 4, pp. 62–68 (in Russian).
- “Demograficheskoye samochuvstviye Rossii” na platforme IBM SPSS STATISTICS: Baza dannykh vserossiyskogo sotsiologicheskogo issledovaniya [“Demographic Well-Being of Russia” on the IBM SPSS STATISTICS Platform: Database of the All-Russian Sociological Research]. Available at: <http://xn--2020-43drgi3a1bwz7c9i.xn--p1ai/sample-page/> (accessed 5 May 2021) (in Russian).
- Dushina A. D., Kersha Iu. D., Larkina T. Iu., Provorova D. D. (2016) Legitimatsiya kommercheskogo surrogatnogo materinstva v Rossii [Legalization of Commercial Surrogacy in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 17, no 1, pp. 62–82. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/01/31/1136959333/1ecsoc_t17_n1.pdf#page=62 (accessed 5 May 2021) (in Russian).
- Esli aist ne prines [If the Stork Did Not Bring] (2020). *Rg.ru = Rossiyskaya gazeta*. 21 July. Available at: <https://rg.ru/2020/07/21/v-minzdrave-rasskazali-o-poluchenii-uslugi-eko-besplatno-po-polisu-oms.html> (accessed 21 July 2021) (in Russian).
- Iusupova O. G. (2014) Rody kak tsennost' v internet-diskurse subfertil'nykh zhenshchin o donorstve yaytsekletok i surrogatnom materinstve [Births as a Value in the Internet Discourse of Subfertile Women Discussing Egg Donation and Surrogate Motherhood]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 12, no 3, pp. 381–396 (in Russian).
- Iusupova O. G., Rusanova N. E. (2010) Sotsial'nyy portret patsiyentov reproductivnoy meditsiny [Social Portrait of Reproductive Medicine Patients]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 4, pp. 88–98 (in Russian).
- Izotova G. S. (2020) Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Analiz effektivnosti raskhodovaniya sredstv obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya v 2019 godu i istekshem periode

2020 goda pri provedenii protsedury ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya» [Report on the Results of the Expert and Analytical Event “Efficiency Analysis of Spending Compulsory Health Insurance Funds in 2019 and the Expired Period of 2020 During the In Vitro Fertilization Procedure], Moscow: Accounts Chamber of the Russian Federation. Available at: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/9b0/9b06bc06ddedb49a807822ad7cd21621.pdf> (accessed 21 July 2021) (in Russian).

Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A. (2018) Izmeneniya reproduktivnogo i brachnogo povedeniya nasele-niya Rossii (na osnove analiza vyborochnykh issledovaniy Rosstata) [Changes in Reproductive Behavior and Marriage Patterns of the Russian Population (Based on Analysis of Rosstat Sample Studies)]. *Social Area = Sotsial'noe prostranstvo*, no 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.1 (in Russian).

Kaprin A. D., Apolokhin O. I., Sivkov A. V., Solntseva T. V., Komarova V. A. (2016) Analiz uronefrologicheskoy zabolevayemosti i smertnosti v Rossiyskoy Federatsii za period 2002–2014 gg. [The Analysis of Uronephrologic Morbidity and Mortality in Russian Federation during the Period of 2002–2014 according to the Official Statistics]. *Experimental and Clinical Urology = Eksperimental'naya i klinicheskaya urologiya*, vol. 3, pp. 4–13 (in Russian).

Kozlova O. A., Sekitski-Pavlenko O. O. (2020) Modeli rozhdayemosti i reproduktivnogo povedeniya zhen-skogo naseleniya Rossii: sovremennyye tendentsii [Patterns of Birth Rate and Reproductive Behavior of Russian Female Population: Current Trends]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast = Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 13, no 5, pp. 218–231 (in Russian).

Luke B., Brown M. B., Wantman E., Seifer D. B., Sparks A. T., Lin P. C., Doody K. J., Van Voorhis B. J., Spector L. G. (2019) Risk of Prematurity and Infant Morbidity and Mortality by Maternal Fertility Status and Plurality. *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*, vol. 36, no 1, pp. 121–138. DOI: 10.1007/s10815-018-1333-z

Moreno-Sepulveda J., Checa M. A. (2019) Risk of Adverse Perinatal Outcomes after Oocyte Donation: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*, vol. 36, no 10, pp. 2017–2037. DOI: 10.1007/s10815-019-01552-4

Nifantova R. V., Krivenko N. V. (2014) Reproduktivniye tekhnologii kak sotsial'nyye innovatsii v sisteme zdravookhraneniya [Reproductive technologies as social innovations in the health care system]. *Economy of Regions = Ekonomika Regiona*, no 3 (39), pp. 191–197. DOI: 10.17059/2014-3-19 (in Russian).

O poryadke ispol'zovaniya vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy, protivopokazaniyakh i ogranicheniyakh k ikh primeneniyu [On the Procedure for Using Assisted Reproductive Technologies, Contraindications and Restrictions on their Use] (2020) *Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii ot 31.07.2020 № 803n* [The Order of the Ministry of Health of Russian Federation of July 31, 2020, No. 803n]. Available at: <https://cdnimg.rg.ru/pril/197/51/66/60457.pdf> (accessed 21 July 2021) (in Russian).

Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii [On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation] (2011) Federal'nyy zakon № 323-FZ [The Federal Law of the Russian Federation. 21 November 2011. No 323-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/3b0e0cbbd6f1b1a07c0b0b3d4df406a2ecf108a1/ (accessed 21 July 2021) (in Russian).

- Qin J., Sheng X., Wu D., Gao Sh., You Y., Yang T., Wang H. (2017) Adverse Obstetric Outcomes Associated with In Vitro Fertilization in Singleton Pregnancies: A Prospective Cohort Study. *Reproductive Sciences*, vol. 24, no 4, pp. 595–608. DOI: [10.1177/1933719116667229](https://doi.org/10.1177/1933719116667229)
- Registr VRT RARCH [The ART Register] (2020) Otchet za 2018 god [The Report for 2018], St. Petersburg: Russian Association of Human Reproduction. Available at: https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2018.pdf (accessed 12 May 2021) (in Russian).
- Rostovskaya T. K., Knyaz'kova E. A. (2021) Reproduktivnye ustanovki v rossiyskom obshchestve: po danym vserossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniya [Reproductive attitudes in Russian society: according to the nationwide sociological research]. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences = Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, vol. 14, no 2, pp. 121–129 (in Russian).
- Rostovskaya T. K., Shabunova A. A. (eds) (2021) *Demograficheskoye samochuvstviye regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskyy doklad-2020* [Demographic Well-Being of the Russian Regions. National Demographic Report 2020], Moscow: FCTAS RAS (in Russian).
- Rusanova N. E. (2020) Gendernyi vybor pri vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiyakh: vozmozhnosti, opasnosti, perspektivy [The Gender Choice in Assisted Reproductive Technologies: Opportunities, Risks, Possibilities]. *Population = Narodonaselenie*, vol. 23, no 2, pp. 125–135. DOI: [10.19181/population.2020.23.2.11](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.11) (in Russian).
- S 2021 goda budet dejstvovat' novyy porjadok ispol'zovaniya reproduktivnykh tekhnologiy [A New Procedure for the Use of Reproductive Technologies will be in Effect from 2021] (2020) GARANT.ru. Available at: <https://www.garant.ru/news/1420725/> (accessed 12 May 2021) (in Russian).
- Savina A. A., Feyginova S. I., Kurayeva V. M., Armashevskaya O. V. (2020) Problema nesopostavimosti urovney zabolevayemosti muzhskim i zhenskimi besplodiyem vzroslogo naseleniya v Rossiyskoy Federatsii [The Problem of Incomparability of the Morbidity Rates of Adult Male and Female Infertility in the Russian Federation]. *Social Aspects of Population Health = Social'nye aspekty zdorov'a naselenia*, no 4. DOI: [10.21045/2071-5021-2020-66-4-7](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-7) (in Russian).
- Shakhvorostova T. V. (2018) Issledovaniye vzaimosvyazi mekhanizmov psikhologicheskoy i meditsinskoy etiologii zhenskogo besplodiya [Investigation of the Link between the Mechanisms of the Psychological and Medical Etiology of Female Infertility]. *Bulletin of the Mari State University = Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 3 (23), pp. 28–34 (in Russian).
- Sukhotskaya L., Pasek M., Blikhazh M., Leonidova G. V. (2021) Sotsial'no-psikhologicheskaya podderzhka par pri lechenii besplodiya (na primere pol'skogo issledovaniya) [Social and Psychological Support of Couples in Treating Infertility (Case Study of the Polish Research)]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast = Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 14, no 2, pp. 188–200. DOI: [10.15838/esc.2021.2.74.12](https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.12) (in Russian).
- Telegina E. G., Gras'ko A. A. (2018) Problemy ustanovleniya roditel'skikh prav i prav rebenka v institute surrogatnogo materinstva [Determination Problems of Parental and Child Rights in the Institute of Surrogate Motherhood]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod = Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no 6, pp. 150–155 (in Russian).

Tsipuriya N. G. (2014) Kliniko-epidemiologicheskiy retrospektivnyy analiz zhenskogo besplodiya [Clinical and Epidemiological Retrospective Analysis of Female Infertility]. *Herald of KRSU = Vestnik KRSU*, vol. 14, no 4, pp. 165–167 (in Russian).

Wyns C., De Geyter Ch., Calhaz-Jorge C., Kupka M. S., Motrenko T., Smeenk J., Bergh C., Tandler-Schneider A., Rugescu I. A., Vidakovic S., Goossens V. (2021) ART in Europe, 2017: Results Generated from European Registries by ESHRE. *Human Reproduction Open*, vol. 2021, no 3, hoab 026. Available at: <https://academic.oup.com/hropen/article/2021/3/hoab026/6342525> (accessed 17 January 2021).

Received: September 16, 2021

Citation: Natsun L., Kalachikova O. (2022) Vklad vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologij v vosproizvodstvo naseleniya Rossii i sotsial'nye aspekty ikh primeneniya [Contribution of Assisted Reproductive Technologies to the Reproduction of the Russian Population and Social Aspects of their Application]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 3, pp. 109–128, doi: [10.17323/1726-3247-2022-3-109-128](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-109-128) (in Russian).

Виталий Лехциер, Юлия Шекунова

Генетизация с точки зрения генетиков: направления, проблемы и перспективы персонализированного и предиктивного молекулярно-генетического тестирования в России

ЛЕХЦИЕР Виталий Леонидович — д-р философ. наук, профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королёва. Адрес: 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, д. 34.

Email: lekhtsiervitaly@mail.ru

Статья предлагает результаты качественного эмпирического социологического анализа медицинских генетиков на предмет их оценки проблем, возможностей и перспектив предиктивного генетического тестирования в России как относительно новой отрасли здравоохранения. Постепенное внедрение новой генетической технологии биопредикции в повседневную жизнь рассматривается в статье как явление генетизации или геномизации. Проведённый анализ учитывает три основные категории медицинских генетиков: (1) генетики-врачи, ведущие приём пациентов; (2) врачи — лабораторные генетики и (3) академические генетики, работающие в медицинских вузах. Анализ выявил, во-первых, те позиции внутри профессионального сообщества медицинских генетиков, которые можно назвать консенсусными. Например, в отношении проблематичности, характерной для методики подсчётов рисков, связанных с развитием мультифакторных заболеваний, или в отношении высокой стоимости тестирования сейчас и её неизбежного снижения по мере биотехнического прогресса, по поводу нежелания людей в России превентивно заботиться о своём здоровье, а также в отношении особых перспектив и востребованности отрасли онко- и фармакогенетики. Во-вторых, анализ выявил и те позиции, по поводу которых в релевантном профессиональном сообществе консенсуса нет. Например, это касается клинической полезности результатов тестирования на предрасположенность к мультифакторным заболеваниям, перспектив развития отрасли в целом и др. Между полюсами консенсуса и диссенсуса располагаются различные взгляды профессионалов на возможности и перспективы практик предиктивного генетического тестирования.

Результаты представленного в статье эмпирического исследования фундированы в историческом и теоретическом обзоре научной литературы по проблеме статьи, первоначальных выводов, сделанных в рамках изучения социальными науками (в основном западными) генетизации и её социальных следствий. Актуальность проведённого исследования особенно очевидна на фоне большого дефицита эмпирических исследований практик генетизации в России.

Ключевые слова: генетизация; предиктивное молекулярно-генетическое тестирование; персонализация; доверие; доступность; болезнь.

ШЕКУНОВА Юлия Олеговна — аспирантка Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королёва. Адрес: 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, д. 34.

Email: shekunovayulya@yandex.ru

Введение

В России индустрия предиктивного молекулярно-генетического тестирования (МГТ) находится на начальном этапе развития, хотя практически в каждом большом городе есть центр или центры, которые эту услугу предлагают. В последние годы государство и бизнес сделали существенные шаги по развитию этой отрасли биотехнологий. В частности, в апреле 2018 г. Министерство здравоохранения РФ издало приказ № 186 «Об утверждении концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины» в качестве приоритетной задачи отечественного здравоохранения [Об утверждении... 2018]. Обозначенные приоритеты поспособствовали в том числе наращиванию потенциала компаниями, занимающимися разработкой специализированных генетических тестов непосредственно для нужд отечественной клинической практики, для терапевтов, диетологов, эндокринологов, онкологов и т. д. [Как за 4 года... 2019]. Такие тесты предназначены для выявления рисков развития тех или иных заболеваний у человека (предрасположенности к ним) задолго до появления клинической картины или с началом характерной симптоматики должны показать перспективы протекания болезни, прогнозы по её лечению и сделать лечение существенно эффективнее. Появление проектов, связанных с МГТ и ориентированных на превентивную и предиктивную клиническую практику, само по себе позитивный тренд последних лет, поскольку, как отмечают многие аналитики, индустрия МГТ до этого времени была заточена исключительно на любопытство частных потребителей [Как за 4 года... 2019] или связана с потребностями фармкомпаний, заинтересованных в сбыте своей продукции [Ведёт себя по-мутантски... 2021].

Среди этапных мер по стимулированию практико-ориентированного МГТ можно назвать получение для такого тестирования отдельного норматива финансирования по программе госгарантий в 2019 г. Данное нововведение трактовалось прежде всего как инструмент развития персонализированной онкопомощи, таргетной терапии в онкологии — области медицины, являющейся на сегодняшний день триггерной для отрасли МГТ в целом [Ведёт себя по-мутантски... 2021; «Онкоатлас»... 2022].

По информации газеты «Коммерсант», в июле 2021 г. министр здравоохранения РФ Михаил Мурашко на встрече со студентами-медиками в Екатеринбурге заявил, что в России появятся генетические цифровые паспорта (начиная с новорождённых). В такой паспорт войдёт информация о геномном секвенировании. «В целом система здравоохранения движется по пути профилактической направленности и раннего выявления...» [В России появится... 2021]. Генетическая паспортизация населения как перспектива развития здравоохранения присутствует в президентском Указе № 97 от 11 марта 2019 г. «Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу». С 2023 г. все новорождённые будут проходить скрининг в рамках ОМС не на пять наследственных заболеваний (в Москве это число больше), а на 36, чтобы иметь возможность принять превентивные меры.

Если посмотреть на динамику развития отрасли МГТ в стране в целом, то мы увидим за последние несколько лет рост количества пациентов, которые прошли диагностику при помощи МГТ, включая тестирование по программе RUSSCO (НКО «Российское общество клинической онкологии») «Совершенствование молекулярно-генетической диагностики в РФ с целью повышения эффективности противоопухолевого лечения», увеличение производства генетических тестов (в том числе за счёт ОМС) и их разновидностей, особенно к 2020 г. [Ведёт себя по-мутантски... 2021]. Также заметно, что крупные компании планируют в 2022 г. увеличить объёмы производства тест-систем (например, систем Соло-тест АВ в компании «ОнкоАтлас») в несколько раз [«Онкоатлас»... 2022].

Всё это отдельные штрихи к общей картине, демонстрирующие вектор развития здравоохранения в стране в сторону превентивных и предиктивных возможностей медицинской науки, включая молекулярную генетику и геномику. Однако если отношение бизнеса к новой отрасли биотехнологии периодически становится объектом анализа [Кудрявцева 2016], то взгляд генетиков на перспективы и проблемы отрасли ещё не исследовался в российской науке. Такая задача становится тем более актуальной, что, во-первых, как отмечают многие представители бизнеса, внутри медицинского корпуса есть очевидная проблема с подготовкой кадров к использованию новых геномных технологий, что тормозит их внедрение в клиническую практику [Как за 4 года... 2019; «Онкоатлас»... 2022], а во-вторых, поле самих профессиональных генетиков неоднородно, оно включает в институциональном отношении лабораторных генетиков, генетиков-клиницистов и академических генетиков (биологов). Позиции этих специалистов могут отличаться.

Цель статьи — исследование точки зрения профессиональных генетиков в России на проблемы, возможности и перспективы предиктивного МГТ в стране. Эта цель будет достигнута через получение ответов на основные исследовательские вопросы:

- Какова точка зрения российских генетиков на области применения и возможности предиктивного и персонализированного МГТ в целом?
- Каков взгляд российских генетиков на проблемы и перспективы МГТ как инструмента персонализированной медицины в России?
- Каков взгляд российских генетиков на проблемы и перспективы МГТ как инструмента био-предикции?
- Как российские генетики оценивают доверие к МГТ в профессиональной среде?
- Как российские генетики оценивают экономическую доступность предиктивного и персонализированного МГТ для населения?
- Есть ли отличия во взглядах на проблемы, возможности и перспективы отрасли МГТ у российских генетиков разных специализаций и в чём они заключаются?

Статья строится следующим образом: обзор теоретических проблем МГТ и того, как они формулируются в современной мировой социальной науке; описание методологии эмпирического исследования, проведённого авторами статьи; изложение результатов эмпирического исследования; общие выводы.

Теоретический обзор

Более трёх десятилетий назад американский специалист в области медицинской экономики и контроля за биотехнологиями Эдвард Йоксен предположил, что возможность генетиков выявлять «пресим-

птомно больных» (*pre-symptomatically ill*) с помощью генетического тестирования и скрининга будет означать, что практически каждый человек, живущий в стране, где есть такие технологии, попадёт под усиленный медицинский контроль [Yoxen 1982]. С тех пор публикации о реальных и потенциальных социальных последствиях генетического тестирования и скрининга (для разных нозологий) растут в геометрической прогрессии. В основном социальные исследователи поднимают проблему влияния генетического тестирования на идентичность, на взаимодействие разных поколений внутри семьи, на процессы медиализации повседневности и возникновение медицинских рисков нового типа. Ряд эмпирических исследований посвящён тому, насколько готово население прибегать к подобным предиктивным (предсказательным) биотехнологиям. Например, английские социологи Карлос Новас и Николас Роуз утверждают, что в результате последних достижений в области наук о жизни, включая генетическую медицину, произошла «мутация идентичности», ставшая основанием конкретных практик [Novas, Rose 2000]. Исследователи утверждают, что одним из результатов этого сдвига стало появление фигуры «индивидуального генетического риска». Опираясь на результаты эмпирических социальных исследований в США, социологи делают, тем не менее, обобщения, как бы фиксируя мировые тенденции: индивиды и (или) их семьи начинают брать на себя ответственность за управление генетическими рисками — не только в связи с абстрактной нормой индивидуального здоровья, но и в связи с «обязательствами перед своими родственниками, перед теми, кого любишь, и перед будущим» [Novas, Rose 2000: 507]. Однако, несмотря на то что «идеи о биологической, биомедицинской и генетической идентичности, несомненно, будут внедряться, взаимодействовать, объединять и оспаривать другие притязания на личность», Новас и Роуз сомневаются, что они их полностью вытеснят [Novas, Rose 2000: 491]. Надо сказать, что скепсис в отношении распространённости, популярности генетических предиктивных технологий разделяют многие ученые, как мы увидим далее, и в том числе российские генетики, что показало наше эмпирическое исследование.

В литературе общие и социальные эффекты генетического тестирования, влияния генетики, её предиктивных и персонализированных возможностей на повседневную жизнь человека сегодня часто проходят под общей шапкой *генетизации*. В 1990-х гг. прошлого столетия понятие «генетизация» с позиций феминизма и конструктивизма ввела в научный оборот канадская исследовательница из Университета Макгилла, эпидемиолог и активистка Эбби Липпман. В своих работах она критиковала генетизацию за редуционизм, детерминизм и эссенциализм, понимая под генетизацией редуцию различий между людьми к их ДНК, редуцию патологии или даже поведения человека к его генетике (особенно в контексте репродуктивного выбора женщин) вместо выяснения их социальных, структурных и экологических причин, в целом сущностную натурализацию социальных категорий [Lippman 1991; 1992].

Однозначная негативность понятия «генетизация» у Липпман впоследствии сменилась его нейтральным аналитическим функционированием в работах медицинских антропологов, социологов и философов. Эссенциалистские страхи в отношении генетизации более не являются релевантными для социального мышления, как пишет английский учёный Майкл Аррибас-Айлон в статье с характерным названием «После генетизации» [Arribas-Ayllon 2016]. Он отмечает: «Как и медиализация, генетизация относится к стилю социологического мышления, связанного с конститутивной силой биомедицины. Явно лингвистическая версия социального конструктивизма преувеличивает эссенциализирующие эффекты генетических знаний, поскольку воспринимает биомедицину как единую совокупность отношений, недооценивает многообразие и самостоятельность людей, а также чрезвычайную сложность генетики и производства генетических знаний» [Arribas-Ayllon 2016: 137]. Майкл Аррибас-Айлон полагает, что новые социологические стили в оценке бимомедицины, в том числе медицинской генетики, их влияния на повседневную жизнь человека, более многомерны.

К нейтральному анализу генетизации (при котором взвешиваются все «за» и «против» этого процесса) можно отнести работы известного медицинского антрополога Петера Конрада. Он говорит о генетиза-

ции осторожно и в основном в футурологической перспективе, считает, что генетизация не приводит автоматически к медикализации, но в ряде случаев генетические открытия могут способствовать медикализации психологических или социальных проблем. Главное, что отмечает Конрад: генетизация придала новый импульс понятию «медицинский риск», усиливая его генетическими смыслами. Расширение за счёт генетического тестирования реестра «протозаболеваний» (*protodisease*)¹, чревато тем, что «потенциально каждый человек может стать объектом медицинской помощи и исчезнет последний здоровый человек» [Conrad 2007: 163].

Этим теоретическим размышлениям отчасти вторят некоторые выводы-концептуализации английско-го антрополога Моника Конрад [Konrad 2005], сделанные ею в ходе этнографического исследования того, что происходит в семьях, где одни члены семей принимают «моральное решение» пройти генетическое тестирование, а другие отказываются (в семье — болезнь Хантингтона). Моника Конрад предлагает понятие «предсказанные реальности» (*prophetic realities*), складывающееся в современном обществе в результате развития генетических технологий. И также она вводит понятие «предсимптомный человек» (*pre-symptomatic person*), делая акцент на том, что при этом происходит между поколениями, как медикализируются узы родства.

Более широко смотрят на генетизацию в масштабной и во многом итоговой работе «Антропология биомедицины» Маргарет Лок и Вин-Ким Нгуена. Они пытаются оценить в том числе перспективы индустрии МГТ, скрининга. Поскольку индивидуальная ответственность за «управление рисками» поддерживается правительствами и культивируется современной культурой, то и население, предполагают авторы монографии, по идее должно воспринять новые возможности предиктивной медицины с горячим энтузиазмом. «Однако на сегодняшний день реакции людей на генетическое тестирование явно неоднозначны <...> Похоже, что значительная часть населения не так увлечена идеей о том, что мы вскоре сможем решить мировые проблемы на основе накопления знаний о генах, как считают несколько известных биологов» [Lock, Nguyen 2010: 305–306]. Антропологи, опираясь на некоторые собранные данные (см.: [Quaid, Morris 1993; Beeson, Doksum 2001]) и собственные обобщения, приводят цифры, согласно которым только 15–20% взрослых людей, входящих в ту или иную группу риска в отношении определенного генетического заболевания — своего или эмбриона, — были готовы пройти генетическое тестирование. «И этот вывод был сделан в течение более чем десяти лет (эти цифры в разных странах различны и зависят от рассматриваемого заболевания)» [Lock, Nguyen 2010: 311]. Сопроотивление людей генетическому тестированию на предрасположенность к тем или иным заболеваниям антропологи объясняют неопределённостью, недоверием, сомнением, которые есть у людей в отношении генетизации, причём даже в связи с большинством менделирующих признаков, вызванных мутацией в одном гене, хотя у современных генетиков сегодня тесты на такие заболевания недоверия не вызывают. Также общему скепсису, по мнению антропологов, способствует имеющийся у генетизации потенциал различных форм социальной дискриминации, стигматизации, опасения людей по поводу возможных трудностей с трудоустройством, страховым покрытием этих практик. Даже эпистемическое сомнение в предсказательной силе предиктивной генетики, в её способностях действительно предсказать тяжесть будущих заболеваний и факт проявления их симптомов, в принципе, тоже имеет место.

Более того, как заявляют Маргарет Лок и её соавторы в другой работе — в статье, посвящённой сравнению двух эмпирических исследований, проведённых соответственно в Канаде и США в начале 2000-х гг., — нет никакой разницы в поведении, в отношении к потенциальному заболеванию между

¹ П. Конрад пользуется термином американского историка медицины Чарльза Розенберга [Rosenberg 2000], который трактовал медицинские риски фактически как протозаболевания. Об этом явлении — об отождествлении рисков и болезней, а также о начале карьеры пациента с обнаружения медицинского риска, — особенно в «обществе ремиссии» [Frank 1997], см. программную статью: [Aronowitz 2009].

людьми, которые проинформированы и не проинформированы о рисках развития определённого заболевания. В обоих обсуждаемых исследованиях речь шла о болезни Альцгеймера. В первом исследовании, в Монреале, у 40 членов семей (средний возраст 40 лет), в которых у кого-то уже был выявлен Альцгеймер, брали интервью на тему причин возникновения этой болезни, источников информации о ней, способов реагирования на неё в том случае, если будет обнаружена предрасположенность к Альцгеймеру. Второе, количественное, исследование проводилось в разных штатах Америки (442 участника), имело сложный дизайн, включало два этапа, в том числе этап информирования участников о болезни Альцгеймера, её причинах, способах лечения, о генетической предрасположенности к ней и интервью с теми участниками, у кого был выявлен генетический риск развития Альцгеймера (на основе генотипа, пола и семейного анамнеза). Согласно авторам статьи, даже после неблагоприятного прогноза те респонденты, которые прошли специальное обучение в отношении болезни Альцгеймера, не продемонстрировали изменений в образе жизни (с ними в течение года несколько раз брали интервью, мониторили уровень тревоги), в идентичности, их самосознание никак не изменилось. Главным фактором в объяснении болезни у респондентов обоих исследований были семейная история и личный опыт. Главной причиной этого явления авторы статьи считают неопределённость генетических прогнозов, особенно для болезней поздних возрастов. «По этой причине, — заключают исследователи, — глубокие изменения в “воплощённой идентичности” и семейных взаимодействиях на основании информации о генотипировании сложного (*forcomplex*) заболевания не станут обычным явлением. Правительства не будут финансировать генетические тестирования на такие заболевания, хотя научная неопределённость не помешает частному сектору это тестирование предлагать <...> и немало людей предложение примет» [Lock et al. 2007: 272].

В последние годы превентивные и предиктивные молекулярно-генетические технологии стали предметом научной рефлексии и в России. Правда, в основном это теоретические штудии или обзорные статьи. Например, статья Анастасии Угаровой, обобщающей исследования генетического тестирования на предрасположенность к онкологическим заболеваниям, прежде всего к развитию рака молочной железы [Угарова 2018], или проблемная статья Елены Богомяжковой о генетизации как социально-эпистемологическом феномене [Богомяжкова 2016]. Систематический биоэтический и философско-антропологический анализ персонализированной геномной медицины, или 4П-медицины, в том числе её превентивных и предиктивных возможностей и их следствий для человека, был проведён в рамках коллективного трёхлетнего проекта, реализованного в Институте философии РАН на базе сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики под руководством проф. П. Д. Тищенко. Результаты этих теоретических исследований опубликованы в трех тематических сборниках «Рабочих тетрадей по биоэтике» [Тищенко 2015; 2016; 2017]. На фоне идущих социально-эпистемологических, биоэтических (см.: [Гребенщикова 2016; Попова 2017; Юдин 2019; Шевченко, Шестак 2019; Шевченко 2021]) размышлений о генетизации и (или) геномизации редким исключением оказываются эмпирические социологические исследования тех или иных аспектов практик генетического тестирования и консультирования (см.: [Широков 2019]).

Надо признать, что, к сожалению, очевиден дефицит эмпирических социологических исследований практик МГТ и состояния этой отрасли в России. Например, у нас пока нет аргументированного знания о том, готовы ли российские граждане к таким превентивным «самосохранительным» практикам, которые предлагает современная медицинская генетика. Более того, мы не знаем точку зрения самих генетиков, имеющих дело непосредственно с генетическими тестами, или биологов, занимающихся фундаментальными и прикладными исследованиями в области генетики, на возможности, проблемы и перспективы отрасли МГТ. Необходимость в таком эмпирическом социологическом анализе очевидна. Подобные исследования можно включить, с одной стороны, в общую рамку научного интереса к практикам медицинского самосохранительного поведения россиян [Назарова 2007; Кузеванова, Лещенко 2016; Бердышева, Белявский 2021], к оценке врачей этих практик, с другой — в контекст систе-

матических исследований точки зрения врачей на состояние здравоохранения в стране (например, из последних актуальных работ такого типа см: [Ослон et al. 2021]).

Итак, обзор проблематизаций МГТ, предложенных современными социальными науками, позволяет выделить следующие концептуальные сюжеты:

- появление новых медиализированных идентичностей («пресимптомный человек»), медицинских рисков нового типа, корректирующих отношения между поколениями в семье;
- конфликт эпистемических медицинских логик, в одной из которых делается ставка на биопредикцию, а в другой подвергаются сомнению целесообразность такой биопредикции и сама возможность генетического предсказания;
- скепсис по отношению к тотальному внедрению МГТ, недоверие населения к МГТ, даже некоторое сопротивление по отношению к его применению в своей жизни (причины — неопределённость результатов тестирования, неверие в предсказание, страх перед социальными последствиями тестирования).

Некоторые из этих проблемных сюжетов (проблема доверия к МГТ, взгляд врачей на готовность его использовать в клинической практике и повседневной жизни, столкновение эпистемических логик при оценке перспектив и актуальности МГТ) мы увидим в результатах нашего эмпирического исследования.

Методология исследования

К участию в исследовании были приглашены специалисты в области молекулярно-генетических технологий. В исследовании использовался качественный метод свободного интервью. Проходили интервью в течение 2021 — начала 2022 гг., как офлайн (по месту работы информанта или за его пределами), так и онлайн на платформе ZOOM (или с использованием других видеосервисов). На интервью и публикацию их результатов после транскрибирования и анонимизирования было получено согласие от всех информантов.

Объектом исследования выступили медицинские генетики; предметом — их оценка проблем, возможностей и перспектив предиктивного генетического тестирования в России. Среди привлечённых к исследованию специалистов — медицинских генетиков есть три типологические категории этой профессиональной группы: *врачи-генетики* (ведущие амбулаторный приём пациентов); *лабораторные генетики*; *академические генетики*, работающие в медицинских вузах. В некоторых случаях информанты могли совмещать названные институциональные роли, например вести генетическую консультацию и одновременно работать в лаборатории с биоматериалами или заниматься академическими исследованиями на кафедре генетики в одном из медицинских вузов. В таких случаях мы будем указывать все профессиональные характеристики информанта, например: *врач, лабораторный генетик* (см. приложение). При целевом отборе, который мы использовали, участие в интервью представителей всех трёх институциональных позиций в сфере медицинской генетики мы посчитали необходимым, поскольку медицинское знание исторически и эпистемологически гетерогенно, как показал ещё Мишель Фуко в «Рождении клиники», и так как внутри медицинского знания существуют и часто вступают в конфликт разные эпистемические логики, или «онтологические политики», как их называет современный нидерландский медицинский антрополог Аннмари Мол [Mol 2002]. Мы допускаем, что взгляды на генетизацию и (или) геномизацию, её проблемы и перспективы у разных категорий медицинских генетиков могут различаться.

Выход на информантов основывался на их институциональной принадлежности и непосредственно на роде профессиональной деятельности в поле медицинской генетики (работа в профильных медицинских учреждениях) в сочетании с методом «снежного кома». Всего на данный момент в исследовании приняли участие 12 медицинских генетиков. Регионы ведения их профессиональной деятельности: Москва, Санкт-Петербург, Самара. В типичном региональном городе-миллионнике Самаре, где было инициировано исследование, практика предиктивного генетического тестирования существует уже более 10 лет в сфере частного здравоохранения; Москва и Санкт-Петербург — города с наибольшим в России количеством предложений предиктивных генетических технологий. Привлечение к опросу специалистов как из региона, так и из столиц создаёт существенно больше эпистемического потенциала для анализа проблем, возможностей и перспектив исследуемой медицинской практики.

По некоторым результатам нашего исследования для повышения их качества использовалась триангуляция с результатами других исследований [Кудрявцева 2016; ВЦИОМ 2020].

Генетизация, ключевое понятие статьи, означает социальный процесс внедрения в жизнь практик предиктивного и персонализированного молекулярно-генетического тестирования (МГТ). Контекстуально как синоним к нему в тексте может употребляться понятие «геномизация», поскольку предиктивное молекулярно-генетическое тестирование — практика, ставшая возможной после расшифровки генома человека и основанная на молекулярно-генетическом анализе индивидуальной геномной информации.

Стратегия нашего исследования включает как описание изучаемого явления, так и его объяснение, то есть обнаружение порождающих его причин. Под объяснением понимается, с одной стороны, «семантическое объяснение» [Девятко 1996: 16], то есть трактовка этих причин с позиций информантов, с другой — теоретическая надстройка в виде исследовательских конструкторов второго порядка.

Результаты эмпирического исследования

Изложение результатов будет соответствовать исследовательским вопросам и работать на реализацию главной цели статьи. Логика этой части статьи — движение от выделения направлений предиктивного и персонализированного МГТ в России, как их видят генетики, к обсуждению МГТ как инструмента персонализации медицинской помощи и новаторского инструмента биопредикции. Проблема доверия к возможностям предиктивного и персонализированного МГТ со стороны самих генетиков и экономическая доступность этого вида геномных технологий для населения (с точки зрения профессиональных генетиков) вынесены в следующие отдельные разделы результатов. В полученных интервью профессиональные группы генетиков осмысливают генетические исследования с точки зрения их вписанности в институциональную инфраструктуру и медицинское взаимодействие. Сквозным аналитическим мотивом в изложении результатов исследования будет выделение точек диссенсуса или консенсуса внутри сообщества генетиков по тем или иным проблемам генетизации.

Направления и цели предиктивного и персонализированного МГТ в России

Успех проекта по расшифровке генома человека дал науке и медицине надежду на понимание причин, от которых зависит развитие болезней и возможности их предотвращения. На данный момент предиктивное МГТ осуществляется по нескольким направлениям. Прежде всего, информанты выделяют онкогенетику и фармакогенетику. В этих областях генетика сейчас наиболее развивается и применяется в России. Тесты на предрасположенность к некоторым видам рака можно пройти самостоятельно в частных лабораториях, в рамках ОМС генетические тесты проводятся для определения природы рака и при назначении таргетной терапии. Выявление предрасположенности к развитию определенных онкологических заболеваний способно помочь изменить тактику обследования и выявить болезнь на ранней стадии.

Это заболевания из большой группы наследственных опухолевых синдромов. То есть это заболевания, как у Анжелины Джоли... Тест нужен для того, что, если у человека был выявлен такой генетический вариант, мы можем изменить тактику его профилактического обследования. У нас нет, как за рубежом, профилактических операций прямо совсем на здоровых органах, это запрещено. Но у нас есть, например, возможность изменить наблюдение. Таких заболеваний тоже достаточно много, их целая группа (информант № 5)².

В фармакогенетике тесты проводятся перед использованием дорогостоящих препаратов для понимания их эффективности для конкретного пациента. Кроме того, большая часть лекарств усваивается у людей по-разному, поэтому превентивное тестирование с целями персонализации лечения помогает избежать нежелательных побочных эффектов.

И сейчас для большей эффективности проводят генетический скрининг, чтобы понять, как этот лекарственный препарат будет принят (информант № 3).

Есть и неплохие разделы по фармакогенетике, они работают. То, что у нас лекарственные препараты могут у человека индивидуально метаболизироваться... Есть там несколько десятков этих лекарственных препаратов, где, в принципе, генетическое тестирование может быть полезным (информант № 5).

Следующее направление в генетике, также успешное и развивающееся, которое выделяют информанты, репродуктивное. Речь идёт о планировании беременности и помощи партнёрам в рождении здорового ребёнка. К таким тестам относится кариотипирование будущих родителей (обнаружение нарушений на уровне хромосом), выявление носительства наиболее распространённых моногенных заболеваний и неинвазивное перинатальное тестирование (НИПТ), делающееся беременным женщинам на 10–13-й неделях беременности. НИПТ позволяет на раннем сроке определить вероятность наличия у ребёнка грубых патологий.

Ведь нюанс такой, что я здорова и всё хорошо, у молодого человека всё хорошо, и в семьях всё хорошо, но, к сожалению, рождается больной ребёнок. Как так? И начинаем выяснять мутации, которые при сочетании ваших генов в определённом проценте могут дать совершенно больных детей (информант № 4).

Предиктивное и персонализированное МГТ может осуществляться в рамках исследований на предрасположенность к развитию мультифакторных заболеваний, возникающих при неблагоприятном сочетании генетической особенности человека и специфических факторов окружающей среды. К подобным заболеваниям можно отнести сахарный диабет, ранний атеросклероз, некоторые эндокринные, сердечно-сосудистые и т. д. Предиктивная сила генетических тестов на предрасположенность к этим заболеваниям, как говорят информанты, заключается в возможности узнать вероятность их развития и предотвращения путём коррекции образа жизни, питания, физических нагрузок, составления плана дополнительных обследований для выявления болезни на ранней стадии. В настоящее время потребителю доступны как отдельные тесты на предрасположенность (например, на определение мутации, приводящей к раку молочной железы), так и целые комплексы МГТ — так называемые *генетические паспорт* и (или) карты здоровья. Чаще всего они включают анализ на предрасположенность к наиболее распространённым мультифакторным заболеваниям, некоторым онкологическим заболеваниям, а также выводы о подходящих физических нагрузках для человека и персоналогические данные по фармакологии.

² Более подробную информацию о респондентах см. в приложении.

Понимать свои сильные и слабые стороны — это как раз идея превентивной медицины, конечно. Да, да, и ещё раз да. Это, конечно, круто. Но понимают это только те, кто сделал эти паспорта и понимают сильные и слабые стороны своих детей. Вот он посмотрел и думает, что да, теперь буду понимать, что делать.... У нас есть такие генетические паспорта, благодаря которым мы можем даже интеллектуальные способности ребёнка выявить (информант № 4).

Также предиктивное и персонализированное МГТ может определять особенности метаболизма, усвояемости витаминов. Подобные тесты показывают, как усваиваются группы продуктов в зависимости от генетики человека, что даёт возможность подобрать индивидуальную программу питания и избежать ряда медицинских проблем. Особенно эффективно такое тестирование может быть для ребёнка, что должно, по замыслу, предотвратить аллергические реакции по мере взросления и привить культуру питания в зависимости от потребностей ребёнка.

Тем более эти паспорта можно же делать вообще, как малыш родился... И вот у одного сразу на раннем сроке выскочила лактозная недостаточность. То есть у ребёнка ещё даже не было проявлений, но родители уже знали, как проводить прикорм, и доктора они уже об этом информировали. То есть доктор посмотрел, увидел, что у ребёнка есть такая мутация, поэтому прикорм должен быть другой (информант № 4).

Ещё одним направлением предиктивного и персонализированного МГТ, которое отметили опрошенные генетики, является определение физических способностей человека. Существует отдельная отрасль — спортивная генетика (активно такими исследованиями занимаются в Санкт-Петербурге), а также практика подбора игроков в профессиональные спортивные клубы, исходя из генетики спортсмена. Обычным потребителям также доступны тесты, показывающие предрасположенность к определённым видам спорта. Исходя из медицинских рекомендаций, у человека появляется возможность сформировать план тренировок, предполагающий максимальную эффективность при минимальных рисках для здоровья.

Я просто знаю в Санкт-Петербурге тех, кто продвигает этот вопрос. Они работают напрямую с командами и отбором кандидатов в эти команды. Они смотрят по клеточному метаболизму генов. Есть так называемые группы спринтеров, стайеров и смешанная группа (информант № 7).

Некоторые лаборатории предлагают сдать генетический тест на определение творческих способностей и характера. Эти тесты могут показать индивидуальную склонность к определённому виду творчества или даже мыслительной деятельности. Однако такие тесты и рекомендации по ним, как говорят информанты, должны быть совместной работой генетика и психолога в силу специфики данных.

Краткий вывод раздела: генетики выделяют несколько направлений в практике предиктивного МГТ в отечественной медицине, каждое из которых имеет свою цель. Эти направления — онкогенетика, фармгенетика, репродуктивная генетика, спортивная генетика, тестирование на определение метаболизма и талантов, составление генетических паспортов здоровья.

Проблемы и перспективы МГТ как инструмента новой для России персонализированной медицины: точка зрения профессионалов

МГТ даёт врачам уникальную возможность учитывать индивидуальные особенности пациентов. Однако умение пользоваться таким инструментом в медицинской практике среди врачей-лечебников инфор-

манты оценили как невысокое. Информанты связывают это с тем, что в медицинских университетах курс по генетике долгое время оставался на уровне «скрещивания горошка» и основных менделевских расстройств, не включал знания о последних достижениях медицинской и лабораторной (в широком смысле) генетики. Отсюда может следовать, по мнению информантов, и общее скептическое отношение к предиктивному и персонализированному генетическому тестированию в среде врачей-клиницистов различных специальностей. Слабая информированность в области генетики приводит к тому, что практикующие специалисты (особенно старшего возраста) не обладают достаточными знаниями о новых генетических технологиях и их возможностях, не могут работать с индивидуальной генетической информацией и выстраивать персональные рекомендации. Эта точка зрения была высказана в наших интервью прежде всего лабораторными генетиками.

Есть ещё недостаток очень большой того же базового образования не просто у пациентов, но у врачей первичного звена, очень большой (информант № 10).

К сожалению, многие врачи, особенно более старшего поколения, в силу того, что этому просто не учили в институте, они просто не знают. У них нет знаний в области генетики. Даже если кто-то знает какие-то патологии серьёзные, то вот эти полиморфизмы... ими надо специально заниматься. Многие не верят, что это действительно работает (информант № 11).

Такая точка зрения, выявленная нашими интервью, согласуется с данными социологических исследований крупных представителей бизнеса в сфере геномики. Бизнесмены, занимающиеся развитием отрасли МГТ, отмечая возможности геномики в плане персонализации медицинской помощи, озабочены тем, что обучение врачей новым технологиям, умению работать с новым типом данных остаётся в России делом не национальным, а частных компаний (точка зрения Владимира Волобуева, управляющего директора и сооснователя «MyGenetics» [Кудрявцева 2016]).

Однако наши информанты полагают, что в будущем ситуация может измениться в лучшую сторону, поскольку в ответ на потребность знаний в области генетики меняется и медицинское образование. Этому способствуют государственные программы, предполагающие гранты на исследовательскую деятельность, привлечение в университеты практикующих и лабораторных генетиков и генетиков-врачей. По мнению информантов, уже с первых курсов в медвузах начинают добавлять дисциплины, обучающие основам генетики и информирующие о новых генетических исследованиях. Кроме того, информанты отметили, что и сами студенты, будущие специалисты, активно интересуются новыми возможностями геномики и её применением в лечебной практике.

Если они знающие, желающие знать, познающие, а таких студентов у нас, к счастью, большинство, они сами это прекрасно все видят. И потом даже уже в медийной среде понятно, что генетические технологии — это наше будущее... Ну и мы, конечно, со своей стороны обязательно стараемся их ориентировать, уже с первого курса направляем на то, что уже существуют новые технологии (информант № 6).

Кроме того, по мнению наших информантов, значение имеет не только обучение современной генетике врачей-лечебников, но и обучение самих генетиков особым коммуникативным компетенциям, необходимым для проведения индивидуальных консультаций, в частности — по генетическим паспортам здоровья и другим типам предиктивного тестирования. Поскольку знание не врачей, а обычных клиентов о генетике зачастую ограничивается минимальным школьным уровнем, для полного понимания возможностей и ограничений тестирования необходима беседа генетика и пациента (клиента). Только в формате такого развёрнутого общения интерпретация результатов тестов будут носить наиболее доступный и информативный характер, будут грамотно преподноситься сведения о вероятностном

характере развития заболеваний, обговорены все риски и расписан план необходимых обследований [Широков 2019]. Однако не все пакеты услуг, предоставляемых частными компаниями, включают консультацию с врачом-генетиком, что увеличивает риск того, что клиент может «забить и начать опасные мероприятия» (информант № 5).

Вообще, человек записывается, и мы беседуем. То есть узнаю его анамнез. И, конечно, спрашиваю его о том, что он хочет получить от этого паспорта. Потому что иногда... не всегда пациент понимает, что ему надо, поскольку перечень паспортов действительно большой. Если он говорит о том, что хочет в отношении фигуры, понятно, что мы над этим будем работать. И у меня опросник будет соответствующий. То есть мне другие данные нужны будут. Если ему нужны данные относительно прогноза потомства, это совершенно другие данные будут. Или он говорит: я просто хочу узнать о своём здоровье, прогноз жизни. И тогда, уже узнавая у него изначально определённые аспекты, я уже направляю его в лабораторию, я указываю, какой паспорт. И если есть какие-то особенности, я эти акценты представляю, чтобы доктора, которые проводят исследования и выполняют расшифровку, уже учитывали эти нюансы (информант № 4).

Важный тезис, который высказали наши информанты, касающийся персонализации медицинской помощи, заключается в том, что применение персональной генетической информации в рамках государственного здравоохранения сильно осложнено. Причиной тому являются медицинские стандарты. Жёсткие регламентации относительно назначения обследования, лечения и рекомендаций не включают возможность изменять что-либо исходя из сделанного пациентом (по собственному желанию) генетического теста. В том числе это касается и информации о (не)переносимости фармацевтических препаратов. Официальное назначение специалистом индивидуальной дозировки лекарств на основе такого теста незаконно и может повлечь за собой негативные последствия для врача. Информанты говорят о реальном разрыве между наукой и медицинской практикой, регулируемой государственными стандартными протоколами лечения. Отдельно информанты выделяют ситуацию, когда пациента на МГТ отправляет лечащий врач. В этом случае полученные результаты являются веским основанием для изменения тактики лечения и (или) дальнейшего обследования.

У нас есть стандарты, я их ни в коем образе не умаляю в плане лечения той или иной болезни... И вот он [врач] лечит, а человеку лучше не становится. И обосновать это он никак не может. А была бы генетика, мы могли бы обосновать, что у него [пациента] есть мутация, и нет выработки ферментов, которые расщепляли и использовали бы составляющие этого препарата. Или этому товарищу нужна нестандартная дозировка, ему в три раза больше дать надо. Тогда он получит эффект. А этому ни в коем случае давать нельзя этот препарат, потому что он для него является токсичным (информант № 4).

Проблемы с персональным подходом к пациенту наблюдаются не только в государственных медучреждениях, но и в частных лабораториях. Медицинские лаборатории или компании по предоставлению генетических услуг часто предлагают уже сформированный комплекс генетических анализов на разные заболевания. Этот перечень составляется конкретной лабораторией и не зависит от индивидуальных особенностей человека, не учитывает персональные данные, связанные с условиями жизни и работой, а также пожелания по их изменению. Перечень услуг, по словам информантов, может содержать как действительно необходимую информацию для конкретного человека, так и совершенно ненужную. Связи некоторых заболеваний, сопровождающих человека, не учитываются. По этой причине клиент, заплативший деньги за получение уникальных данных, в итоге получает результаты не по тем заболеваниям, к которым у него действительно может быть предрасположенность.

Потому что опять-таки нужен индивидуализирующий подход. Потому что кому-то нужно определять мутацию, предполагающую возникновение, а кому-то нет. В этом разница. Кто-то нуждается в одних исследованиях, кто-то в других. В этом вся соль. А что в этом генетическом паспорте, кто утверждал этот перечень, непонятно. Опять-таки, на определенный круг болезни паспорт рассчитан. Но пусть не будет тут болезней, но вдруг если что-то другое посмотреть, то где-то ещё появится. Есть болезни, и есть же коморбидные состояния, которые сопровождают эту болезнь. Ожирение, гипертоническая болезнь и атеросклероз, как правило, вместе идут. Вот тогда — да, тогда можно посмотреть здесь, здесь и здесь, и как на генетическом уровне. Очень индивидуальный должен быть подход (информант № 6).

Общее мнение опрошенных генетиков состоит в том, что российская система здравоохранения пока не готова к персонализации медицинских услуг. Для этого требуется не только активное внедрение дорогостоящих генетических технологий в клиническую практику, признание их российским медицинским сообществом, но и дополнительное обучение всех действующих специалистов, а также финансовое обеспечение возможности прибегать к МГТ. В настоящий момент делаются попытки создать подобные медицинские центры, но пока они узкоспециализированы под определенные группы заболеваний (как, например, «Национальный центр персонализированной медицины эндокринных заболеваний»). В будущем возможны медицинские центры, где каждый из специалистов обучен тому, как интерпретировать генетические данные.

Потому что даже если делать центр персонализированной медицины, то нужны все специалисты — гинеколог, пульмонолог, хирург, — чтобы они все владели этими методиками. Чтобы они умели интерпретировать эти данные. Соответственно, каждому нужно получить сертификат, каждого обучить, поэтому и человек, который туда попадает, платит огромную сумму, чтобы, во-первых, пройти генетический тест, второе — за консультации. А в итоге ему будут назначать специфическое персональное лечение специфическими препаратами, которые тоже не будут стоить 100 рублей в ближайшей аптеке (информант № 3).

И вот этот уход в персонализированную медицину — без этого не обойтись. Как бы в нашем коде, в наших генах, собрано столько всего... И наш образ жизни, и какие мы будем, и что нам можно, и что нам нельзя, и что нас ждёт, и что нас не ждёт. В общем-то, без этого, как мне кажется, не обойтись (информант № 1).

Краткий вывод раздела: мнение опрошенных российских генетиков всех трёх категорий состоит в том, что российская система здравоохранения пока не готова к персонализации медицинской помощи на основе МГТ. В государственном секторе медицины разрыв между наукой и практикой обусловлен госстандартами и протоколами лечения, однако и в частном секторе превалирует не запрос клиента, а стандартные для той или иной лаборатории комплексы генетических анализов. Общая проблема в развитии персонализации — не только недостаточное финансирование этой отрасли, требующей дорогостоящих технологий, но и отсутствие должных знаний о МГТ у врачей-клиницистов (из-за сложившейся ситуации с преподаванием генетики в медвузах), о чём говорят в основном лабораторные генетики, и, как следствие, скепсис врачей-клиницистов по отношению к этой отрасли. Проблемой также является и умение генетиков доносить сложную информацию до пациентов. Однако опрошенные генетики полагают, что интерес к МГТ у нынешних студентов медвузов и реальные клинические потребности в МГТ должны в перспективе изменить ситуацию с персонализацией медпомощи на основе генетизации в России.

Проблемы и перспективы МГТ как инструмента новой для России предиктивной медицины: точка зрения профессионалов

Молекулярно-генетические тесты, выявляющие риски развития заболеваний, представляют собой инструмент, работающий в рамках предиктивной медицины, особенно в рамках онкологических заболеваний. Обнаруженная предрасположенность к развитию онкологии позволила бы как принять профилактические меры, так и выявить болезнь на ранней стадии. Один из специалистов в интервью рассказал о подобном удачном опыте своей пациентки. При этом, по словам генетиков, сейчас перед врачами, к сожалению, по-прежнему ставится задача лечения болезней, но не их предотвращения.

Так, конечно, нет, не любят работать с этим предиктивным тестированием. Ну, потому что соответственно не умеют работать со здоровыми людьми (информант № 5).

На памяти у меня такой случай: была пациентка, которая, видя акцию, решила обследоваться на онкогенетику. Причём совершенно здоровая. Обследовалась — у неё высокий риск. И надо же так случиться, что буквально за три месяца у неё развилась онкология очень серьёзная. Она успела вовремя операцию сделать. Потом она пришла с благодарностью и претензией к нам. С благодарностью, что вовремя, что она осталась живая. С претензией — почему же вы об этом молчите, не говорите... (информант № 7).

Большую роль в отсутствии готовности клинических врачей использовать предиктивные биотехнологии играет, по мнению информантов, отсутствие подобного желания у самих пациентов. Взятые интервью дают нам основание выделить три причины этого обстоятельства (как их видят генетики).

Во-первых, это происходит в силу особенностей русского менталитета, проявляющегося в нежелании в принципе знать о собственном будущем и заранее продумывать свою жизнь. Информанты полагают, что западный менталитет предполагает планирование жизни вплоть до её окончания, поэтому забота о здоровье и желание принять превентивные меры вполне органичны для такого стиля жизни. Граждане России, напротив, не привыкли так далеко заглядывать в будущее и превентивно заботиться о здоровье [Бердышева, Белявский 2021]. Мнение наших информантов совпадает с результатами исследования, проведённого «Левада-Центром»³: 38% респондентов не строят планов на будущее; 34% опрошенных знают, что с ними будет в ближайшие год-два, а на большее они не загадывают [Левада-Центр 2020]. Схожие данные обнаружил Институт психологии РАН совместно с ВЦИОМом в октябре 2021 г. [Российская академия наук 2021].

На самом деле это наш менталитет, к сожалению. Да... На Западе принято жизнь планировать вплоть до последней минуты, поэтому они заинтересованы в поисках всех рисков. Я вот когда-то общался с пациентами, врачами. Подавляющее большинство наших людей стараются быть в неведении: будь что будет... (информант № 7).

Во-вторых, следует выделить во вторую самостоятельную обсуждаемую информантами причину низкого спроса на предиктивное МГТ у клиентов нежелание заниматься профилактикой болезней.

Но я даже не знаю, когда мы начнём ценить здоровье. Нас никак не могут научить эти ситуации, что нам о здоровье нужно подумать. Мы не верим, что с нами может что-то случиться. Мы не вечные. Вот сегодня я здоровый, а завтра могу не встать. А всё потому, что мы вовремя не проходили профилактику. Но ведь мы, как всегда: авось. И вот это авось... От-

³ Решением Минюста РФ от 5 сентября 2016 г. Центр включён в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранный агент».

части даже все эти ковидовские дела, могу сказать по своим коллегам, как раз очень сильно подтвердили это (информант № 4).

Существующая в советский период система профилактики в детских садах, школах и других организациях исчезла. Идеи здорового образа жизни и превенции болезни продолжают пропагандироваться, но уже не так активно, особенно со стороны врачей. Уверенность людей в своём здоровье, соблюдение «нормального» образа жизни и отказ от употребления «не очень качественной колбасы» могут сыграть не в положительную сторону, учитывая, что на развитие болезни могут оказать влияние наследственные факторы.

При этом некоторые генетики выразили надежду, что пандемия COVID-19 повысит ценность здоровья и приведёт к пониманию необходимости знать свои «слабые места» и превентивно заботиться о них. Подобные мысли наших информантов косвенно подтверждаются результатами опроса ВЦИОМа, согласно которому россияне в период самоизоляции и ограничительных мер стали больше ценить своё здоровье и здоровье близких [ВЦИОМ 2020].

В-третьих, опрошенные специалисты отмечают низкий уровень информированности населения о новых предиктивных биотехнологиях. Ещё больше, чем, например, стволовые клетки, гены и генетические технологии окутаны мифами, предубеждениями и страшными рассказами о мутантах и генетическом оружии, что часто негативно сказывается на доверии к ним. Непонимание основ современной науки и её возможностей вследствие низкой грамотности населения также ведёт к отказу от их использования.

Что касается спроса на предиктивное МГТ, те или иные его типы, на готовность людей обращаться к новым предиктивным биотехнологиям, то интересно сравнить точку зрения представителей бизнеса и профессионального сообщества генетиков. Как считают представители крупных компаний, являющихся лидерами в продвижении персональной геномики человека (молекулярно-генетические исследования индивидуального организма, полного набора ДНК с предиктивными и превентивными целями, прежде всего) на российском рынке, генетические тесты на предрасположенность к мультифакторным заболеваниям наиболее востребованы у населения наряду с генеалогическими ДНК-тестами и диагностикой редких наследственных нарушений у детей. Также популярными являются услуги, связанные с профилактикой заболеваний (здоровье и долголетие), персональным фитнесом, питанием с учётом генетических особенностей и предрасположенностями к травмам (точка зрения Валерия Ильинского, гендиректора компании «Genotek» [Кудрявцева 2016]).

Про востребованность тестов на предрасположенность к мультифакторным заболеваниям говорят и опрошенные генетики, хотя они отмечают, что пик популярности таких тестов — в основном в среде состоятельных людей — уже прошёл. Некоторые информанты даже отметили, что работали с созданием генетических паспортов или задумывались о создании собственного инструмента для выявления предрасположенности к часто встречающимся мультифакторным заболеваниям, однако в силу дороговизны и низкого спроса на МГТ (а значит, и в силу их некупаемости) отказались от этих идей (см. более подробно раздел об экономической доступности МГТ ниже).

Был вот когда-то всплеск, когда это дело появилось, стали раскручиваться, даже, можно сказать, определённая возрастная группа людей. Это было, когда лет шесть-семь назад, от 30 до 35, миллениалы — может быть, так их назвать. Потому что более старшему возрасту когда предлагаешь, пожимают плечами и говорят: ну, что ж, будет и будет. Зачем мне расстраиваться заранее? Бывало, группа людей такого вот примерно возраста, от 30 до 40. Были такие, которые [говорили]: хочу просто знать смело про себя всю подноготную. Но таких было немного (информант № 7).

Несмотря на консенсусное мнение среди генетиков о том, что население в целом не готово использовать новые технологии превентивной заботы о здоровье, что согласуется с некоторыми выводами западных аналитиков этой проблемы (об этом шла речь выше, в теоретическом обзоре), некоторые информанты высказали также мнение и о причинах, влияющих на решение клиента пройти предиктивное и персонализированное МГТ. Имея в виду главным образом тестирование на предрасположенность к тем или иным заболеваниям, информанты отметили в качестве первой причины следование моде и тренду заботиться о своём здоровье (среди состоятельных людей), используя «нестандартные» способы. Ещё одной причиной является простое любопытство и желание узнать о себе что-то новое с необычного ракурса. Всё это подкрепляется, по мнению специалистов, достаточным количеством денежных средств. В практике специалистов были случаи, когда генетический паспорт преподносился как подарок на рождение ребёнка. Однако при этом поверхностный интерес к тестированию и его результатам обуславливает и низкую мотивацию по корректировке образа жизни и прохождению дополнительного обследования.

Красивая хорошая реклама, хорошая упаковка. Можно даже перед друзьями похвастаться, что я вот сделал генетический паспорт. Но реально больше половины его не открыли и не прочитали... Мне кажется, сейчас это достаточно состоятельные люди, которые сидят в Инстаграме⁴ и следуют всему этому. Занимаются прана-йогой и всей прочей ерундой. Через пять лет об этом забудут и начнут заниматься ещё чем-то и встречать рассветы (информант № 2).

Отдельно следует отметить, что в связи с проблемой востребованности предиктивного и персонализированного МГТ генетики выделили две области здравоохранения — репродуктивную медицину и онкологию. В репродуктивной сфере большей популярностью пользуется неинвазивное перинатальное тестирование. Врачи относят этот факт к тревожным состояниям женщин в период беременности и желанию убедиться, что их ребёнок здоров. По этим причинам, несмотря на достаточно высокую стоимость, спрос на такие тесты растёт.

Когда женщина уже беременная и ей рассказывают о НИПТ, для чего этот тест нужен, здесь понимания больше (информант № 10).

И особая история — онкогенетика. Среди тех, кто прибегал к данному тестированию, спрос обусловлен в основном направлениями на тестирование, выданными лечащими врачами.

А вот прицельное МГТ, оно востребовано. Онкогенетика, да, есть... Но в основном... она востребована... Но в основном 99% это по направлению врачей приходят (информант № 7).

Если же пациент проявляет интерес к МГТ самостоятельно, то чаще всего, по словам генетиков, это обуславливается семейной историей рака.

Семейная история, как правило... Интерес проявляют люди, у которых есть история. Если у пациентки там мама, тётя, бабушка имели рак молочной железы, то она приходит к онкологу, и онколог её направляет. Очень редкая ситуация, когда напрямую человек сидит, читает статью и думает: «А пойду-ка я сдам гены на генетическую предрасположенность...» (информант № 7).

⁴ Роскомнадзор внёс Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией) в реестр запрещённых сайтов; социальная сеть прекратила работу на территории РФ с полуночи 14 марта 2022 г. Источник: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru — Примеч. ред.

Краткий вывод раздела: по мнению опрошенных генетиков, клинические врачи в России по-прежнему стремятся лечить болезни, но не предотвращать их. Низкая готовность клинических врачей использовать биопредикцию на основе МГТ связывается генетиками (помимо того, о чем уже шла речь в предыдущем параграфе) с низкой готовностью населения к генетизации. Объясняют генетики такую установку населения «русской ментальностью», нежеланием думать о собственном будущем, профилактировать болезни и малой осведомлённостью о современных биотехнологиях. Среди востребованных у населения сфер для биопредикции на основе МГТ отмечаются онкология (по назначению врача преимущественно, но также в силу семейной истории рака), репродуктивная сфера (особенно неинвазивное перинатальное тестирование) и тестирование на предрасположенность к мультифакторным заболеваниям. Причины обращения к этому последнему — мода, любопытство и наличие материальных ресурсов.

Проблема доверия к качеству предиктивного и персонализированного МГТ в среде профессиональных генетиков

Проблема доверия к предиктивным генетическим тестам (особенно к тестам на предрасположенность к мультифакторным заболеваниям) внутри профессионального сообщества генетиков является одной из болевых точек этой новаторской биомедицинской практики, о чём свидетельствует та международная аналитическая рефлексия, обзор которой был представлен выше, в теоретической части статьи. Эта проблема пока не решается ни мировой медицинской наукой (проблематичность доказательности предиктивного знания, зависимость здравоохранения от накопления данных и формирования информационных баз), ни институциональной инфраструктурой здравоохранения (необходимость перестройки системы здравоохранения перед внедрением новых технологий, переподготовки специалистов, реструктуризации операционных процессов, создания баз генетических данных). Причём проблема доверия характерна и для специалистов, сталкивающихся с генетическими тестами на практике. Кроме того, она усугубляется на фоне коммерциализации отрасли (и в России, и за рубежом), а также высокой стоимостью МГТ.

Во-первых, наши информанты отмечают, что доверие к предиктивному и персонализированному МГТ в сообществе специалистов вызывает большие вопросы, поскольку сама методика подсчёта медицинских рисков расценивается как споры в научном сообществе⁵. Это отметили специалисты из всех опрошенных категорий генетиков, поэтому такую точку зрения можно считать консенсусной на данный момент. Поскольку наше знание о генах, болезнях, силе воздействия факторов окружающей среды до сих пор остаётся достаточно ограниченным, речь о создании единой методики просчитывания всех возможных рисков идти не может. Особенно актуальна данная проблема для частных лабораторий, имеющих право ссылаться на различные научные исследования при выдаче результатов тестирования.

<...> Может быть много разных точек, которые отвечают за развитие одного заболевания <...> Естественно, ещё всё зависит от того, какое количество точек взяла лаборатория, каких именно точек. Потому что если она взяла три точки, которые риск повышают, и три точки, которые риск понижают, или взяла десяток точек таких-то <...> поэтому действительно этот расчёт, который, например, артериальной гипертензией, он действительно из разных лабораторий будет выходить разный (информант № 5).

Тут дело в том, что эти генетические материалы и риски возникновения пока просчитаны очень и очень слабо. И все эти ассоциации, они... вот... диссертационного характера. Огромное количество людей живёт с поломками в генах, кто-то заболевает, кто-то нет (информант № 2).

⁵ Подобные дискуссии, как правило, не относятся к предиктивным тестам в репродуктивной медицине и онкологии. В этих случаях методика подсчёта рисков считается устоявшейся и не вызывает споров.

Во-вторых, на доверии внутри профессионального сообщества генетиков, по мнению информантов, негативно сказывается отсутствие собственных отечественных баз генетических данных. Изначально предиктивные генетические тесты, предлагаемые напрямую потребителю, являются продуктом американских и европейских компаний (в первую очередь американской компании 23andMe). Передовые масштабные университетские генетические исследования в США, Великобритании и собственные исследования частных компаний способствовали формированию баз данных, на которые опираются мировые компании, предоставляющие генетические услуги. В дальнейшем, как рассказали информанты, эти базы данных получили распространение, в том числе в России. В этом заключается следующая эпистемическая опасность: генетическая разница между жителями России и жителями других стран может означать недостоверность результатов тестирования и возможность ошибки как в процессе подсчёта рисков, так и при назначении дальнейшего обследования и (или) препаратов. Для корректных результатов МГТ необходимо наличие собственной отечественной базы генетических данных, поэтому в настоящий момент существует национальная программа по сбору генетического материала.

У нас много лет... Ну, как много лет? Лет пять, наверное... Уже существует программа национальная, наша, российская. Такая же, как в Америке, Англии. У нас есть генбанк, биобанк в Санкт-Петербурге... Они собирают информацию о всех полиморфизмах и их ассоциациях с клиническими уже данными. Такой биобанк у нас да, есть. Там серьёзные были инвестиции, там инвестиции на многие, многие и многие миллионы. Там секвенаторы. Такие же биобанки есть во многих развитых странах. В этом отношении мы, слава Богу, не на периферии находимся (информант № 7).

Важное уточнение было сделано одним из лабораторных генетиков. Во-первых, использование зарубежных баз генетических данных вполне оправданы при отсутствии или недостаточности собственных наработок в этой области, а генетическая разница между этническими группами Европы и России часто не имеет клинической значимости. Более того, Россия — полиэтническая страна, поэтому формирование полных баз данных, учитывающих геном всех российских народностей, может быть затруднено.

Здесь действительно нужно учитывать больше ну, например, африканцев. У них действительно будет один набор полиморфизмов. А у выходцев европейского происхождения в базах данных указывается выборка обычно. Это, во-первых. Во-вторых, это, скорее всего, будут такие незначительные изменения, которые происходят. Как это происходит? Действительно, в каких-то областях, где люди жили долго более и менее обособленно, там есть свои мутации на моногенные заболевания. И свои полиморфизмы, да... Мне кажется, на данном этапе возможно использование зарубежных баз, потому что в России своих нет. Россия тоже разнородная страна. У нас есть и южные регионы с их обособленными популяциями, и северные. И всё равно нужно разделять и по России тоже. Поэтому да, наверное, сейчас, так как, в принципе, мало данных, лучше использовать мировые (информант № 11).

Помимо прочего собственные базы данных в этой области и сбор данных могут также способствовать пониманию не только статистики заболеваний, но, что немаловажно, статистики предрасположенности к заболеваниям у жителей страны. В перспективе это должно помочь выстраивать профилактические мероприятия. На данной проблеме особо акцентируют своё внимание лабораторные генетики, чья деятельность непосредственно связана с базами данных, и врачи-генетики, отмечающие высокий предиктивный и превентивный потенциал генетизации при наличии собственных наработок в этой области.

Я считаю, было бы неплохо иметь генетический паспорт, иметь банк этого всего. Чтобы понимать статистику, понимать нюансы. Чтобы понимать, что нужно развивать. Потому что

если у нас растёт риск сердечно-сосудистых заболеваний, то надо в этом направлении работать. Превентивно. Убрать, где залом пошёл. Чтобы работать над этим (информант № 4).

В-третьих, определение предрасположенности к мультифакторным заболеваниям, по мнению информантов, наиболее спорно с точки зрения эпистемологической эффективности подобной предиктивной диагностики. Отсюда и разная степень доверия к такому МГТ у генетиков. Более того, исследование позволило обнаружить диссенсус на эту тему даже внутри одной и той же профессиональной группы врачей-генетиков. С одной стороны, прозвучало мнение, что тестирование на мультифакторные заболевания уже на данный момент (при несовершенстве методики подсчётов) имеет эпистемический смысл и безусловную клиническую пользу. Для этого необходима, как говорят врачи, грамотная генетическая консультация, учитывающая различные факторы жизни конкретного человека. Однако сторонники противоположной точки зрения говорят о преобладающем влиянии на развитие патологии не индивидуального генетического профиля человека, а факторов внешней среды и, вообще, о невозможности учесть все релевантные факторы; рекомендации пациентам при этом сводятся к простым правилам здорового образа жизни. Данный раздел генетики информанты связывают с интересами рынка и называют *развлекательным* или просто *познавательным*. Прозвучало мнение о том, что развлекательная генетика — это не то, на что должны быть направлены усилия генетизации, имея в виду, что есть серьёзные генетические заболевания, которые можно и нужно лечить.

У нас с советских времён медицина превентивная была, до сих пор что-то осталось от этого и до сих пор мы должны заниматься пропагандой здорового образа жизни. Но генетический паспорт — не тема этого всего. Основная медицина, её больше интересуют не эфемерные паспорта здоровья, а изменения на геномном уровне тех заболеваний, которые на самом деле существуют. Различные моногенные заболевания, как синдром Тея—Сакса, болезнь Дюшенна. Там, где реально пациенты умирают, детки умирают от того, что в геноме случилась какая-то поломка, не вырабатывается белок и из-за этого ребёнок не доживает до четырёх лет и в муках умирает. Вот этим должна наука заниматься и тратить большие сил. И для того разрабатываются генетические лекарства, которые устраняют эту ошибку (информант № 3).

Подобный диссенсус среди генетиков свойствен и для следующих выделяемых информантами разделов генетики: спортивная генетика, тесты на определение метаболизма и талантов. Несмотря на то что достижения спортивной генетики применяются в большом спорте, потребительские тесты на определение подходящих физических нагрузок вызывают скепсис у многих информантов (всех трёх категорий; в основном у тех же специалистов, кто критически относится к тестам на определение предрасположенности к мультифакторным заболеваниям). Полезность тестов на определение метаболизма и особенностей усвояемости продуктов, по словам информантов, наибольшая в детстве. Это позволит не только избежать многих проблем по мере взросления, но и сформировать правильные пищевые привычки. Тесты на определение способностей и характеров, с точки зрения генетиков, наиболее спорные в плане их реальной эпистемической значимости. Основной аргумент против таких тестов — биосоциальная природа человека и сложность психологического устройства.

Но есть и такие многие вещи, которые, скажем, ещё хуже, чем мультифакторные болезни, то есть это, например, там... предрасположенность к какому-то определенному виду спорта. Вот это работает далеко не всегда. Даже не то, что на конкретном человеке, а на популяции. То же самое и про таланты (информант № 5).

Однако при всех противоречиях во мнениях относительно полезности отдельных типов тестов генетики из трёх категорий сходятся в том, что, во-первых, считают полезным предиктивное и персона-

лизированное МГТ для конкретного человека, для реализации его запроса на здоровый образ жизни; во-вторых, выделенные выше направления МГТ получают свое развитие, а результаты тестирования в эпистемологическом плане будут становиться все более и более доказательными.

Я думаю, что будет развиваться ещё больше. Какие-то предрасположенности, к которым не найдут высокого риска и подтверждения, они уйдут. Но найдут новые, которые действительно будут доказаны. И уже их будут использовать (информант № 11).

Краткий вывод раздела: по мнению опрошенных информантов, проблема доверия к качеству предиктивных МГТ среди самих генетиков стоит достаточно остро. Большие вопросы вызывает наличие множества методик подсчёта риска развития мультифакторных заболеваний. При невозможности основываться на чётко установленных знаниях использование подобных тестов в клинической практике значительно осложняется. Ситуацию ещё более затрудняют отсутствие в России собственной базы генетических данных и возможная недостоверность результатов тестирования при обращении к европейским и американским генетическим базам, однако на данный момент их использование безальтернативно. Исследование показало столкновение (диссенсус) эпистемических логик у профессионалов (даже среди генетиков одной специализации) в оценке диагностической медицинской полезности МГТ и в отношении предсказания мультифакторных заболеваний, особенно в том, что касается генетических паспортов здоровья и тестирования на выявление способностей. Однако все опрошенные генетики полагают, что предиктивное и персонализированное МГТ в целом, скорее, полезно для человека и со временем будет точнее в своих предсказаниях.

Экономическая доступность предиктивного и персонализированного МГТ для пациентов: точка зрения генетиков

Высокая стоимость МГТ также определяет сложность его внедрения в активный медицинский оборот, считают информанты. Всё, что касается генетики, несмотря на продолжающиеся технический прогресс и исследования, остаётся достаточно дорогим. Частные компании нередко идут навстречу клиенту и стараются сделать тестирование доступным, но стоимость остаётся достаточно высокой для большинства населения, что существенно сдерживает развитие отрасли. Некоторые виды предиктивного и персонализированного МГТ входят в программу ДМС.

Ещё барьер стоимости. Просто так 50 тысяч [отдавать] или сколько он стоит, а раньше ещё дороже... (информант № 7).

Я знаю, что у нас есть страховые компании, в которых по ДМС для женщин входит НИПТ. Я была приятно удивлена. Лаборатории, которые занимаются данным скринингом, стараются максимально удешевить, но совсем дёшево не получается (информант № 8).

Информанты отмечают, что всё необходимое для МГТ закупается за рубежом и зависит от текущего курса валют. Российское производство или отсутствует, или находится на уровне исследовательских проектов в университетах и не имеет отражения на рынке. При этом информанты отмечают, что по опыту их работы «накрутка» на проведение МГТ минимальная, преимущественная часть оплаты клиента уходит на покрытие необходимых расходов. Но, несмотря на максимальное сдерживание цен на изготовление генетических тестов в рамках паспортов здоровья, некоторые из практикующих генетиков столкнулись с необходимостью прекратить предоставление данной услуги.

Мы поэтому от этой программы, эту генетическую карту здоровья уже не поддерживаем. Потому что трудозатраты, себестоимость не окупаются (информант № 7).

При этом наблюдается дефицит государственных лабораторий, способных проводить генетические исследования, а также ограничен спектр анализов, которые доступны по ОМС. Во многих крупных городах работают генетические консультации, но основная часть их работы находится в рамках планирования семьи, а также работы с уже выявленными заболеваниями. Предиктивное тестирование осуществляется в основном в частном порядке, полагают генетики. Внедрение подобных тестов в систему ОМС потребует расходов не только на само тестирование, но и на дальнейшую схему дообследования, поскольку оплачиваться в таком случае должна конкретная схема профилактики, а не просто тестирование. Особенно актуально подобное внедрение было бы в рамках онкологии, где уже существует успешный зарубежный опыт возможных профилактических мер. Тем не менее для НИПТ, тоже широко признанного в зарубежной медицине, эта проблема также характерна.

Опять-таки нам же не только тестирование нужно чтобы оплачивалось, а чтобы оплачивалась конкретная схема профилактики. Она тоже далеко не всегда оплачивается. И далеко не всегда, вообще, есть такая возможность. Если в каком-то маленьком городе может вообще не быть, например, МРТ. И вот тогда мы сделали тестирование и не можем получить на выходе то, что мы хотим, — это раннее выявление вот этого онкологического заболевания (информант № 5).

К сожалению, государственной программы у нас нет. Европа в этом плане более передовая. Не могу сказать, что вся, но есть страны, в которых это входит просто в обязательный скрининг. Там биохимия не нужна. Соответственно НИПТ и УЗИ. В некоторых странах только женщины из группы риска — либо в анамнезе что-то, либо возрастные. В некоторых странах есть софинансирование. Когда частично выплачивают. К сожалению, у нас в России никакой из вариантов не рассматривается (информант № 8).

Некоторые генетики, занимающиеся просветительской деятельностью в больницах, женских консультациях, обозначили неготовность врачей отправлять пациентов в частный сектор. Профессиональная этика не позволяет «навязывать» пациенту платные услуги, хотя они могут быть полезны. Подобное предложение также может вызывать негативную реакцию у пациентов, считающих, что платные услуги — это «развод на деньги».

Здесь мы тоже по опыту, да, мы приходим в женские консультации, рассказываем. В принципе, сейчас у нас в Санкт-Петербурге, как и в Москве, лучшая ситуация. Врачи-гинекологи знают, у них то же: «А это за деньги? — За деньги. — И как мы будем это предлагать?». Пациенты считают, что это развод на деньги. Мы рассказываем, рассказываем... (информант № 10).

Но при всех описанных выше сложностях консенсусное мнение опрошенных генетиков состоит в том, что в отношении доступности для населения предиктивного и персонализированного МГТ будет происходить постепенная позитивная динамика. Этому будут способствовать рост числа исследований, технический прогресс, который не только даст новые средства изучения, но и неизменно снизит стоимость генетических исследований. Однако, с точки зрения информантов, подобное произойдет не в ближайшие пять-семь лет. Снижение стоимости и расширение арсенала исследований так или иначе должны привести к принятию медицинским сообществом новых геномных биотехнологий и внедрению их в клиническую практику. На данный момент, как отметили информанты, уже проводятся пилотные программы по внесению НИПТ в систему ОМС, показывающие хороший результат. Расширяется программа неонатального скрининга.

<...> Если брать в принципе и смотреть в будущее, то генетика — это прям будущее <...> Если мы хотим здоровое потомство, нам надо обратить внимание на генетику. Генетика

позволит минимизировать потери <...> Поэтому мне очень хочется, чтобы генетические паспорта были популярны с точки зрения здорового потомства (информант № 4).

В связи с этим один из трендов, который высказали... Врач приходит к пациенту домой, достаёт медицинский прибор, колет палец. Система подготовки [прибор] выглядит как коробочка. Смешивает капельку крови с реагентом, перемещает её в прибор. Спустя какое-то время этот прибор передаёт данные в генбанк, и оттуда уже скидывается информация пациенту. Можно ему давать лекарство или нельзя... То есть какие для пациента особенности, какие заболевания характерны. А кроме того, искусственный интеллект параллельно снимает показатели физические, и сразу диагноз ставится. Такая вот фантастическая картинка вырисовывается, если всё пойдёт как надо (информант № 7).

Краткий вывод раздела: значимым препятствием на пути к распространению предиктивного и персонализированного МГТ является его стоимость. Несмотря на попытки лабораторий сдерживать цены, некоторые виды МГТ остаются недоступными для большинства населения. Внедрение предиктивного МГТ в программу ОМС требует в том числе финансирования схемы дообследования и профилактики, что значительно увеличит нагрузку на бюджет. Однако все эксперты высказали надежду, что технический прогресс и снижение стоимости генетических исследований значительно увеличат их доступность для населения.

Выводы

Сегодня в российской системе здравоохранения существует несколько областей применения предиктивного и персонализированного МГТ — онкогенетика, фармакогенетика, репродуктивная генетика, спортивная генетика, выявление предрасположенности к развитию мультифакторных заболеваний, определение метаболизма и способностей человека к различным видам творческой и физической активности. Потребителям доступны как отдельные МГТ, так и их комплексы, называемые генетическими паспортами здоровья. Однако профессиональные генетики считают российскую систему здравоохранения в целом неготовой к персонализированной и предиктивной медицине на основе МГТ. Так, перед российскими врачами по-прежнему стоит задача лечить болезни, а не предотвращать их. В государственном секторе разрыву между наукой и практикой способствуют медицинские стандарты и протоколы лечения; в частном секторе превалируют стандартные для лаборатории или компании комплексы генетических анализов, а не запрос клиента. Препятствует развитию отрасли МГТ отсутствие должных знаний у практикующих врачей-клиницистов, связанное с особенностями отечественного медицинского образования, того незначительного места, которое занимает в нем современная геномика. Этот фактор отмечают в основном лабораторные генетики. Однако, по мнению опрошенных экспертов, ситуация в медицинском образовании в этом отношении начинает меняться в связи с потребностями клинической практики.

Низкая готовность клинических врачей использовать биопредикцию на основе МГТ связывается опрошенными генетиками и с низкой готовностью населения к генетизации. Это обстоятельство генетики объясняют «русской ментальностью» и нежеланием людей думать о собственном будущем, профилактировать болезни. Лишь мода и любопытство при наличии материальных ресурсов делают востребованными некоторые продвигаемые рынком виды МГТ (в частности, генетические паспорта здоровья). Вместе с тем все информанты выделяют онкогенетику (в основном по назначению врача, но также в силу семейной истории рака) и репродуктивную генетику (особенно неинвазивное перинатальное тестирование) как области медицины, где спрос на МГТ наиболее устойчив.

Достаточно остро в среде профессиональных генетиков стоит проблема доверия к МГТ, отдельным его видам (в частности, к тестам на предрасположенность к мультифакторным заболеваниям, паспортам здоровья, определению способностей). По этому вопросу среди генетиков, даже внутри одной и той же специализации, присутствует диссенсус. Большие вопросы у отечественных специалистов, как и у западных, вызывают наличие множества методик, применяемых при расчётах рисков, связанных с мультифакторными заболеваниями, и неопределённость результатов такого тестирования. У опрошенных генетиков отсутствует и единое мнение о практической и (или) клинической полезности ряда тестов, что непосредственным образом осложняет их внедрение в медицинскую практику. Не способствует улучшению ситуации и отсутствие полноценной отечественной базы генетических данных. Однако в будущем, в силу продолжающихся научных изысканий и работы по формированию отечественного биобанка, ситуация с доказательностью и эффективностью МГТ в России, по мнению наших информантов, должна улучшиться.

Высокая стоимость предиктивного и персонализированного МГТ для конечного потребителя также может негативно сказываться на спросе. Внедрение же подобного тестирования в программу ОМС потребует оплачиваемой схемы дообследования и профилактики, а значит, дополнительного финансирования. Кроме того, в России наблюдается дефицит государственных лабораторий, которые способны выполнять сложное МГТ. Увеличение финансирования генетических исследований со стороны государства, проведение пилотных программ по внедрению ряда МГТ в программу ОМС дают надежду на продолжение генетизации российского здравоохранения. Консенсусное мнение генетиков всех трёх опрошенных категорий состоит в том, что в перспективе предиктивное и персонализированное МГТ в России станет доступнее для населения и будет эпистемологически точнее в своих предсказаниях.

Качественное исследование, представленное в данной статье, разумеется, не может претендовать на комплексность в изучении отрасли предиктивного и персонализированного МГТ в России. Во-первых, описанная нами точка зрения генетиков на низкую готовность клинических врачей к генетизации нуждается в сопоставлении с результатами специализированных количественных исследований генетизации по этой категории акторов. Таких исследований ещё нет в России, но они представляются чрезвычайно актуальными. Особенно интересно мнение онкологов и врачей-репродуктологов, гинекологов, в чьей деятельности МГТ уже нашло практическое применение. Кроме того, выявленная нами консенсусная точка зрения генетиков на низкую готовность российских пациентов к предиктивному МГТ и причины этого обстоятельства тоже нуждается в дополнительном сравнительном исследовании. Исследование мотивов (не)обращения к предиктивному МГТ различных групп потребителей, доступности тестов для большей части населения, изучение практического опыта использования результатов предиктивных тестов значительно бы дополнили полученную нами картину состояния отрасли предиктивного и персонализированного МГТ в России.

Приложение

Таблица П.1

Ключевые характеристики информантов

Номер информанта	Продолжительность интервью	Пол	Возраст (полных лет)	Место ведения профессиональной деятельности	Категория в исследовании
1	43 мин.	Мужчина	43	Самара	Академический генетик
2	51 мин.	Мужчина	37	Самара	Академический генетик
3	56 мин.	Мужчина	32	Самара	Академический генетик
4	1 час 57 мин.	Женщина	43	Самара	Врач-генетик
5	50 мин.	Женщина	36	Москва	Врач-генетик
6	45 мин.	Женщина	47	Самара	Академический генетик
7	47 мин.	Мужчина	61	Самара	Врач, лабораторный генетик
8	1 час 20 мин.	Женщина	38	Москва	Врач-генетик
9	40 мин.	Мужчина		Самара	Академический генетик
10	53 мин.	Женщина	51	Санкт-Петербург	Врач, лабораторный генетик
11	57 мин.	Женщина	32	Санкт-Петербург	Лабораторный генетик
12	30 мин.	Женщина	35	Москва	Лабораторный генетик

Литература

- Бердышева Е. С., Белявский Б. А. 2021. Вариативность ценности здоровья в социальных полях: вызовы и стимулы самосохранительных практик. *ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*. 13 (1): 9–39.
- Богомягкова Е. С. 2016. «Генетизация» общества: технологии и интересы. *Человек*. 6: 45–58.
- В России появится цифровой генетический паспорт. 2021. *КоммерсантЪ*. 5 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4888203>
- Ведёт себя по-мутантски: как онкогенетика погружается в программу госгарантий. 2021. *Vademecum*. URL: https://vademec.ru/article/kak_onkogenetika_pogruzhaetsya_v_programmu_gosgarantiy/
- ВЦИОМ. 2020. *Здоровье, безопасность, семья и работа*. Аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-bezopasnost-semya-i-rabota>
- Гребенщикова Е. Г. 2016. Биотехнонаука и границы улучшения человека. *Эпистемология и философия науки*. 48 (2): 34–39.
- Гребенщикова Е. Г. 2019. Биологическое гражданство: от пациентских организаций до потребительской геномики. *Человек*. 30 (6): 72–81.
- Девятко И. Ф. 1996. *Модели объяснения и логика социологического исследования*. М.: ИСО РЦГО; TEMPUS/TACIS.
- Как за 4 года сформировать рынок генетических тестов для клинической практики и быть его новатором: опыт Basic Genotech Group. 2019. *Vademecum*. URL: <https://vademec.ru/news/2019/07/12/kak-za-4-goda-sformirovat-rynok-geneticheskih-testov-dlya-klinicheskoy-praktiki-i-byt-ego-novatorom/>

- Кудрявцева Л. 2016. Игроки, проблемы и тенденции. *Rusbase*. URL: <https://rb.ru/longread/dnatech/>
- Кузеванова А. Л., Лещенко Л. А. 2016. Самосохранительное поведение как фактор сохранения и prolongation жизненной активности индивидов: социологический аспект. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. 3 (39): 154–161.
- Левада-Центр⁶. 2020. *Планы на будущее*. Пресс-выпуск. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/25/plany-na-budushhee/>.
- Назарова И. Б. 2007. *Здоровье занятого населения*. М.: Макс Пресс.
- Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины. 2018. Приказ Министерства образования от 24 апреля 2018 г. № 86. *Гарант.ру*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71847662/>
- «Онкоатлас» устроит производство тест-систем для онкогенетических заболеваний. 2022. *Vademecum*. URL: <https://vademec.ru/news/2022/02/14/onkoatlas-utroit-proizvodstvo-test-sistem-dlya-onkogeneticheskikh-issledovaniy/>
- Ослон А. А. et al. 2021. *Медики и общество: беседы во времена коронавируса*. М.: ИнФом.
- Попова О. В. 2017. Исследование этических проблем генетики в отечественной философской традиции (к истории идеи биотехнологического конструирования человека). *Знание. Понимание. Умение*. 3: 20–30.
- Российская академия наук. 2021. *Большинство россиян не строят долгосрочных планов на жизнь*. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f1485a8e-3338-4e97-abbf-b8f23c6d3087#content>
- Тищенко П. Д. (ред.). 2015. *Рабочие тетради по биоэтике: сборник научных статей*. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета.
- Тищенко П. Д. (ред.). 2016. *Рабочие тетради по биоэтике: сборник научных статей*. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета.
- Тищенко П. Д. (ред.) 2017. *Рабочие тетради по биоэтике: сборник научных статей*. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета.
- Угарова А. С. 2018. Парадоксы генетического тестирования на онкологию: между контролем и риском. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 8 (1): 94–104.
- Шевченко С. Ю. 2021. Этика неопределённости как продолжение эпистемологии добродетелей: пример генетических рисков. *Эпистемология и философия науки*. 58 (1): 161–177.
- Шевченко С. Ю., Шестак А. Г. 2019. Нормативная и дескриптивная неопределённость в геномной медицине. *Горизонты гуманитарного знания*. 1: 120–130.

6 АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов, финансируемых из-за рубежа.

- Широков А. 2019. «По-русски говорите»: сообщение информации и обратная связь во взаимодействии врача-генетика и пациента. *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 11 (2): 125–148.
- Юдин Г. Б. 2019. «Генетическое тело»: политика генетического редукционизма в современном естествознании. *Человек*. 30 (6): 100–111.
- Aronowitz R. A. 2009. The Converged Experience of Risk and Disease. *The Milbank Quarterly*. 87 (2): 417–42.
- Arribas-Ayllon M. 2016. After Geneticization. *Social Science & Medicine*. 159 (C): 132–139.
- Beeson D., Doksum T. 2001. Family Values and Resistance to Genetic Testing. In: Hoffmaster B. (ed.). *Bioethics in Social Context*. Philadelphia, PA: Temple University Press; 153–179.
- Conrad P. 2007. *The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Frank A. W. 1997. *Wounded Storyteller: Body, Illness, and Ethics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Konrad M. 2005. *Narrating the New Predictive Genetic: Ethics, Ethnography and Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lippman A. 1991. Prenatal Genetic Testing and Screening: Constructing Needs and Reinforcing Inequities. *American Journal of Law & Medicine*. 17 (1-2): 15–50.
- Lippman A. 1992. Led (Astray) by Genetic Maps: The Cartography of the Human Genome and Health Care. *Social Science & Medicine*. 35 (12): 1469–1476.
- Lock M. et al. 2007. Susceptibility Genes and the Question of Embodied Identity. *Medical Anthropology Quarterly*. 21 (3): 256–276
- Lock M., Nguyen V. 2010. *An Anthropology of Biomedicine*. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Mol A. 2002. *The Body Multiple. Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.
- Novas C., Rose N. 2000. Genetic Risk and the Birth of the Somatic Individual. *Economy and Society*. 29 (4): 485–513.
- Quaid K. A., Morris M. 1993. Reluctance to Undergo Predictive Testing: The Case of Huntington's Disease. *American Journal of Medical Genetics*. 45 (1): 41–45.
- Rosenberg Ch. 2000. *Banishing Risk: Continuity and Change in Moral Management of Disease*. In: Brandt A., Rozin P. (eds) *Morality and Health*. New York: Routledge; 35–52.
- Yoxen E. J. 1982. Constructing Genetic Diseases. In: Wright P., Treacher A. (eds) *The Problem of Medical Knowledge: Examining the Social Construction of Medicine*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 235–243.

Vitaliy Lekhtsier, Yulia Shekunova

Geneticization from the Point of View of Geneticists: Practices, and Prospects of Personalized and Predictive Molecular Genetic Testing in Russia

LEKHTSIER, Vitaliy — Doctor of Philosophy, Professor of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev. Address: 34 Moskovskoe sh., 443086, Samara, Russian Federation.

Email: lekhtsiervitaly@mail.ru

SHEKUNOVA, Yulia — Postgraduate student of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev. Address: 34 Moskovskoe sh., 443086, Samara, Russian Federation.

Email: shekunovayulya@yandex.ru

Abstract

The article offers the results of a qualitative empirical sociological analysis of medical geneticists on their assessment of the problems, opportunities, and prospects of predictive genetic testing in Russia as a relatively new branch of healthcare. The gradual introduction of a new genetic biopredictive technology into everyday life is regarded in the article as a phenomenon of geneticization or genomization. The analysis takes into account three main categories of medical geneticists: physician geneticists (who deal with patients), laboratory geneticists, and academic geneticists working in medical universities. The analysis revealed, firstly, those positions within the professional community of medical geneticists that can be called consensual. For example, concerning the problematic nature of the methodology for calculating risks associated with the development of multifactorial diseases, or with regard to the high cost of testing now and its inevitable reduction with biotechnological progress; about the reluctance of people in Russia to take preventive care of their health, and about the special prospects and demand for the oncology and pharmacogenetics industries. Other points of consensus include the clinical benefit of the results of predisposition testing for multifactorial diseases, the prospects for the development of the industry as a whole, etc. Between the poles of consensus and dissensus lie different views of professionals on the possibilities and prospects of predictive genetic testing practices.

The results of the empirical research presented in the article are grounded in a historical and theoretical review of the scientific literature on the problem of the article. Initial conclusions are drawn as part of the study of social science (mostly Western) geneticization and its social consequences. The relevance of the conducted research is especially evident in the background of a large deficit of empirical studies of geneticization practices in Russia.

Keywords: geneticization; predictive molecular genetic testing; personalization; trust; affordability; disease.

References

- Aronowitz R. A. (2009) The Converged Experience of Risk and Disease. *The Milbank Quarterly*, vol. 87, no 2, pp. 417–42. DOI: [10.1111/j.1468-0009.2009.00563.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2009.00563.x).
- Arribas-Ayllon M. 2016. After Geneticization. *Social Science & Medicine*, vol. 159, no C, pp. 132–139.
- Beeson D., Doksum T. (2001) Family Values and Resistance to Genetic Testing. *Bioethics in Social Context* (ed. B. Hoffmaster). Philadelphia, PA: Temple University Press, pp. 153–179.

- Berdysheva E. S., Belyavskiy B. A. (2021) Variativnost' tsennosti zdorov'ya v sotsial'nykh polyakh: vyzovy i stimuly samosokhranitel'nykh praktik [Variability in Value of Health in Social Fields: Challenges and Incentives for Self-Care Practices]. *Interaction. Interview. Interpretation = INTERakciya. INTERv`yu. INTERpretaciya*, vol. 13, no 1, pp. 9–39. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.1> (in Russian).
- Bogomyagkova E. S. (2016) «Genetizatsiya» obshchestva: tekhnologii i interesy [“Genetization” of Society: Technologies and Interests]. *The Human Being = Chelovek*, no 6, pp. 45–58 (in Russian).
- Conrad P. (2007) *The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Devyatko I. F. (1996) *Modeli ob'yasneniya i logika sotsiologicheskogo issledovaniya* [Models of Explanation and the Logic of Sociological Research], Moscow: In-t sotsiologicheskogo obrazovaniya Rossiyskogo tsentra gumanitarnogo obrazovaniya; TEMPUS/TACIS (in Russian).
- Frank A. W. (1997) *Wounded Storyteller: Body, Illness, and Ethics*, Chicago: University of Chicago Press.
- GARANT.RU (2018) *Ob utverzhdenii Kontseptsii prediktivnoy, preventivnoy i personalizirovannoy meditsiny`. Prikaz Ministerstva obrazovaniya ot 24 aprelya 2018 g. № 86* [On Approval of the Concept of Predictive, Preventive and Personalized Medicine: Order of the Ministry of Education of 24 Apr. 2018 г. № 186]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71847662/> (accessed 20 March 2022) (in Russian).
- Grebenshchikova E. G. (2016) Bioteknonnauka i granitsy uluchsheniya cheloveka [Biotechnoscience and the Limits of Human Improvement]. *Epistemology & Philosophy of Science = Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 48, no 6, pp. 45–58 (in Russian).
- Grebenshchikova E. G. (2019) Biologicheskoe grazhdanstvo: ot patsientskih organizatsiy do potrebitel'skoy genomiki [Biological Citizenship: from Patient Organizations to Consumer Genomics]. *The Human Being = Chelovek*, vol. 30, no 6, pp. 72–81. DOI: [10.31857/S023620070007671-5](https://doi.org/10.31857/S023620070007671-5) (in Russian).
- Kommersant. (2021) *V Rossii poyavitsya tsifrovoy geneticheskiy passport* [Digital Genetic Passport will Appear in Russia]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4888203> (accessed 5 July 2021) (in Russian).
- Konrad M. (2005) *Narrating the New Predictive Genetic: Ethics, Ethnography and Science*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kudryavceva L. (2006) Igroki, problemy i tendentsii [Players, Problems and Trends]. *Rusbase*. Available at: <https://rb.ru/longread/dnatech/> (accessed 6 September 2016) (in Russian).
- Kuzevanova A. L., Leshchenko L. A. (2016) Samosokhranitel'noe povedenie kak phaktor sokhraneniya i prodleniya zhiznennoy aktivnosti individov: sotsiologicheskij aspekt [Self-Preservation Behavior as a Factor in the Preservation and Extension of Individuals' Vitality: A Sociological Perspective]. *University Proceedings. Volga Region. Natural Sciences = Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region*, vol. 3, no 39, pp. 154–161 (in Russian).
- Levada-Centr. (2020) *Plany na budushchee* [Plans for the Future]. Press-vypusk [Press Release]. Available at: <https://www.levada.ru/2020/03/25/plany-na-budushhee/> (accessed 25 March 2020) (in Russian).

- Lippman A. (1991) Prenatal Genetic Testing and Screening: Constructing Needs and Reinforcing Inequities. *American Journal of Law & Medicine*, vol. 17, no 1–2, pp. 15–50.
- Lippman A. (1992) Led (Astray) by Genetic Maps: The Cartography of the Human Genome and Health Care. *Social Science & Medicine*, vol. 35, no 12, pp. 1469–1476. DOI: [10.1016/0277-9536\(92\)90049-v](https://doi.org/10.1016/0277-9536(92)90049-v)
- Lock M., Freeman J., Chilibeck G., Beveridge B., Padolsky M. (2007) Susceptibility Genes and the Question of Embodied Identity. *Medical Anthropology Quarterly*, vol. 21, no 3, pp. 256–276. DOI: [10.1525/maq.2007.21.3.256](https://doi.org/10.1525/maq.2007.21.3.256)
- Lock M., Nguyen V. (2010) *An Anthropology of Biomedicine*, Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Mol A. (2002) *The Body Multiple. Ontology in Medical Practice*, Durham: Duke University Press.
- Nazarova I. B. (2007) *Zdorov'e zanyatogo naseleniya* [Health of the Employed Population], Moscow: Maks Press (in Russian).
- Novas C., Rose N. (2000) Genetic Risk and the Birth of the Somatic Individual. *Economy and Society*, vol. 29, no 4, pp. 485–513. DOI: [0.1080/03085140050174750](https://doi.org/0.1080/03085140050174750)
- Oslova A. A., Zhur L., Kalinichenko L., Kozhevina E., Perminova M. (2021) *Mediki i obshchestvo: besedy vo vremena koronaVirusa* [Medicine and Society: Conversations at the Time of the CoronaVirus], Moscow: InForm (in Russian).
- Popova O. V. (2017) Issledovanie eticheskikh problem genetiki v otechestvennoy filosofskoy traditsii (k istorii idei biotekhnologicheskogo konstruirovaniya cheloveka) [The Study of Ethical Problems of Genetics in the Russian Philosophical Tradition (To the History of the Idea of Biotechnological Human Design)]. *Knowledge. Understanding. Skill = Knowledge. Understanding. Skill*, no 3, pp. 20–30 (in Russian).
- Quaid K. A., Morris M. (1993) Reluctance to Undergo Predictive Testing: The Case of Huntington's Disease. *American Journal of Medical Genetics*, vol. 45, no 1, pp. 41–45. DOI: [10.1002/ajmg.1320450112](https://doi.org/10.1002/ajmg.1320450112).
- Rosenberg Ch. (2000) Banishing Risk: Continuity and Change in Moral Management of Disease. *Morality and Health* (eds. A. Brandt, P. Rozin), New York: Routledge, pp. 35–52.
- Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]. (2021) *Bol'shinstvo rossiyan ne stroyat dlongosrochnykh planov na zhizn'* [Most Russians Do Not Make Long-Term Plans for Their Lives]. Available at: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f1485a8e-3338-4e97-abbf-b8f23c6d3087#content> (accessed 12 October 2021) (in Russian).
- Shevchenko S. Yu. (2021) Etika neopredelennosti kak prodolzhenie epistemologii dobrodetey: primer geneticheskikh riskov [The Ethics of Uncertainty as an Extension of the Epistemology of the Virtues: An Example of Genetic Risks]. *Epistemology and Philosophy of Science = Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 58, no 1, pp. 161–177. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158116> (in Russian).
- Shevchenko S. Yu., Shestak A. G. (2019) Normativnaya i deskriptivnaya neopredelennost' v genomnoy meditsine [Regulatory and Descriptive Uncertainty in Genomic Medicine]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, no 1, pp. 120–130. DOI: [10.17805/ggz.2019.1.7](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.1.7) (in Russian).

- Shirokov A. (2019) «Po-russki govorniki»: soobshchenie informatsii i obratnaya svyaz' vo vzaimodeystvii vracha-genetika i patsienta ["Speak Russian": Information Communication and Feedback in Geneticist-Patient Interactions]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research = Laboratorium: zhurnal social'nykh issledovaniy*, vol. 11, no 2, pp. 125–148. DOI: [10.25285/2078-1938-2019-11-2-125-148](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-2-125-148) (in Russian).
- Tishchenko P. (ed.) (2015) *Rabochie tetradi po bioetike: sbornik nauchnykh statey* [Workbooks in Bioethics: A Collection of Research Papers], Moscow: MosGU Publishing House (in Russian).
- Tishchenko P. (ed.) (2016) *Rabochie tetradi po bioetike: sbornik nauchnykh statey* [Workbooks in Bioethics: A Collection of Research Papers], Moscow: MosGU Publishing House (in Russian).
- Tishchenko P. (ed.) (2017) *Rabochie tetradi po bioetike: sbornik nauchnykh statey* [Workbooks in Bioethics: A Collection of Research Papers], Moscow: MosGU Publishing House (in Russian).
- Ugarova A. S. (2018) Paradoxy geneticheskogo testirovaniya na onkologiyu: mezhdru kontrolem i riskom [Paradoxes of Genetic Testing for Cancer: Between Control and Risk]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology = Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, vol. 8, no 1, pp. 94–104. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.108> (in Russian).
- Vademecum. (2019) *Kak za 4 goda sformirovat' ry`nok geneticheskikh testov dlya klinicheskoy praktiki i byt' ego novatorom: opyt Basic Genotech Group* [How to Shape the Market for Genetic Tests for Clinical Practice and Be an Innovator in 4 Years: The Experience of Basic Genotech Group]. Available at: <https://vademec.ru/news/2019/07/12/kak-za-4-goda-sformirovat-rynok-geneticheskikh-testov-dlya-klinicheskoy-praktiki-i-byt-ego-novatorom/> (accessed 20 March 2022) (in Russian).
- Vademecum. (2021) *Vedet sebya po-mutantski: kak onkogenetika pogruzhaetsya v programmu gosgarantii* [Acting Mutant: How Oncogenetics is Sinking into the State Guarantee Program]. Available at: https://vademec.ru/article/kak_onkogenetika_pogruzhaetsya_v_programmu_gosgarantii/ (accessed 20 March 2022) (in Russian).
- Vademecum. 2022. «Onkoatlas» ustroit proizvodstvo test-sistem dlya onkogeneticheskikh zabolevaniy ["Onkoatlas" will Set Up Production of Test Systems for Oncogenetic Diseases]. Available at: <https://vademec.ru/news/2022/02/14/onkoatlas-ustroit-proizvodstvo-test-sistem-dlya-onkogeneticheskikh-issledovaniy/> (accessed 20 March 2022) (in Russian).
- VCIOM. (2020) *Zdorov'e, bezopasnost', sem'ya i rabota* [Health, Safety, Family & Work]. Analiticheskij obzor [Analytical Review]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-bezopasnost-semya-i-rabota> (accessed 14 October 2020) (in Russian).
- Yoxen E. J. (1982) Constructing Genetic Diseases. *The Problem of Medical Knowledge: Examining the Social Construction of Medicine* (eds. P. Wright, A. Treacher), Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 235–243.
- Yudin G. B. (2019) «Geneticheskoe telo»: politika geneticheskogo reduksionizma v sovremennom estestvoznaniy [The Genetic Body: The Politics of Genetic Reductionism in Modern Natural Science]. *The Human Being = Chelovek*, vol. 30, no 6, pp. 100–111. DOI: [10.31857/S023620070007674-8](https://doi.org/10.31857/S023620070007674-8) (in Russian).

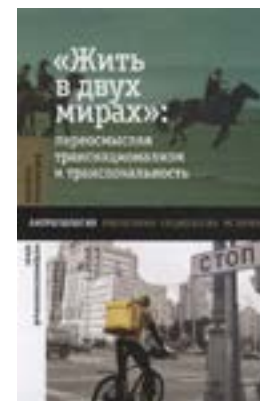
Received: February 1, 2022

Citation: Lekhtsier V., Shekunova Y. (2022) Genetizatsiya s tochki zreniya genetikov: napravleniya, problemy i perspektivy personalizirovannogo i prediktivnogo molekulyarno-geneticheskogo testirovaniya v Rossii [Geneticization from the Point of View of Geneticists: Practices, and Prospects of Personalized and Predictive Molecular Genetic Testing in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 3, pp. 129–159. doi: [10.17323/1726-3247-2022-3-129-159](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-129-159) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

И. В. Ивлева

Экономические и социокультурные аспекты транснациональной миграции в Россию

Рецензия на книгу: Абашин С., Бредникова О. 2021. «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: НЛЮ. 520 с.

ИВЛЕВА Ирина Владимировна — канд. социол. наук, доцент, факультет социологии СПбГУ. Адрес: 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Email: i.ivleva@spbu.ru

В рецензируемом сборнике представлен транснациональный подход к миграции в действии. В книге собраны статьи о передвижениях мигрантов преимущественно из стран Центральной Азии в Россию и обратно. Авторы публикаций опираются в основном на качественную методологию исследований, предоставляя право голоса самим мигрантам, что встречается не так уж часто, хотя приводятся также и некоторые статистические данные. В результате возникает возможность продемонстрировать эвристический потенциал концепции транснационализма, во внимание принимаются как отправляющие, так и принимающие общества. В книге рассматривается широкий спектр объектов и тем — транснациональные модели существования мигрантов, передвижение и роль вещей в миграционном контексте (обмен дарами, подарками, гостинцами и сувенирами; мигрантский автомобиль), роль денежных переводов, миграционная инфраструктура, использование мобильной связи и др. Авторы пытались показать, что наряду с экономическими аспектами значение приобретают социальные и культурные факторы. Большинство статей так или иначе касаются анализа взаимодействия этих факторов. Основные критические замечания в рецензии затрагивают вопрос дублирования некоторых положений теории транснационализма, игнорирование связей с другими концепциями миграции, нежелание учесть российскую дискуссию. Для лучшей контекстуализации происходящего некоторым авторам пришлось делать отсылки к эконом-социологическим или эконом-антропологическим концептам. Также хотя в сборнике и упоминается вскользь проблема расизма и дискриминации, было бы желательно объяснить, как влияет транснационализм на (не)распространение расизма. Данный сборник может быть интересен как специалистам, исследователям миграционных процессов, так и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: исследования миграции; транснационализм; транснациональный подход; денежные переводы; передвижение вещей; мобильная связь; миграционная инфраструктура.

Рецензируемый сборник статей на тему трудовой миграции вышел в свет не так давно и посвящён одной из злободневных проблем в современной России. Ведущие отечественные и зарубежные учёные систематически за-

нимаются миграционной тематикой, некоторые из них и написали статьи для данного сборника. В то же время нельзя забывать о том, что феномен миграции изучается в разных дисциплинах (социология, антропология, политология, экономика, история, демография). Соответственно, используются самые разные методы исследования. Однако этот сборник основан на комбинировании качественных и количественных методов. Но по большей мере все же здесь представлена качественная методология. Среди исследователей миграции, преимущественно ориентированных на антропологический подход и качественные исследования, традиция которых уже активно формируется в России, можно отметить следующих авторов: [Деминцева 2008; 2013; Дятлов 2009; 2020; Ривз 2009; Регаме 2010; Воронков, Гладарев, Сагитова 2011; Абашин 2012; 2017; Григоричев 2012; Каландаров 2012; Касымова 2012; Ruyasantsev et al. 2014; Куропятник 2016, 2020; Малахов, Симон 2016; Бредникова 2017]. Но есть и авторы, работающие по теме миграции скорее в социологической или политологической парадигме: [Малахов 2015; Мукомель 2022]. В Москве существует Центр миграционных исследований, выпускающий социологически ориентированные работы, опирающиеся на количественные методы [Зайончковская et al. 2014].

Предлагаемый к обсуждению сборник возник на основе результатов исследовательского проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», проводившегося ЕУСПБ в 2015–2017 гг. под руководством С. Н. Абашина и при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ). Однако к участию в сборнике присоединились и некоторые другие исследователи, работающие по миграционной тематике в той же парадигме. В качестве информантов опрашивали мигрантов, выехавших прежде всего в такие города, как Москва и Санкт-Петербург, а также членов их семей, оставшихся дома. На начальном этапе было собрано 45 случаев, но впоследствии исследователи сфокусировались на 30 двусторонних кейсах из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. По сути, исследование носило лонгитюдный характер.

Замысел исследователей состоял в том, чтобы опробовать транснациональный подход на примере передвижений мигрантов преимущественно из стран Центральной Азии в Россию и обратно и продемонстрировать его эвристический потенциал. В сборнике отражены результаты исследований, в рамках которых предоставляется возможность высказаться самим мигрантам, что встречается не так уж часто. Кроме того, миграционные процессы нередко рассматриваются в сугубо экономическом ракурсе, тогда как в реальности происходит переплетение различных экономических, политических, социальных и культурных факторов.

Что касается применения в исследованиях концепции транснационализма, то можно согласиться с редакторами сборника, что в отечественных дебатах «она почти никак не прозвучала» (с. 5). Тем не менее авторы данного издания и некоторые другие исследователи уже ранее публиковали отдельные статьи, выполненные с её учётом (см.: [Бредникова, Кайзер 2004; Абашин 2012; 2017; Бредникова 2017; Сабирова 2017]). Можно ещё раз отметить и работу В. С. Малахова и М. Е. Симона, хотя в ней не обсуждаются теоретические основания, но, скорее, сделана заявка на опробование транснационального подхода [Малахов, Симон 2016]. Таким образом, существует явная лакуна в практическом применении и теоретическом осмыслении концепции транснационализма, которую пытаются восполнить исследования, представленные в данном сборнике, рассматривая самые различные аспекты миграции. Структура книги включает вводный раздел и шесть тематических. В каждом разделе сборника содержится по две статьи.

Первая статья в разделе «Введение» — «Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма». Её авторы — Е. Капустина и Е. Борисова. Нужно отметить, что транснациональный подход в исследованиях миграции берёт начало в 1990-х гг. [Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton 1992; Glick Schiller 1999]. На сегодняшний день это одна из наиболее распространённых теорий миграции [Pries 1999; 2002; Vertovec 2001; Levitt, Jaworsky 2007]. Е. Капустина и Е. Борисова трактуют транс-

национализм вслед за авторами концепции как некий социальный процесс, в ходе которого мигранты формируют социальные поля, пересекающие географические, культурные и политические границы, а также преодолевается методологический национализм. Согласно последнему национальные государства и их границы воспринимаются как нечто заданное и само собой разумеющееся (с. 15).

Благодаря транснациональному подходу исследовательская оптика направлена на группы, члены которых вовлечены в межграницные и мультилокальные процессы и одновременно живут в двух и более мирах. Транснационализм связывает отправляющие и принимающие общества и может включать широкий спектр объектов и тем, в том числе транснациональные модели существования мигрантов, пространства, сообщества и образ жизни. Е. Капустина и Е. Борисова пытаются определить, как соотносятся между собой понятия «транснационализм» и «транслокальность», которую они рассматривают как частный случай транснациональной миграции, когда не происходит пересечение национальных границ. При определении транслокальности имеет важное значение идея мобильности и движения вещей, денежных переводов, идей, символов (с. 26).

Включённая во вводную часть книги статья С. Н. Абашина «Постсоветская трудовая миграция из стран Средней Азии в Россию» обобщает количественные статистические данные, что немного выбивается из общей концепции сборника, потому что он основан на результатах качественных исследований. Однако надёжная статистика тоже необходима. Основное внимание автор статьи уделяет таким странам, как Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Приводятся количественные данные о численности мигрантов из указанных стран в России, их денежных переводах, половозрастной структуре миграционного потока, правовых статусах мигрантов и проч.

В книге собран богатый эмпирический материал, звучат живые голоса из поля. Эти свидетельства оставляют глубокое впечатление. Существенно, что участники сборника во внимание принимают и отправляющие, и принимающие сообщества. Во второй части книги, заглавие которой «Жить “в двух мирах”» вынесено в название всего сборника, размещены статьи М. Ривс и О. Бредниковой. В статье «Денежные переводы: нереалистичные ожидания и конфликтующие обязанности по отношению к семье» М. Ривс на примере супружеской пары из Киргизии развивает довольно важную мысль о том, что мигранты зарабатывают деньги тяжёлым честным трудом и это имеет для них значение. В отечественных СМИ то и дело распространяется обратная идея о том, что гастарбайтеры склонны к криминалу. Однако в ситуациях экономического кризиса или пандемии мнения журналистов о возможном росте преступности среди мигрантов всё же не подтверждаются.

О. Бредникова, автор статьи «“Живу, постоянно оглядываясь”: *doing everyday transnationalism*»¹, рассматривает различные миграционные сценарии, но её больше интересует женская миграция, в которой, как правило, участвуют разведённые женщины. Это объясняется тем, что такие женщины выпадают из традиционной социальной структуры, подвергаются риску маргинализации. Женский сценарий миграции О. Бредникова определяет как механизм «починки социального статуса» (с. 85). Женщины, приезжающие в Россию из Таджикистана, эмансипируются, приобретают субъектность. В то же время, находясь в принимающей стране, они постоянно «переключаются» из одного регистра взаимодействия и мышления в другой. Так, в кругу мигрантов они стремятся показать, что по-прежнему соблюдают нормы отправляющего сообщества, тогда как в отношениях с представителями принимающего общества стараются соответствовать российскому образу жизни. Складывается впечатление, что все же женщины больше ориентируются на нормы отправляющего сообщества, поскольку информантки О. Бредниковой в основном говорили о своём желании снова выйти замуж, а партнёра они ищут в среде мигрантов. После повторного вступления в брак можно ожидать, что они, скорее всего, вернуться

¹ Повседневный транснационализм (англ.).

на родину. В противном случае велика вероятность того, что они предпочтут остаться в России на неопределённо долгий срок.

В следующей части книги «Транснациональная семья» размещены тексты Медины Айтиевой «Денежные переводы: нереалистичные ожидания и конфликтующие обязанности по отношению к семье» и Елены Борисовой «Детская мобильность и транснациональное воображение (на примере транснациональных семей из Северного Таджикистана)». Первая работа интересна тем, что денежные переводы мигрантов из Кыргызстана рассматриваются не на макроуровне, как это обычно делается экономистами, когда, к примеру, оцениваются динамика переводов, их роль в ВВП и т. п., а демонстрируется, как принимаются решения о переводах на уровне семей, то есть на микроуровне. Может показаться, что распределение денег в кыргызских семьях является несправедливой и устаревшей практикой. Выйдя замуж, женщина переходит под власть семьи своего мужа, и на распределение её доходов влияет супруг. Как правило, это проявляется в том, что он принимает решения относительно переводов в пользу своей семьи. В то же время женщины-мигрантки стремятся оказывать помощь семьям, в которых они родились. И делают это фактически за спинами своих мужей. Ещё один аспект, на который обращает внимание М. Айтиева, — традиционная экономика дарообмена в Кыргызстане и в России, в которой женщины-мигрантки не всегда хотят участвовать, потому что это требует больших денежных вложений, что в итоге не позволяет делать накопления. Одна из информанток говорила о том, что «устала» от этих обязательств на родине (с. 127), тогда как в России эти требования могут быть не такими строгими. Единственное, чего недостаёт работе М. Айтиевой, это обращения к качественным исследованиям денежных отношений (например, в духе идей В. Зелизер [Зелизер 2004]).

В статье Е. Борисовой внимание акцентируется на том, что дети, участвующие в миграции, нередко исключаются из рассмотрения исследователей, хотя они тоже могут быть охарактеризованы как значимые транснациональные акторы. По сути, статья содержит призыв обращать больше внимания на детей мигрантов и детей-мигрантов. Среди прочего в ней анализируются детские сочинения. Многие дети в Таджикистане (в основном, уже подростки) мечтают или даже планируют поехать в Россию. В то же время хотелось бы понять, как миграция влияет на детей более младшего возраста, как они приобщаются к новой среде, языку, труду.

В следующую часть книги «Транснациональные идентичности» включена статья Э. Насритдинова и Р. Рахимова «Транснациональная идентичность кыргызских трудовых мигрантов в России». Авторы проводили своё исследование в трёх городах — Казани, Екатеринбурге и Москве. Основной вывод, который можно сделать по прочтении: в Казани, по сравнению с Екатеринбургом и особенно с Москвой, мигранты мусульманского происхождения чувствуют себя более комфортно, почти как дома. Э. Насритдинов и Р. Рахимов проводили интервью с трудовыми мигрантами из Кыргызстана, занятыми на рынках. Можно было бы ожидать, что авторы впишут своё исследование в русло российской дискуссии, посвящённой городским рынкам [Ивлева 2010; Дятлов, Григоричев 2015; Тимошкин 2017], однако этого не происходит. Было бы интересно узнать, существуют ли, по мнению авторов, этнические экономики на российских рынках.

Перу А. Алексеевой в той же части книги принадлежит статья «Поеду домой, но останусь в России»: жизненные планы памирцев-мигрантов», посвящённая мотивации и социальным практикам мигрантов с Памира (Таджикистан), которые изучала автор. У исследователей миграции возникает определённый интерес к будущему, предчувствиям, мечтам. А. Алексеева описывает три основных нарратива мигрантов-памирцев: (1) «останусь в России»; (2) «вернусь домой»; (3) «поеду в другую страну» (с. 241–243). Автор вскрывает противоречия в нарративе возвращения домой. Например, желание жить рядом с родителями и одновременно жить там, где хочется. На конечный выбор могут влиять родители. Нужно помнить, что решения о миграции зачастую имеют коллективный, а не индивидуальный характер. За-

метна студенческая миграция с Памира. Несколько иное отношение у памирцев и к женщине, которая, неся семейные обязанности, обычно работает в течение трудоспособного возраста. Чтобы сохранить свою идентичность, памирцы стремятся вступать в эндогамные браки, но это очень ограничивает возможности выбора и может приводить к безбрачию. В статье отчасти смешиваются стратегии на будущее с описаниями культурных особенностей выходцев с Памира.

Следующая часть сборника называется «Вещь в транснациональном контексте», и в неё включены статьи С. Абашина «Мигрантский автомобиль: инвестиция, статус, престиж» и В. Пешковой о движении различных вещей «“Подарки”, “сувениры” и “дары”»: движение вещей и транснациональная миграция из Средней Азии в Россию». Среди мотивов миграции, кроме вступления в брак и постройки дома, рассматривается стремление накопить деньги на автомобиль. С. Абашин показывает, что, помимо чисто экономических обоснований, при покупке машины определённую роль играют социальные и моральные обязательства, соображения престижа. Автомобиль может восприниматься как экономический капитал, социальный, символический и мотильный (то есть капитал подвижности). Разные мотивации при покупке автомобиля дополняют друг друга. Хотя мигранты в целом рационально относятся к приобретению машины, это действие не всегда приносит экономическую прибыль. Как правило, они считают приобретение автомобиля удачным вложением финансовых средств². Но иногда его приобретение не окупается (например, если в силу экономического кризиса в России машины в Узбекистане подешевели). В этом случае мигранты акцентируют значимость поддержания благодаря автомобилю социальных и родственных связей. Складывается впечатление, что мотивация на покупку машины особенно явно проявляется в историях выходцев из Узбекистана. Возможно, это следует объяснять более развитой культурой автомобилизации в этой стране. Но было бы интересно узнать, как обстоят дела с этим в других среднеазиатских странах.

В. Пешкова обращает внимание на то, как в мигрантском потоке движутся вещи в Россию и из России. Характерно, что в первом случае поток вещей меньше. В основном он включает «ностальгические гостинцы» (домашние лепёшки, мёд, рис, диски с национальной музыкой и т. п.). Тогда как из России поток вещей более разнообразный (игрушки, книжки, школьные принадлежности, бытовая и цифровая техника, одежда, стройматериалы и проч.). Автор статьи вводит некую градацию привозимых вещей, подразделяя их на гостинцы, подарки, дары и сувениры. Дары отличает то, что они обычно делаются в пользу местного сообщества (например, для мечети). Остаётся не совсем ясно, нужно ли выделять в отдельную категорию гостинцы (как правило, российские конфеты, шоколад), так как кажется, что это всё те же подарки. Но автор полагает, что подарки — это лично ориентированные вещи, в то время как гостинцы могут раздаривать кому угодно из группы «своих». Сувениром становится вещь, адресованная не «своим» (например, российским коллегам по работе). Здесь автор стремится присоединиться к дискуссии о даре, существующей в области экономической антропологии. В. Пешкова делает вывод, что миграционное движение вещей не является рационально-экономическим, однако их перемещение влияет на качество жизни семей мигрантов. На основе пересылки вещей формируется мигрантская инфраструктура. Через «экзотизацию» этнического россияне, в свою очередь, ближе знакомятся с культурой мигрантов.

В предпоследней части сборника «Транснациональная/транслокальная инфраструктура» представлена статья Е. Деминцевой и Д. Кашницкого «Лечиться у “своих”, лечить “своих”. Роль “киргизских клиник” в жизни среднеазиатских мигрантов в Москве». Вопросы здоровья мигрантов являются довольно актуальной темой. Мигранты, как правило, имеют хорошее здоровье, но под воздействием плохих условий

² О нестабильности богатства в России см.: [Ивлева 2010: 164]. Дело в том, что население не всегда доверяет банкам, поскольку случаются финансовые кризисы, деньги обесцениваются. По этой причине деньги стремятся вложить в недвижимость и другие статусные символы (автомобиль, драгоценности и т. п.). Та же тенденция, судя по всему, характерна и для других стран постсоветского пространства.

жизни и работы они его теряют, перенося болезни на ногах и отказываясь от визита к врачу. Вместе с тем в столице существует определенное число киргизских клиник, предоставляющих мигрантам медицинские услуги по доступным ценам и с учётом их обычаев. Так, например, при обслуживании женщин-мусульманок считается недопустимым проходить обследование у врачей-мужчин. В мигрантском сообществе Москвы распространяется положительная информация об этих клиниках. Но мигранты обращаются в клиники только в особых случаях, когда не остаётся другого выбора. Авторы статьи выделили четыре стратегии получения медицинской помощи: экстренная; обращение за консультацией; неформальная; возвращение домой. Во всех случаях, за исключением экстренной стратегии, мигранты надеются получить помощь от соотечественников. Характерно, что полисы добровольного медицинского страхования (ДМС), как правило, им не помогают, хотя они должны были бы защищать их на случай болезни. Мигранты не знают, на какие платные и (или) бесплатные медицинские услуги они могут рассчитывать. Даже сами врачи не имеют чётко прописанных правил приёма иностранцев. Хотелось бы, конечно, чтобы выводы, сделанные авторами, были восприняты как некая практическая рекомендация.

Автором второй статьи предпоследней части сборника является Е. Капустина, исследовавшая транслокальную жизнь мигрантов из Дагестана в Западной Сибири. Эта работа, называемая «Самый Северный Кавказ»: особенности организации транслокальной жизни мигрантов из Дагестана в Западной Сибири», несколько выбивается из ряда других, поскольку в ней рассматривается внутренняя миграция, а внимание автора сфокусировано на феномене транслокальности. В заглавии книги содержится понятие «транслокальность», однако активно применяет его лишь Е. Капустина, которая обращает внимание на значимость локальностей для информантов — «родного» и (или) «своего» селения в Дагестане и места прибытия на Севере. Эта статья получилась довольно объёмной, многоаспектной. Среди прочего в ней рассматривается движение вещей (одежды), продуктов (прежде всего баранины и говядины), создание на этой основе особого бизнеса, в котором участвуют выходцы с Северного Кавказа. Мигранты, даже если они десятилетиями живут в Сибири, всё равно ориентированы на свою родину и, по сути, живут на два дома, в двух мирах, не утрачивая связей с Дагестаном (строят там дома, женят детей на «своих»). Но Север рассматривается как открывающий больше перспектив для заработка, несмотря на дискриминацию при приёме на работу. Выходцы из Дагестана в Сибири оказываются в более равноправном положении с другими работающими там людьми, потому что большая их часть тоже мигранты. Высоко оцениваются медицинское обеспечение и образование в регионе. В Дагестане при поиске работы задействуются родственные и коррупционные связи, при лечении требуется платить деньги. Автор статьи выясняла также и планы мигрантов на будущее, которые оказались ожидаемыми. Многие планируют вернуться в Дагестан, но некоторые стремятся не в родное село, а в город. Описанные в статье случаи кажутся убедительными в плане использования понятия «транслокальность».

Последняя часть сборника «Транснационализм и новые коммуникативные технологии» содержит статью Р. Уринбоева «Создание “узбекского махалля” посредством смартфонов и социальных медиа: повседневная транснациональная жизнь узбекских мигрантов в России» (под махалля имеется в виду соседская община; в данном случае автор показывает, как махалля воспроизводятся в социальных медиа, например, в сети «Одноклассники» или мессенджерах типа «Viber»). Образ жизни выходцев из Узбекистана принимает транснациональные черты. Миграция воспринимается как норма, а мужчины, которые не едут на заработки, рассматриваются как ленивые или не вполне нормальные. Наличие смартфонов и социальных медиа облегчает общение с родственниками и снижает роль расстояния между отправляющей и принимающей сторонами. Фактически создаётся некое телефонное сообщество, или община, объединяющая мигрантов из одного махалля или села в Узбекистане. При этом этническая и государственная идентичность играют меньшую роль, чем принадлежность к махалля. Наиболее выигрышны в статье отдельные кейсы, демонстрирующие в данном случае, как махалля может влиять на действия мигрантов в России. В то же время обязательства по отношению к своему махалля могут быть довольно обременительными, но мигранты, как показывает данное исследование, стремятся их

соблюдать, поскольку надеются на ответную помощь при форсмажорных обстоятельствах. Р. Уринбоев отмечает, что исследования мигрантов включают среди прочего вопросы, связанные с сексуальными рисками, с которыми якобы сталкиваются женщины-мигрантки. Здесь удивляет патриархальная логика автора, который словно не понимает, что этим рискам не в меньшей степени подвержены и мужчины.

С. Касымова статьёй «Трансграничная коммуникация или мобильная связь в повседневной жизни семей таджикских трудовых мигрантов» продолжает тему коммуникации мигрантов с родственниками, в основном акцентируя внимание на мобильной связи. Она прослеживает этапы распространения мобильной телефонии в Таджикистане. Сейчас мигранты имеют широкие возможности использования мобильных телефонов, что стирает границы и расстояния между странами, создаёт впечатление присутствия мигранта в родном доме, селении. Некоторые звонят своим близким ежедневно и даже по несколько раз на день, другие — по два-три раза в неделю. Это может зависеть от текущих дел или быть выражением привязанности к членам своей семьи. Характерно, что мигранты мало рассказывают по телефону о своей работе и проблемах жизни в России. Они обсуждают пересылку денег, хозяйственные и другие вопросы. По телефону мигрант может давать распоряжения своей семье по хозяйству и контролировать их выполнение. Вероятно, тесная коммуникация мигрантов со своими близкими по мобильному телефону позволяет им отрешиться от проблем в принимающей стране.

Помимо теоретической статьи о транснационализме, в некоторых других работах сборника также демонстрируется отношение авторов к транснациональному подходу. В итоге получается, что идеи, заложенные в этом подходе, дублируются в книге по несколько раз. На вопросы о том, как соотносится транснациональный подход с теориями ассимиляции, мультикультурализма, суперразнообразия, какую роль играют *pull*- и *push*-факторы, ответы не даются. В некоторых статьях авторы пытаются показать, что миграция имеет не только экономическую логику. На неё могут наслаиваться социальная и культурная логики. Но практически во всех статьях экономический аспект имеет значение. Как ни странно, для лучшей контекстуализации происходящего отдельным авторам пришлось привлекать эконом-социологические или эконом-антропологические концепты, отчего статьи выиграли. Таким образом, транснациональный подход представляет собой широкую теоретическую рамку, но его можно комбинировать с другими подходами.

В книге собрана богатая библиография по теме миграции, но ссылки преимущественно делаются на англоязычные источники. Хотелось бы, чтобы авторы статей вписали свою работу и в российскую дискуссию, но этого не произошло. В лучшем случае в публикуемых в данном сборнике работах они ссылаются друг на друга, что можно объяснять недостатком отечественных публикаций о транснационализме.

В сборнике лишь вскользь отмечается проблема расизма и дискриминации, хотя можно было бы поставить вопрос о том, как влияет транснационализм на (не)распространение расизма. Ещё одно замечание связано с тем, что не всегда понятно, на каком языке проводились интервью. Часть авторов — выходцы из Центральной Азии, одна исследовательница из Великобритании. Хотелось бы, чтобы контекст исследований был больше прописан.

В целом больших концептуально проработанных исследований о миграции в России не хватает. Познакомившись с этим сборником, понимаешь, что нам как раз не доставало работ подобного рода и уровня. Представленные в сборнике исследования — яркий пример последовательного и вдумчивого применения концепции транснационализма. Детально рассмотрены самые разные аспекты и контексты транснациональной и транслокальной миграции. Данный сборник может быть интересен как специалистам, исследователям миграции, так и широкому кругу читателей.

Литература

- Абашин С. Н. 2012. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм. *Этнографическое обозрение*. 4: 3–13.
- Абашин С. Н. 2017. Возвращение домой и циркулярная мобильность: как кризисы меняют антропологический взгляд на миграцию. *Этнографическое обозрение*. 3: 5–15.
- Бредникова О. Е. 2017. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? *Этнографическое обозрение*. 3: 32–47.
- Бредникова О., Кайзер М. 2004. Транснационализм и транслокальность. В кн. Бараулина Т., Карпенко О. (отв. ред.) *Миграция и национальное государство*. СПб.: ЦНСИ; 133–146.
- Воронков В., Гладарев Б., Сагитова Л. (ред.) 2011. *Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия*. СПб.: Алетейя.
- Григоричев К. В. 2012. «Таджики», «нерусские», «гастарбайтеры» и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска. *Этнографическое обозрение*. 4: 14–31.
- Деминцева Е. 2008. *Быть «арабом» во Франции*. М.: НЛО.
- Деминцева Е. (ред.) 2013. *Расизм, ксенофобия, дискриминация*. М.: НЛО.
- Дятлов В. И. (ред.) 2009. *Трансграничные миграции и принимающее общество*. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального ун-та.
- Дятлов В. И. 2020. «Этнические рынки» — мигрантские локальности в постсоветском городском пространстве. *Журнал исследований социальной политики*. 18 (4): 577–592.
- Дятлов В. И., Григоричев К. В. (ред.) 2015. *Этнические рынки*. Иркутск: Изд-во ИГУ.
- Зайончковская Ж. А., Полетаев Д. В., Доронина К. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. 2014. *Защита прав москвичей в условиях массовой миграции*. М.: ЦМИ.
- Зелизер В. 2004. *Социальное значение денег*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Ивлева И. В. 2010. *Уличная экономика в повседневности переходного периода*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Каландаров Т. С. 2012. Брак, секс и развод у таджикских трудовых мигрантов. *Этнографическое обозрение*. 4: 82–91.
- Касымова С. Р. 2012. Таджикские женщины в трудовой миграции: вынужденная тактика выживания или выбор свободных женщин? *Этнографическое обозрение*. 4: 68–81.
- Куропятник А. И. 2016. Идентичность и культура в контекстах иммиграции. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 16 (3): 496–509.

- Куропятник М. С. 2020. Суперразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 20 (3): 461–470. DOI: [10.22363/2313-2272-2020-20-3-461-470](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-461-470)
- Малахов В. С. 2015. *Интеграция мигрантов*. М.: Либеральная миссия.
- Малахов В. С., Симон М. Е. (ред.) 2016. *Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности*. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС.
- Мукомель В. И. 2022. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии. *Социологические исследования*. 1: 63–75. DOI: [10.31857/S013216250017014-8](https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8)
- Регаме А. 2010. Образ мигрантов и миграционная политика в России. *Антропологический форум*. 13: 389–406.
- Ривз М. 2009. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана. *Неприкосновенный запас*. 4: 262–280.
- Сабирова Г. А. 2017. «Возвращение после возвращения»: повторная трудовая миграция в Россию. *Этнографическое обозрение*. 3: 63–75.
- Тимошкин Д. О. 2017. «Рынок уехал, “Шанхайка” осталась». *Журнал социологии и социальной антропологии*. 20 (1): 56–73.
- Glick Schiller N. 1999. Transmigrants and Nation-States: Something Old and Something New in the U.S. Immigrant Experience. In: Hirschman C., Kasinitz P., DeWind J. (eds) *The Handbook of International Migration: The American Experience*. New York: Russell Sage; 94–119.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. (eds). 1992. Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. *Annals of The New York Academy of Sciences*. 645 (1), July: 1–258.
- Levitt P., Jaworsky B. N. 2007. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends. *Annual Review of Sociology*. 33: 129–156.
- Pries L. (ed.). 1999. *Migration and Transnational Social Spaces*. Brookfield, WI: Ashgate.
- Pries L. 2002. Transnationalization of the Social World? *Berliner Journal für Soziologie*. 12 (2): 263–272.
- Ryasantsev S. V. et al. 2014. Transformation of Sexual and Matrimonial Behavior of Tajik Labour Migrants in Russia. *Asian Social Science*. 10 (20): 174–183.
- Vertovec S. 2001. Transnationalism and Identity. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 27 (4): 573–582.

NEW BOOKS

Irina Ivleva

Economic and Sociocultural Aspects of Transnational Migration to Russia

Book Review: Abashin S., Brednikova O. (eds) (2021) «Zhit' v dvukh mirakh»: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost' [“*Living in Two Worlds*”: *Rethinking Transnationalism and Translocality*], Moscow: NLO Publishing House. 520 p. (in Russian).

IVLEVA, Irina — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University. Address: 1/3 Smolnogo street, 9-th Entrance, 191124, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: i.ivleva@spbu.ru

Abstract

This compendium presents the transnational approach to migration in action. The book contains articles on the movements of migrants, predominantly from Central Asian countries to Russia and back. Therefore, there is a compilation of data to support the heuristic potential of the concept of transnationalism, taking into account both homelands and host societies. The authors of the publications rely primarily on qualitative research, which is not very common, and it allows a reader to ‘hear’ the voices of the migrants. Simultaneously, some statistics are also given. The book deals with a wide range of objects and topics - transnational models of existence of migrants, the role and the movement of goods in the migration context (exchange of gifts, presents and souvenirs; the migrant car), the role of remittances, migration infrastructure, the use of mobile communications, etc. The apparent focus of the book is on how social and cultural factors impact transnationalism in addition to economic factors. Most of the articles in one way or another deal with the analysis of the interaction of these factors. The authors introduced references to some economic-sociological and economic-anthropological concepts for a better contextualization of the transnational migration processes. The major critical remarks in the review touch upon the issue of duplication of some provisions of the theory of transnationalism, ignoring links with other concepts of migration, and unwillingness to take into account the discussion on the topic previously developed in Russian academia. Also, although the issue of racism and discrimination is mentioned in passing, it would be desirable for future research to explain how transnationalism influences the (non)spread of racism. This collection may be of interest to both specialists and researchers of migration processes, and a wide range of readers.

Key words: migration studies; transnationalism; transnational approach; remittances; movement of goods; mobile connection; migration infrastructure.

References

- Abashin S. N. (2012) Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokalnyie soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 3–13 (in Russian).
- Abashin S. N. (2017) Vozvrashchenie domoy i tsirkuliarnaya mobil'nost': kak krizisy menyayut antropologicheskiiy vzgliad na migratsiyu [Return Home and Circular Mobility: How Crises Change Anthropological Views of Migration]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 3, pp. 5–15 (in Russian).

- Brednikova O. E. (2017) (Ne)Vozvrashchenie: mogu li migranty stat' byvshimi? [The (Non-) Return: Can Migrants Become Former Migrants?]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 3, pp. 32–47 (in Russian).
- Brednikova O., Kaiser M. (2004) Transnationalism and Translocality. *Migration and the Nation State* (eds. T. Baraulina, O. Karpenko), St. Petersburg: CISR, pp. 133–146 (in Russian).
- Glick Schiller N. (1999) Transmigrants and Nation-States: Something Old and Something New in the U.S. Immigrant Experience. *The Handbook of International Migration: The American Experience* (eds. C. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind), New York: Russell Sage, pp. 94–119.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. (eds). (1992) Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. *Annals of The New York Academy of Sciences*, vol. 645, no 1, July, pp. 1–258.
- Grigoriev K. V. (2012) “Tadzhiki”, “nerusskie”, “gastarbaytery” i drugie: inostrannye trudovyye migranty v prigorodakh Irkutska. [“Tajiks”, “Non-Russians”, “Guest Workers” and Others: Foreign Labor Migrants in the Suburbs of Irkutsk]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 14–31 (in Russian).
- Demintseva E. (2008) *Byt' “arabom” vo Frantsii* [To be an “Arab” in France], Moscow: NLR Publishing House (in Russian).
- Demintseva E. (ed.) (2013) *Rasizm, ksenofobiya, diskriminatsiya* [Racism, Xenophobia, Discrimination], Moscow: NLR Publishing House (in Russian).
- Dyatlov V. I. (ed.) (2009) *Transgranichnyye migratsii i prinyimayushcheye obshchestvo* [Transboundary Migrations and Host Society], Ekaterinburg: Ural Federal University Press (in Russian).
- Dyatlov V. I. (2020) «Etnicheskie rynki» — migrantskie lokalnosti v postsovetskom gorodskom prostranstve [‘Ethnic Markets’ — Migrant Localities in Post-Soviet Urban Spaces]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 18 no 4, pp. 577–592 (in Russian).
- Dyatlov V. I., Grigoriev K. V. (eds) (2015) *Etnicheskie rynki* [Ethnic Markets], Irkutsk: ISU Press (in Russian).
- Ivleva I. (2010) *Ulichnaya ekonomika v povsednevnosti perekhodnogo perioda* [Street Economy in Everyday Life of Transition Period], St. Petersburg: SPbU Press (in Russian).
- Kalendarov T. S. (2012) Brak, sex i razvod u tadzhikskikh trudovykh migrantov [Marriage, Sex and Divorce among Tajik Labor Migrants]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 82–91 (in Russian).
- Kasymova S. R. (2012) Tandzhitskie zhentshiny v trudovoy migratsii [Tajik Women in Labor Migration]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 68–81 (in Russian).
- Kuropjatnik A. I. (2016) Identichnost' i kultura v kontekstakh immigratsii [Identity and Culture in the Contexts of Immigration]. *RUDN Journal of Sociology = Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, vol. 16, no 3, pp. 496–509 (in Russian).

- Kuropjatnik M. S. (2020) Superraznoobrazie: rekonfiguratsiya kulturnoy slozhnosti kontekstov sovremennosti [Superdiversity: Reconfiguration of Cultural Complexity of the Contemporary Contexts]. *RUDN Journal of Sociology = Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, vol. 20, no 3, pp. 461–470. DOI: [10.22363/2313-2272-2020-20-3-461-470](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-461-470) (in Russian).
- Levitt P., Jaworsky B. N. (2007) Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends. *Annual Review of Sociology*, vol. 33, pp. 129–156.
- Malakhov V. S. (2015) *Integratsiya migrantov* [Integration of Migrants], Moscow: Liberalnaia missiia (in Russian).
- Malakhov V. S., Simon M. E. (eds) (2016) *Transnatsionalnyie migratsii i sovremennyye gosudarstva v usloviyakh turbulentnosti* [Transnational Migrations and Modern States in the Context of Turbulence], Moscow: “Delo” Publishing House (RANEPA) (in Russian).
- Mukomel’ V. I. (2022) Sredneasiatskie migranty na rossiyskom rynke truda: do pandemii [Central Asian Migrants at the Russian Labor Market: Before the Pandemic]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 63–75 (in Russian).
- Pries L. (ed.) (1999) *Migration and Transnational Social Spaces*, Brookfield, WI: Ashgate.
- Pries L. (2002) Transnationalization of the Social World? *Berliner Journal für Soziologie*, vol. 12, no 2, pp. 263–272.
- Reeves M. (2009) Po tu storonu ekonomicheskogo determinizma: microdinamika migratsii iz selskogo Kyrghyzstana [Beyond Economic Determinism: Microdynamics of Migration from Rural Kyrgyzstan]. *Neprikosnovennyi zapas*, no 4, pp. 262–280 (in Russian).
- Regamey A. (2010) Obraz migrantov i migratsionnaya politika v Rossii [Representations of Migrants and Migration Policy in Russia]. *Forum for Anthropology and Culture = Antropologicheskij forum*, no 13, pp. 389–406 (in Russian).
- Ryasantsev S. V., Pismennaya E. E., Karabulatova I. S., Akramov S. Y. (2014) Transformation of Sexual and Matrimonial Behavior of Tajik Labour Migrants in Russia. *Asian Social Science*, vol. 10, no 20, pp. 174–183.
- Sabirova G. A. (2017) “Vozvrashcheniye posle vozvrashcheniya”: povtornaya trudovaya migratsiya v Rossiiu [“Return after Return”: Repeated Labor Migration to Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 3, pp. 63–75 (in Russian).
- Timoshkin D. O. (2017) “Rynok uekhal, ‘Shankhayka’ ostalas” [“The Market is gone, the ‘Shanghaiika’ has remained»]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 20, no 1, pp. 56–73 (in Russian).
- Vertovec S. (2001) Transnationalism and Identity. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 27, no 4, pp. 573–582.
- Voronkov V., Gladarev B., Sagitova L. (eds) (2011) *Militsiya i etnicheskie migranty: praktiki vzaimodeistviya* [Police and Ethnic Migrants: Practices of Interaction], St. Petersburg: Alethea (in Russian).

Zayonchkovskaya Zh. A., Poletaev D. V., Doronina K. A., Mkrтчan N. V., Florinskaya Yu. F. (2014) *Zashchita prav moskvicey v usloviyakh massovoy migratsii* [Protecting the Rights of Muscovites in the Context of Mass Migration], Moscow: Centre for Migration Studies (in Russian).

Zelizer V. (2004) *Sotsialnoe znachenie deneg* [The Social Meaning of Money], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Received: February 18, 2022

Citation: Ivleva I. (2022) Ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty transnatsional'noy migratsii v Rossiyu [Economic and Sociocultural Aspects of Transnational Migration to Russia. Book Review on Abashin S., Brednikova O. (eds) (2021) «Zhit' v dvukh mirakh»: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost' ["Living in Two Worlds": Rethinking Transnationalism and Translocality], Moscow: NLO Publishing House. 520 p. (in Russian)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 3, pp.160–171, doi: [10.17323/1726-3247-2022-3-160-171](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-160-171) (in Russian).

**Экономическая
социология**
Т. 23. № 3.
Май 2022

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 23. No 3.
May 2022

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>